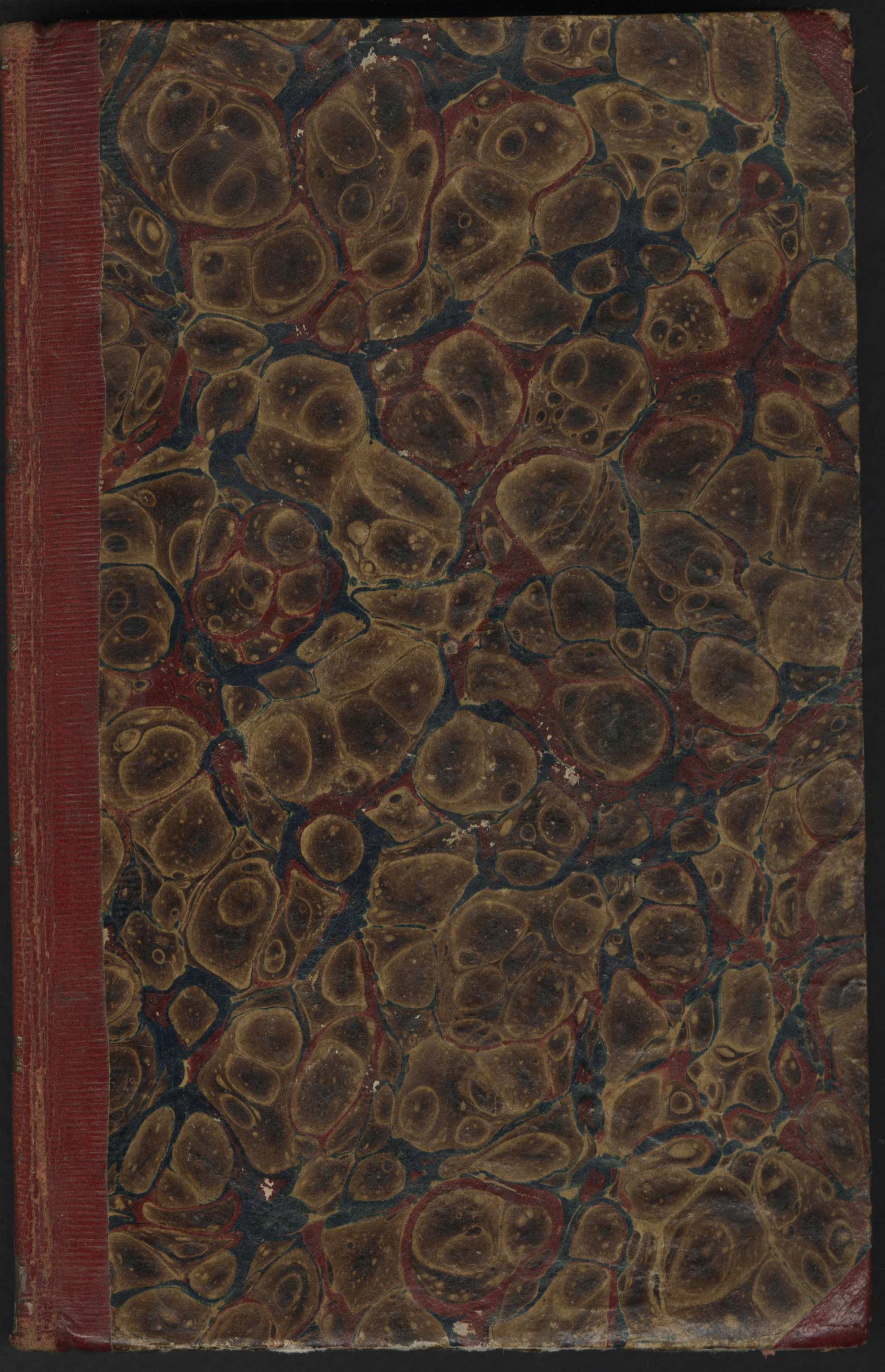

ЗОЛОТЫЕ ЧАСЫ ГОСУДАРЕЙ,

По образу житiя Марка Аврелiя Севера, славнѣйшаго Императора и премудрѣйшаго Философа,

Отъ Антонiя Гевара Составленные.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Съ Латинскаго на Россiйскiй языкъ перевелъ
Находящiйся при коммиссiи о Сочиненiи проекта новаго уложенья студентъ

Андрей Льпопъ

Иждивенiемъ Общества старающагося о напечатанiи книгъ. Цѣна 60 коп. Продается въ Луг. Мил. улицѣ у Книгопродавца К. В. Миллера.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
1774 года.

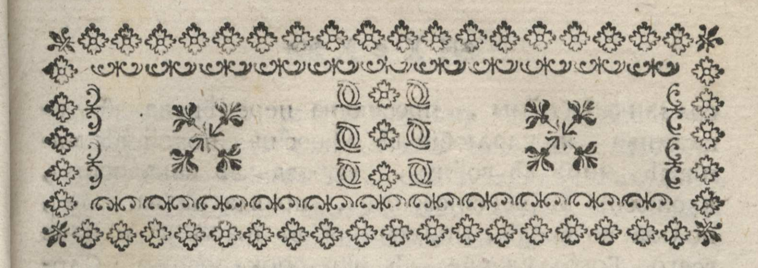
ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

)(o)(

)(o)(

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

АвторЪ говоритЪ о золотомЪ вѢкѢ и о человѢческомЪ бѢдствїи, вЪ которомЪ мы нынѢ страждемЪ.

ВЪ первыхЪ временахЪ и золотомЪ вѢкѢ всѢ жили спокойно, каждой свои оралЪ нивы, свои насаждалЪ масличныя рощи, свои рвалЪ плоды, свои собиралЪ винограды, свои пожиналЪ класы, и своихЪ дѣтей вскармливалЪ; на конецЪ поелику каждый собственнымЪ трудомЪ питался, безЪ обиды другихЪ жили. О злоба человѢческая! О свѢтЪ вѢроломный и проклятый! который никогда не оставляетЪ вещей пребывать вЪ одинакомЪ состоянїи и мѢстѢ. Что же называю я его непостояннымЪ, тому удивляться не должно. Ибо онЪ вЪ самое то время, когда найпаче усердствуетЪ намЪ фортуна, нить жизни нашей немилосердно прерываетЪ. Не могу безЪ слезЪ промолвить, что хотя чрезЪ двѢ тысячи лѢтЪ и имя войны было неизвѢстно; БожїимЪ попущенїемЪ и вымысломЪ человѢческой злобы, раскованы плуги вЪ военныя орудїя, шилье вЪ копья, сошники вЪ стрѢлы, волы превращены коньми, одежды передѢланы вЪ панцыри, денежные кошельки вЪ

солдатскія сумы, простота перемѣнена въ лукавство, трудолюбіе въ лѣность, покой въ мятежъ, миръ въ войну, любовь въ ненависть, кротость въ неистовство, правда въ насиліе, польза во вредъ, милостыня въ татьбу. и паче всего Богослуженіе въ идолопоклонство. Словомъ: вмѣсто поту, которой истощали на умноженіе богатства, дошло до проливанія въ пагубу обществамъ крови.

Свѣтъ, по истиннѣ, въ семъ обстоятельствѣ прямой есть мракъ, и толь непремѣнна пребываетъ человѣческая злоба, что одному пріятно болѣзновать, только бы другой умеръ; сему не досадно попкнуться, лишь бы тотъ упалъ; сему весело терпѣть убожество, когда токмо иной не богатъ; сему нравится быть ненавидимымъ, только бы другой въ милости не находился; сему охотно печалиться, лишъ бы тотъ радостенъ не былъ. Словомъ: мы толь злонравны, что изъ собственнаго жилища прочь добро выгоняемъ, только бы въ чужія ворота злочастіе входило.

Когда сію огромность и шаръ вселенныя Творецъ устроилъ; то опредѣлилъ каждой вещи свое мѣсто и жилище. Умнымъ тварямъ отдалъ Емпирейское Небо, звѣздамъ твердь, планетамъ круги, стихіямъ свѣтъ, птицамъ воздухъ, скотамъ землю, рыбамъ воды, змѣямъ пещеры, дикимъ звѣрямъ холмы; такъ что нѣтъ ни одной твари, которой бы для пребыванія и покоя не назначилъ Богъ мѣста. Чего ради великіе Государи и Князи пусть суетною непревозносятся славою, что ихъ обладателями землй называютъ; поелику всего созданнаго вещества одинъ токмо Богъ истинный есть владыка, и кромѣ упо-

употребленія, ничего бѣдному неостается человѣку. И такъ естьли кажется намъ справедливо, пользоваться выгодами и прислугами тварей; то гораздо справедливѣе почитать Бога, яко высочайшаго обладателя оныхъ.

Въ разсужденіи сей неоспоримости, я безъ всякаго отрицанія признаю, что все Богомъ создано на такой конецъ, дабы служило человѣку, съ тѣмъ точію условіемъ, чтобъ самъ человѣкъ служилъ Богу. Но какъ только человѣкъ отложился отъ Бога, то и созданія всѣ воспротивились человѣку. Ибо по достоинству не отдаютъ тому никакого послушанія, который самъ и одной заповѣди не восхотѣлъ повиноваться. Въ коликія, увы! созданіе погрузилось бѣдства, по той токмо причинѣ, что Творцу было ослушно: Понеже естьли бы человѣкъ въ Едемѣ божественную соблюлъ заповѣдь, то и господьствованіе его въ свѣтѣ было бы сохранено Богомъ. Но однакожъ тѣ самыя твари, кои онъ для угожденія своего создалъ, къ вящшему оскорбленію его послужили. Ибо мудраго ни что такъ не огорьчаетъ; какъ неблагодарность за учиненное благодѣяніе.

Жалостно и слезно зрѣть, каковъ былъ человѣкъ въ раю, и какимъ бы могъ еще быть на небесахъ; напротивъ же того, каковъ онъ теперь въ свѣтѣ; и паче всего, каковъ будетъ по томъ во гробѣ. Ибо въ земномъ Едемѣ былъ онъ святой и непорочной, и на небесахъ имѣлъ воспріять блаженство; но въ мірѣ нынѣ окружаютъ его печали, а на конецъ и во гробѣ пожрутъ черви. И такъ видимъ, какіе плоды непослушаніе божественной заповѣди принесло намъ въ мірѣ. Ибо крайнѣ тотъ глупъ и безуменъ, кто

отваживается творить нѣкоторой грѣхъ, не надѣясь оттуда ни какого тѣлу своему угожденія. Вотъ какое, по моему мнѣнію, отъ грѣха, прародительми въ Едемѣ учиненнаго, на насъ потомковъ ихъ въ свѣтѣ семъ простерлось иго рабства! что, вхожу въ рѣку, потопляетъ; приближусь къ псу, уязвляетъ; грожу лошади, бьетъ копытомъ; силюсь противъ вѣтру, съ ногъ сшибаетъ; гоняюсь за змѣемъ, ядомъ заражаетъ; раздражню медвѣдя, умерщвляетъ; на конецъ того, коему въ жизни человѣковъ звѣрски пожирать было пріятно, самаго утробу черви во гробѣ снѣдаютъ.

Сего ради, державные Государи и Князи! обременяйте вы себя Атталъскими одеждами, накопляйте великія сокровища, набирайте многочисленныя арміи, вымышляйте различные роды увеселительныхъ игръ, тѣшьтеся найлучшими забавами, отмщайте измѣнникамъ, пользуйтесь вѣрнымъ послушаніемъ рабовъ, отдавайте дѣтей въ супружество величайшимъ Монархамъ, будьте страшны всѣмъ непріятелямъ и тираннамъ, насыщайте тѣла многими роскошьми, оставляйте наслѣдникамъ пространныя царства, сооружайте въ память огромные чертоги и зданія; истинно, кленусь тѣмъ, коего нелицемѣрному суду предстать имѣю, ни мало не льститъ меня нѣжная ваша жизнь, и я отъ завидованія оной толь отстою далече, что при всемъ томъ о душахъ вашихъ болѣзную сердцемъ. Ибо вмалѣ, и кончатся утѣхи ваши; вмалѣ, и преданы будете гладнымъ червямъ на снѣденіе.

О! Когда бы помышляли Государи, что хотя они Государями родятся, и въ пространнѣйшихъ державахъ воспитываются; смерть однакожъ не

медлѣнно

медлѣнно отъ самаго часа рожденія, и даже отъ матерьняго чрева къ нимъ подкрадается, и на жизнь ихъ сѣти простираетъ! Она то съ сей, то съ другой стороны, то здоровыхъ, то больныхъ трогаетъ; и хотя падаютъ, хотя встаютъ, ни на мгновеніе ока не оставляетъ, доколѣ не заключитъ ихъ въ тѣсноту гроба.

Естьлижъ то, чѣмъ владѣютъ въ жизни сей Государи, малое; а уповаемое въ будущемъ вѣкѣ величайшее уготовано сокровище, какъ о томъ неоспоримая свидѣтельствуетъ правда; то во истинну мнѣ не токмо дивно; но и прискорбно, что Государи, коихъ толь тѣсные ожидаютъ гробы, съ толикою пышностію въ славѣ своей распространяются. Ибо человѣкамъ по той причинѣ, что они богаты, что почтенны, что сильны, надуваться и возноситься гордостію крайнѣ неприлично, когда очевидно уже имъ представляется, сколь человѣческое состояніе слабости и тлѣнію причастно.

Мы всеконечно жизнь свою, неинако, какъ наемное пристанище; смерть же, яко вѣчное владѣніе почитать должны. Смерть, есть наслѣдіе, которое отъ предковъ потомки получаютъ; жизнь же владѣніе, дозволенное токмо по конецъ дыханія каждаго человѣка, которое на всякой день и минуту исчезаетъ. Ибо смерть въ толь блискіе себѣ родственники насъ присвоила, что часто противъ желанія и чаянія нашего посѣщаетъ; а жизнь такъ чуждается нами, что не рѣдко безъ спросу и увольненія отъ насъ уходитъ. Ежелижъ это правда, какъ и въ самой вещи есть истинна; то чего ради великіе Государи и Князи столько дерзновенны, что въ чужомъ жилищѣ, которымъ есть жизнь сія; какъ

будто въ собственномъ своемъ домѣ, которымъ есть гробъ нашъ, отважно повелѣваютъ?

Но оставя исчисленныя доселѣ разсужденія, я утверждаю, что рабство черезъ одинъ токмо грѣхъ, какъ будто черезъ стѣну отъ насъ жило, и вошло въ міръ сей. Понеже, естьли бы не имѣлось ни какихъ грѣшниковъ; то ни властелиновъ, ни рабовъ не былобъ вѣрно. Но хотя рабство вообще въ цѣлой свѣтѣ ворвалось черезъ грѣхъ; власть однакожъ Государей отъ божественной воли и опредѣленія зависитъ. Ибо въ Соломоновыхъ притчахъ главы осьмой, стихъ пятыйнадесять гласитъ: по мнѣ царствуетъ Царь, и по мнѣ Князь судитъ людемъ правду.

И такъ настоящее разсужденіе заключаю тѣмъ; поелику извѣстно, что самъ Богъ къ правленію свѣта устроилъ Государей, то мы обязаны имъ во всемъ неотложно повиноваться. Ибо нѣтъ зловреднѣйшей обществу язвы, какъ должнаго Государю не отдавать послушанія.

Глава вторая.

О походѣ Великаго Александра въ Индію, по полученіи уже надъ Даріемъ побѣды въ Азіи; и о послѣдовавшемъ ему у Гарамантовъ приключеніи. Также, что вящшую имѣетъ силу спокойная жизнь, нежели всѣ военныя затѣи.

Лѣта отъ созданія міра четыре тысячнаго, въ пятомъ вселенныя вѣкѣ, за временъ верьховнаго во Іерусалимѣ первосвященника Іадда, и въ Римѣ Декія и Манлія консуловъ, на третьемъ году Греческія Монархіи, Александръ Великій, Филиппа

липпа Македонскаго царя сынъ, последнее съ Даріемъ Персидскимъ царемъ отправилъ сраженіе, на которомъ Александръ раненъ, Дарій умерщвленъ, и престолъ Персидской Монархіи къ Грекамъ перенесенъ. Ибо несчастливые Государи не токмо жизни, рожденіемъ полученной; но и царствъ, наследіемъ пріобрѣтенныхъ, лишаются. По истребленіи же Дарія, одержаніи Александромъ победы, и возложеніи отъ Грековъ на Персіянъ и Мидянъ ига рабства, хотя многіе цари и князи на тѣхъ жесточайшихъ пали сраженіяхъ; однакожъ Александръ Азіатскими царствами небудучи доволенъ, вознамѣрился самъ итти въ Индійской походъ съ войскомъ. Ибо гордыя сердца то, чего съ жадностью желали, получа; немедлѣнно презирать начинаютъ.

И такъ Александръ давши отдыхъ и дополненіе войску, и по всѣмъ Азіадтскимъ областямъ даже до предѣловъ Персіи распредѣля намѣстниковъ, отправился къ завоеванію Индіи. И понеже заклялся призывая во свидѣтельство боговъ, что вся вселенная будетъ имѣть одну монархію, которою онъ обладать станетъ, и ни же ногой не вступитъ никогда въ чужую область, которой бы не покорилъ подъ свою державу; то сколько ни проходилъ земель, безъ сопротивленія всѣ или разоряемы, или покоряемы были. Ибо мучительскія сердца не пріемлютъ во уваженіе чужихъ бѣдствій, толькобъ лишъ свои неистовыя удовлетворить желанія.

А какъ Александръ продолжалъ путь свой, покоряя царства и опустошая провинціи; то доведался случайно, что по ту сторону Рифейскихъ горъ, которою онѣ простираются къ Индіи, обитаетъ варварской народъ Гараманты, кои ни

отъ Персїянъ, ни отъ Мидянъ, ни отъ Римлянъ, ни отъ Грековъ никогда завоеваны не были. Понеже оттуда, гдѣ не имѣлось ни какихъ военныхъ орудїй, торжественной побѣды не уповали; ни корысти, яко отъ народа не владѣющаго ни какимъ богатствомъ, нечаяли.

Александръ, поелику жадно и смѣло нападалъ на непокоривыя царства, и крайнѣ любопытенъ былъ видѣть новости; то не точїю вельможъ своихъ послать для осмотрѣнїя той страны, но и самъ въ посольской свитѣ присутствовать, и вѣчную тамъ оставить по себѣ память вознамѣрился: что и самимъ учинилъ дѣломъ, устроивъ жертвенникъ по примѣру Геркулеса, создавшаго въ Каликсѣ пирамиды. Ибо толь гордое есть человѣческое сердце, что не токмо со многими сравниться; но и всѣхъ превзойти силы напрягаетъ.

И такъ отправлены посланники съ тѣмъ, дабы возвѣщая пришествїе Великаго царя Александра, дали знать Гарамантамъ, что онъ тяжчайшїя произвелъ брани, на жесточайшихъ сраженїяхъ одержалъ побѣды, пресильнаго истребилъ царя Дарїя, всю Азїю покорилъ подъ свою державу; и на конецъ весь свѣтъ ему предался, такъ что никто противо его и оружїя поднять не смѣетъ, но всѣ исполняютъ повелѣнное. Сїе и подобное тому, для приведенїя ихъ въ робость, посольство говорило. Ибо часто храбрые мужи больше словами, нежели трусливые мечемъ, устрашаютъ.

1. Боскъ въ 3 книгѣ о древностяхъ Греческихъ, откуда и сїе повѣствованїе взято. пишетъ, что варвары услыша такую вѣдомость отъ Александровыхъ посланниковъ, не потревожилисв

жились оною ни мало, ни ударились въ бѣгство, ни готовились на брань, ни принялись за оружїе, ни думали сопротивляться, ни отлучились изъ города, гдѣ пребыванїе имѣли; и не выступилъ никто изъ нихъ и ногой изъ своего дому. на послѣдокъ ни слово кому либо изъ посольства Александрова молвили, ниже отвѣтъ дали. И по истиннѣ, разумно сїе учинили варвары: ибо лишнїй трудъ для тѣхъ, разсуждать и совѣтоваться, кои и безъ того уже готовы къ дѣлу.

Удивительное о Гарамантахъ повѣствуютъ историки, сирѣчь; что у всѣхъ ихъ равные были домы; всѣ мущины въ одинакихъ ходили одеждахъ; никто не былъ другаго богатѣе; въ пищѣ были непрожорливы; въ питьѣ вина наблюдали крайнюю умѣренность; ссоръ и мятежей вовсе не знали; празныхъ въ обществѣ своемъ ни кого недержали; ни какого оружїя у нихъ ненаходилось, поелику и непрїятелей ни какихъ не имѣли; на конецъ, въ словахъ весьма скромны и справедливы были.

Въ прочемъ, увѣдомясь Александръ о Гарамантахъ и житїи ихъ, такожъ что они непротивились Вельможамъ, ниже удостоивали посланниковъ его своимъ разговоромъ; вознамѣрился самъ призвавъ ихъ къ себѣ, бесѣдовать съ ними; прилѣжно прося, дабы обрѣтающїеся между ими мудрые и ученые люди пришедъ къ нему, на письмѣ, или на словахъ поговорили. Ибо Александръ толикой былъ доброжелатель ученымъ, что какїя ни случалось ему завоевать царства, возвращалъ оныя немедлѣнно, кромѣ мудрыхъ людей, коихъ бралъ, и у себя удерживалъ. Повѣствуетъ Квинтъ Курцїй, что Александръ часто

говаривалъ: „ недѣлаетъ утраты Государь, хотя „ и все расточитъ сокровища на пріобрѣтеніе „ такого царства, въ которомъ бы единаго токмо мудраго и ученаго человѣка могъ снискать „ себѣ дружбу. „ Достойная по истиннѣ рѣчь Александрова! Ибо лучше и полезнѣе Государямъ, въ жизни своей окруженнымъ быть мудрыми людьми; нежели, умирая, великія наслѣдникамъ оставлять сокровища. А какъ пришло предъ лице Александрово нѣсколько Гарамантовъ; то одинъ изъ нихъ, который гораздо казался старѣе, и самымъ дѣломъ всѣхъ былъ премудрѣе, при молчаніи прочихъ, имененъ всего общества говорилъ слѣдующую рѣчь.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Рѣчь мудреца Гарамантскаго, говоренная къ великому Александру, которою доказываетъ, что они смиренномудрствуя и довольствуясь малымъ владѣніемъ, живутъ гораздо благополучнѣе; нежели онъ владѣя многимъ, и гордо о себѣ мысля. Также что крайнее есть безуміе, желать пространнаго и долговременнаго царства тому, который имѣетъ краткое теченіе жизни.

„ Вѣдай, о Александръ! Гараманты такое „ имѣютъ обыкновеніе, что рѣдко бесѣдуютъ „ другъ съ другомъ, и почти никогда неговорятъ съ иностранными; а наипаче ежели оные „ суть творцы мятежей и бесчиній. Понеже „ беззаконнаго человѣка языкъ ничто иное есть, „ какъ токмо свидѣтель злобнаго сердца.

„ Когда

„ Когда возвѣстили намъ, что ты идешъ въ
„ сїю землю; мы ни встрѣчею тебя почтить,
„ ни къ оборонѣ прїуготовляться, ни къ зрѣнїю
„ тебя поднять глазъ, ни къ собесѣдовонїю от-
„ крыть устъ, ни раздраженїя ради подвигнуть
„ рукъ, ни для поврежденїя твоего всчать вой-
„ ну не определили. Ибо гораздо вящшее въ
„ насъ чести и богатства, которыя ты лю-
„ бишъ, презрѣнїе; нежели въ тебѣ славы и со-
„ кровищъ, кои мы презираемъ, любовь обрѣ-
„ тается.

„ Поелику угодно тебѣ, чтобъ мы тебя по-
„ видали, хотя видѣть тебя нежелаемъ; чтобъ
„ тебѣ служили, хотя служить тебѣ нехощемъ;
„ и чтобъ съ тобой бесѣдовали, хотя бесѣдо-
„ вать отрекаемся; то недосадно будетъ намъ
„ сїе дѣлать, съ тѣмъ условїемъ, дабы ты
„ выслушалъ насъ терпѣливно. Ибо то, что
„ мы тебѣ скажемъ, больше воспользуетъ тебя,
„ дабы ты жизнь свою исправилъ; нежели насъ,
„ чтобъ отъ разоренїя отечества нашего удер-
„ жался. Понеже самая справедливость тре-
„ буетъ, дабы познали будущихъ вѣковъ Государи,
„ что мы за маловажное почитаемъ то, что наше
„ есть; а ты изнуряешся и упражняешся въ гра
„ бленїи того, что чужое есть.

„ Объ одномъ тебя, Александръ вопрошаю,
„ на противо чего, невѣдаю, можешъ ли ты
„ дать отвѣтъ; поелику гордые человѣки имѣ-
„ ютъ помраченной разумъ. Скажи пожалуй мнѣ,
„ куда шествуешъ? откуда идешъ? чего же-
„ лаешъ? что думаешъ? чего требуешъ? что
„ затѣваетъ? къ которымъ еще царствамъ и
„ областямъ простираются несытыя сердца
„ твоего вожделѣнїя? Не напрасно о семъ тебя

„ вопрошаю:

„ вопрошаю: что за вещь, которой ты жела-
„ ешь? что за вещь, которой ты требуешь? и
„ что за вещь, которой ты ищешь? поелику
„ уповаю, что ты не знаешь, чего ищешь. Ибо
„ гордой и славолюбивой духъ и самъ не ра-
„ зумѣетъ, что ему удовлетворить можетъ.
„ Понеже ты славолюбивъ, то слава тебя помра-
„ чаетъ; понеже расточителенъ, то страсть
„ имѣнія тебя плѣняетъ; понеже младолѣтенъ,
„ то невѣжество тебя обольщаетъ; чтобъ ты
„ слѣдовалъ несмысленному народу, и не слѣдо-
„ валъ разуму; чтобъ утверждался на собствен-
„ номъ мнѣніи, и отметахъ чужой совѣтъ,
„ чтобъ любилъ ласкателей, и удалялъ отъ
„ себя мудрыхъ и добродѣтельныхъ мужей. Ибо
„ Государи и высоковластные мужи лучше жела-
„ ютъ себѣ ложной похвалы, нежели справедли-
„ ваго увѣщанія.

„ Истинно я, о Государи! причины вашего
„ заблужденія неразумѣю, что вы въ царскихъ
„ домахъ, въ государствахъ и областяхъ боль-
„ шее число шутовъ, ласкателей и смѣхотвор-
„ цовъ, нежели мудрыхъ мужей содержите.
„ Ибо въ царскомъ домѣ, ежели одинъ имѣется
„ добрыхъ дѣлъ предлагатель; то на противъ
„ того обрѣтается шесть сотъ поощрителей
„ къ тиранскому свирѣпству. Истинно, нынѣ же
„ предусматриваю, о Александръ, что скоряе
„ боги положатъ тебѣ предѣлъ жизни, нежели
„ ты опредѣлишъ конецъ брани. Ибо посреди
„ мятежей и замѣшательствъ воспитанному че-
„ ловѣку самое беспокойство есть вмѣсто покоя.

„ Я вижу, что въ кругъ тебя стоятъ воины,
„ и сидятъ тиранны; вижу, что ты обнажаетъ
„ храмы, и бесполезно расточаешъ богатства;

„ вижу,

„ вижу, что закалаешъ неповинныхъ, и возму-
„ щаешъ миролюбивыхъ; вижу, что ты всѣмъ
„ будучи врагъ, самъ ласкательствами притво-
„ рныхъ друговъ, что есть край бѣдствія, оболь-
„ щаешся. Толь же суровые, каковы сіи суть
„ труды, невозможно статься, чтобъ ты здер-
„ жалъ: но или ты безуменъ, или свише казнь
„ сія на тебя возложена. Ибо часто попущеніемъ
„ боговъ человѣки, наслаждающіеся беспечальною
„ праздностью и покоемъ, въ трудныя и тяго-
„ стныя дѣла вступаютъ, не для того, чтобъ изъ
„ настоящихъ честь получили, но за прешедшія
„ наказаніе воспріяли. Понеже толь суть право-
„ судны боги, что поздо ли, или скоро, никогда
„ злодѣйства безъ наказанія не оставляютъ.

„ Скажи пожалуй мнѣ, не величайшеель есть
„ безумїе, что ты многихъ приводишъ въ нище-
„ ту, дабы самъ обогатился? Не крайняяль глу-
„ пость, что ты желая самъ наподобіе тиран-
„ на обладать, всѣхъ господьствованія лишаешъ?
„ Не величайшеель неистовство, что ты съ по-
„ губленіемъ нашей жизни, многіе во вселенной
„ знаки въ память твою поставить желаешъ?
„ Не послѣднеель неразуміе, что ты хощешъ,
„ дабы неутолимыя вожделѣнія твои боги опра-
„ вдили, всего же свѣта волю и мнѣніе осуди-
„ ли? Не крайнеель бѣшенство, что ты жела-
„ ешъ съ слезами убогихъ и вдовицъ толь тру-
„ дныя и кровавыя получить побѣды? Не знат-
„ ноель сумозбродство, что ты кровію неповин-
„ ныхъ обагряешъ землю, дабы пріобрѣсть бес-
„ плодную между человѣками славу? Не край-
„ неель кажется тебѣ дурачество, что ты же-
„ лаешъ одному себѣ присвоить и похитить

„ свѣтъ,

„ свѣтъ, которой боги между толь многими
„ раздѣлили?

„ Сіи дѣла, о Александръ! Не твари между
„ смертными человѣками; но Фуріи между ад-
„ скими Евменидами рожденной и воспитанной
„ приличны. Ибо человѣковъ не по добротѣ при-
„ роды, которую имѣютъ; но по преизъяществу
„ или развратности дѣлъ, которыя совершаютъ,
„ уважать должно. Проклятъ нынѣ, ежели еще
„ не былъ; и проклятъ будетъ, ежели еще
„ нѣтъ; кто жизнь свою во вредъ всѣхъ обра-
„ щаетъ для сей единственной причины, дабы
„ въ будущихъ вѣкахъ возъимѣлъ похвалу и
„ славу храбраго и мужественнаго героя. Ибо
„ весьма рѣдко попускаютъ боги пріятно въ мірѣ
„ наслаждаться тѣмъ, что неправедною вой-
„ ною пріобрѣтено.

„ Желалъ бы я знать, что за самоудльство,
„ побужденіемъ коего ты отъ Дарія царя. Госу-
„ даря твоего отложился; и по смерти его цѣ-
„ лой свѣтъ покорить устремился, не яко на-
„ слѣдный царь, но яко иноземный тираннъ. Ибо
„ по достоинству тотъ называется тиранномъ,
„ кто безъ всякой причины и справедливости
„ на чужее добро нападаетъ. Ежели скажешъ,
„ что ты или правды, или мира, или богат-
„ ства, или славы, или покоя, или пользы дру-
„ говъ, или отмщенія надъ врагами ищешъ; то
„ кленусь милостію боговъ, что ни чего изъ
„ тѣхъ вещей симъ, которой предпріялъ, пу-
„ темъ не обрящешъ. Ибо сладкіе соты между
„ горькою желчью не родятся.

„ Какъ же повѣримъ мы, что ты ищешъ
„ правды, когда противо всякой справедливости,
„ утѣсняешъ всю землю тиранскою властію?

„ Какъ

„ какъ повѣримъ, что мира; когда всѣхъ, кои ни „ пріемлютъ тебя, дѣлаешъ своими данниками, „ и съ сопротивляющимися тебѣ непріятельски „ поступаешъ? Какъ повѣримъ, что покоя; „ когда по всему свѣту мятежи разсѣваешъ? „ Какъ повѣримъ, что милосердія, когда ты „ отправляешъ званіе мучителя человѣческой „ слабости? Какъ повѣримъ, что богатства, „ когда ты ни собственными, ни отъ побѣж- „ денныхъ взимаемыми, ни отъ побѣдителей „ приносимыми сокровищами, недоволенъ? Какъ „ повѣримъ, что ближнихъ или друговъ вы- „ годностей ищешъ, когда ты старыхъ друзей „ сдѣлалъ себѣ новыми непріятельми? Вѣдай, „ Александръ, что бо́льшій меньшаго учить, а „ меньшій большему повиноваться долженъ: и „ между равными только бываетъ дружба. Есть- „ ли же ты никого равнымъ имѣть не хочешъ; „ то не для чего тебѣ уповать въ свѣтѣ друга. „ Ибо часто Государи чрезъ неблагодарность „ вѣрнѣйшихъ теряютъ друговъ, и смертель- „ ныхъ чрезъ гордость пріобрѣтаютъ непріяте- „ лей.

„ Какъ же повѣримъ мы, что идешъ мстить „ непріятелямъ, когда самъ себя жесточа́е тер- „ заешъ на свободѣ, нежели бы терзали тебя не- „ пріятели въ плѣнѣ? естьлижъ бы паче чаянія „ нашлись тѣ, кои прежде отцу твоему Филип- „ пу учинили обиду, или тебѣ сыну его нынѣ „ явились непослушны; то не благоразумнѣе ль „ былобы снискивать ихъ дружбу, нежели под- „ крѣплять вражду? понеже милосердному и „ благородному духу тягостнѣе всякой ка́зни, „ другимъ отмщеніе дѣлать.

„ Не

„ Не можемъ мы справедливо утверждать, „ что труды твои къ достиженію основательной славы прямо полагаются, когда ты „ обращеніе и жизнь толь развратную и отъ „ добродѣтели чуждую употребляешъ. Ибо истинная слава не въ языкѣ ласкателей; но въ „ дѣйствіи Государей заключается. Не пріобрѣтается слава обращеніемъ беззаконныхъ: но сообщеніемъ добродѣтельныхъ. Ибо излишняя съ „ беззаконными дружба весьма подозрительною „ дѣлаетъ жизнь добродѣтельнаго человѣка. Не „ пріобрѣтается слава собирая богатства ко „ смерти: но оныя благоразумно расточая въ жизни. Ибо извѣстнѣйшее есть правило, что который человѣкъ славу свою дорого ставитъ, тому „ богатство дешево цѣнить должно: и кто дешево „ цѣнитъ богатство, знакъ есть, что тотъ славу свою дорого ставитъ. Не пріобрѣтается слава, убивая неповинныхъ; но истребляя тиранновъ. Ибо все согласіе добраго правленія Государей въ наказаніи бесчинныхъ, и награжденіи добродѣтельныхъ положено. Не снискивается слава „ похищая чужое; но раздавая собственное. Ибо „ ни что царскаго величества не украшаетъ „ больше, какъ то, ежели онъ въ твореніи благодѣяній, и раздаваніи награжденій изъявляетъ „ свои щедроты, и въ воспріиманіи услугъ и „ дароприношеній ни какого не оказываетъ въ „ себѣ пристрастія. Чего ради научись и познай, „ кто въ жизни сей пріобрѣтаетъ и имѣетъ „ славу; сирѣчь, не тотъ, который жизнь иждиваетъ въ брани; но коего смерть уноситъ въ „ мирѣ.

„ Я вижу, Александръ! что ты младолѣтенъ, „ и желаешъ великой славы. И такъ вѣдай, что

„ ни

„ ни чемъ больше ты себя не обезславляешъ, „ какъ безмѣрнымъ желанїемъ и исканїемъ славы. „ Понеже славолюбивые человѣки естьли желаемаго не достигаютъ, то снискиваютъ безславїе; а хотя бы и найпаче успѣли въ своемъ „ предпрїятїи, то ни чемъ не бываютъ почтеннѣе. Повѣрь мнѣ, Александръ, что къ истинной и основательной славѣ многимъ благодѣтельствуя восходить; а не беззаконными „ промыслами шествовать должно. Ибо чрезъ „ насилїе прїобрѣтенной славы конецъ есть безславїе.

„ Я о тебѣ, Александръ, сожалѣю видя, что ты не имѣешъ правды, поелику любишъ насилїе; видя, что ты не имѣешъ мира, поелику упражняешся въ войнѣ; видя, что ты не имѣешъ богатства, поелику свѣтъ сдѣлалъ нищимъ; видя, что ты не имѣешъ покоя, поелику гоняешся за трудомъ и мятежами; видя, что ты не имѣешъ славы, поелику шествуешъ къ ней путемъ безславїя; видя, что ты лишаешся друговъ, поелику учинилъ ихъ себѣ врагами; напослѣдокъ видя, что ты не отмщаешъ непрїятелямъ, поелику самъ надъ собою, по желанїю ихъ отправляешъ должность мучителя. Естьлижъ сїе такъ есть; то для чего пребываешъ въ жизни лишаясь тѣхъ даровъ, для которыхъ жизни желать должно? Ибо того, кто безъ собственной пользы, и съ чужимъ вредомъ жизнь провождаетъ, на смерть осудя жизни лишить достойно. Ибо ни что скоряе не разоряетъ общества, какъ терпѣнїе воономъ людей бесполезныхъ.

„ И дабы сказать истинну, отъ чего вы Монархи и князи весьма убоги; я не сомнѣваюсь,

„ что ты о обладанiи вселенной стараешся для
„ того, дабы ни кого въ свѣтѣ не признавать
„ властелиномъ; и купно толь многихъ жизни
„ лишить желаешъ, дабы смертiю ихъ могъ по-
„ лучить безсмертную славу. Ежели бы бран-
„ носные и свирѣпые Государи, каковъ ты,
„ умерщвляемыхъ ими человѣковъ жизнь въ на-
„ слѣдство воспрiимали, къ продолженiю, сирѣчь,
„ собственной жизни, такъ какъ прiобрѣтенiемъ
„ имѣнiй обогащаютъ свои домы; то хотя война
„ и несправедлива, однакъ по крайней мѣрѣ бы-
„ ла бы сносна. Но какая польза, сего дня раба
„ лишать жизни, ежели на утрешней день
„ смерть господину срокъ назначаетъ! Сирѣчь,
„ излишеству безумiя, или недостатку разума,
„ о Александръ! приписать должно, естьли кто
„ желаетъ долго царствовать, имѣя краткой
„ предѣлъ жизни. Гордыхъ и славолюбивыхъ че-
„ ловѣковъ, дѣла свои не по малости дней,
„ кои жить имѣютъ; но по пространству замы-
„ словъ, кои о господствованiи всчинаютъ, раз-
„ мѣряющихъ и многотрудная жизнь, и бѣд-
„ ственная смерть ожидаетъ: ко отвращенiю
„ чего сiе предлагается средство, дабы мудрый
„ и разумный мужъ, естьли не достигаетъ того,
„ чего желаетъ, доволенъ былъ тѣмъ, что мо-
„ жетъ.

„ Вѣдай, о Александръ! что не тѣ человѣки
„ суть совершенны, кои много видятъ, много
„ слышатъ, много познаютъ, много имѣютъ,
„ много могутъ, и многими повелѣваютъ; но кои
„ волѣ и власти боговъ повинуются. Я всеконеч-
„ но признаю совершеннымъ человѣка, который
„ того, что имѣетъ, по собственному разсужде-
„ нiю, не заслуживаетъ; и гораздо больше, неже-

„ ли

„ ли что имѣетъ, по чужому заслуживаетъ мнѣ-
„ нїю. Мы почитаемъ того недостойнымъ славы,
„ кто оной достойнымъ себя мечтаетъ; и для
„ того ты, Александръ, заслуживаешъ быть
„ всѣхъ невольникомъ, поелику думаешъ про се-
„ бя, что ты достоинъ господствовать надъ
„ всѣми. Кленусь безсмертными богами, не знаю,
„ для чего ты не восхотѣлъ быть другомъ и
„ прїятелемъ Дарїевымъ: истинно не вѣдаю, ка-
„ кой ты оттуда пользы уповаешъ, что ищешъ
„ обладанїя вселенной. Ибо самою вещїю гораздо
„ лучше рабство въ мирѣ, нежели господство-
„ ванїе въ брани: и ежели кто изображеннымъ
„ отъ меня словамъ воспротиворѣчитъ; я приз-
„ наю, что тотъ потерялъ вкусъ правды, и
„ здраваго ума не имѣетъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Гарамантскїй мудрецъ продолжая свое намѣренїе, показываетъ, что невозможно изобилїемъ богатствъ прїобрѣсть вѣчной жизни; такожъ пересказываетъ семь варварскихъ узаконенїй; и утверждаетъ, что царства, коими Государи обладаютъ, или прїобрѣтаютъ, суть ограничены; попеченїя же, коими себя обременяютъ, суть беспредѣльны.

„ Не воспротиворѣчишъ, Александръ, что ты
„ благополучнѣе жилъ прежде, когда былъ ца-
„ ремъ Македонскимъ, нежели нынѣ, когда всея
„ земли обладателемъ учинился. Ибо неумѣ-
„ ренные труды человѣковъ въ спокойствїи пре-
„ бывать не допускаютъ. Не воспротиворѣчишъ
„ Александръ, что чѣмъ больше ты получаешъ

„ и имѣешъ, тѣмъ вящше къ полученїю и имѣ-
„ нїю страсть твоя умножается, Ибо пламенемъ
„ вожделѣнїй зажженное и пылающее сердце, не
„ хворостомъ или дровами богатствъ закидывать;
„ но землею гроба засыпать и утушать должно.

„ Не воспротиворѣчишъ, Александръ, что
„ твое, которое по истиннѣ есть многое, ма-
„ лымъ; а чужое, которое самою вещїю есть
„ малое, великимъ тебѣ кажется. Понеже боги
„ сїе славолюбивому и жадному сердцу наказанїе
„ опредѣлили, что оно ни малымъ, ни великимъ,
„ которое имѣетъ, стяжанїемъ не бываетъ до-
„ вольно. Не воспротиворѣчишъ Александръ, что
„ хотя многїя прїобрѣлъ ты богатства, мно-
„ гихъ однакожъ утратилъ друговъ. Понеже
„ богатымъ какъ будто необходимой есть жре-
„ бїй, что мы богатства ихъ любимъ; а лица
„ ненавидимъ.

„ Не воспротиворѣчишъ, Александръ, что
„ ежели бы ты со вниманїемъ въ запечатлѣн-
„ ную несытаго сердца твоего книгу вникнулъ;
„ то усмотрѣлъ бы въ ней, что скоряѣ возъ-
„ имѣетъ конецъ нѣжная жизнь, нежели прокля-
„ тая жадность. Понеже, естьли глубоко въ
сердцѣ вкоренились пороки; единою токмо смер-
тїю истреблены быть могутъ. Не воспроти-
„ ворѣчишъ, Александръ, что поелику ты боль-
„ ше, нежели всѣ, имѣешъ; то меньше, нежели
„ другой кто либо, тѣмъ наслаждаешся. Ибо
„ Государь, имѣющїй много, необходимо долженъ
„ весь занятъ быть старанїемъ о сохраненїи онаго.
„ Но тотъ, кто имѣетъ мало, многимъ ко упо-
„ требленїю временемъ изобилуетъ. Не воспро-
„ тиворѣчишъ, Александръ, что изъ всей, прї-
„ обрѣтаемой тобою корысти, ты хотя и Го-

„ сударь,

„ сударь, ничего кромѣ имени не получаешь;
„ прочїе же, хотя суть твои рабы и подданные,
„ весь плодъ прїемлютъ. Ибо сердцу зараженному ядомъ корыстолюбїя, хотя прїобрѣтать и
„ собирать, радостно; но расточать и употреблять прїобрѣтенное, есть ударъ смертоносный.

„ На послѣдокъ не воспротиворѣчишъ, Александръ, что ты толь долговременною войною
„ прїобрѣлъ мало; собственной же мудрости и
„ спокойствїя потерялъ много. Ибо царства,
„ кои ты покорилъ, суть числомъ не многїя;
„ напротивъ же того попеченїя, коими сердце
„ свое обременилъ, суть неисчетныя. Безъ сомнѣнїя увѣрь себя, что гораздо убоже вы богатые Государи, нежели самые бѣднѣйшїе рабы.
„ Ибо не тотъ богатѣе, который больше, нежели
„ достоинъ, имѣетъ; но который и того, что
„ имѣетъ, желаетъ меньше. И такъ вовсе ничего вы Государи не имѣете: понеже хотя
„ богатствомъ изобилуете; добрыхъ однакожъ
„ намѣренїй лишаетесь.

„ Возмемъ на разсужденїе, о Александръ! и
„ посмотримъ, какой конецъ твоего похода. Ты
„ или человѣкъ, или Богъ. Ежели ты изъ числа̀ боговъ, то сдѣлай насъ безсмертными;
„ что ежели учинишъ, обладай и нами и имѣнїями нашими. Ибо вѣчной жизни ни за какїя
„ богатства купить не можно. Увѣрь себя,
„ Александръ, что мы для того противо тебя
„ не вооружаемся, понеже видимъ, что и тебѣ
„ и намъ близкой грозитъ конецъ жизни. Ибо
„ что иное, кромѣ безумїе, значитъ, въ чужомъ
„ домѣ полагать себѣ селенїе и жилище?

„ Ежели бы ты, Александръ, по примѣру нѣкотораго божества даровалъ намъ жизнь вѣч-

„ную; то всякъ о защищенiи своего дому ста-
„ралсябъ. Но поелику мы извѣстны, что въ
„скоромъ времени жить престанемъ; то мало
„въ томъ нужды, тебѣ ли или другому кому
„останутся бѣдненькiе наши пожитки. Ибо
„ежели безумiе есть, въ чужомъ домѣ такъ,
„какъ въ собственномъ, полагать себѣ пребыва-
„нiе жизни; то гораздо вящшее есть неистов-
„ство, что тотъ, который погубляетъ жизнь,
„о утратѣ имѣнiй печалится и крушится.

„Естьли же ты, о Александръ! самою ве-
„щiю человѣкъ, а не Богъ; то именемъ без-
„смертныхъ боговъ прошу тебя и заклинаю;
„живи, какъ человѣкъ; ходи, какъ человѣкъ;
„говори, какъ человѣкъ; почитай себя челов-
„комъ; будь доволенъ, какъ человѣкъ; и не
„больше желай, требуй и ищи, какъ человѣкъ.
„Ибо прiидетъ напослѣдокъ время, въ которое
„ты, какъ человѣкъ, умрешъ, и будучи погре-
„бенъ и сокровенъ въ землѣ, краткую по себѣ
„память оставишъ.

„Сказалъ я выше, что прискорбно мнѣ бы-
„ло зрѣть тебя храбраго, мужественнаго,
„краснаго и младолѣтнаго; нынѣ же соболѣзную
„видя, что ты толь ослѣпленъ свѣтомъ. Чего
„ради предвозвѣщаю, что ты на послѣдокъ въ
„то время недугъ свой узнаешъ, когда оной
„уже ни какого исцѣленiя не прiиметъ. Ибо
„гордой юноша прежде, нежели почувствуетъ
„ударъ, уже сердцемъ ядъ почерпнулъ.

„Вы Греки насъ, насъ горъ обитателей, вар-
„варами называете. Но мы, повѣрь мнѣ, языками
„варвары, а дѣлами Греки быть желаемъ, не
„подобны вамъ, языки Греческiя, а дѣла варвар-
„скiя имѣющимъ. Ибо не тотъ варваръ, кто

„хорошо

„ хорошо дѣлаетъ, и худо говоритъ; но который
„ языкомъ витiеватъ, а житiемъ беззаконенъ.

„ А поелику началъ я говорить; то чтобъ
„ чего не пропустилъ, изъясню качество закона
„ и житiя нашего. И ты не сочти за важность,
„ слыша, что я тебѣ оное говорю; но вмѣни за
„ велико, видя что мы то хранимъ и исполня-
„ емъ. Понеже бесчисленные добродѣтели похва-
„ ляютъ; но весьма рѣдкiе ихъ исполняютъ. Вѣ-
„ дай, Александръ, что мы имѣемъ краткую
„ жизнь, малолюдной народъ, тѣсные предѣлы,
„ убогiе пожитки, укрощенную похоть, не мно-
„ гiе законы, рѣдкiе домы, малое число друговъ,
„ и паче всего не имѣемъ враговъ. Ибо разумный
„ мужъ долженъ быть другомъ одному, а непрi-
„ ятелемъ никому. При томъ въ братской любви,
„ мирѣ, тишинѣ и покоѣ живемъ между собою,
„ и паче всего каждый своею участью доволенъ.
„ Ибо гораздо лучше спокойствiе умершихъ, нeже-
„ ли жизнь сердецъ жребiемъ своимъ не доволь-
„ ныхъ.

„ Законы наши суть не многiе, и по наше-
„ му разсужденiю добрые, кои въ шести пунк-
„ тахъ заключаются.

„ Сыны наши, кромѣ тѣхъ законовъ, кои мы
„ отъ родителей воспрiяли, множайшихъ да не
„ учреждаютъ. Ибо новые законы, искореняютъ
„ иногда древнiе похвальные обычаи.

„ Потомки наши множайшихъ боговъ, кромѣ
„ двухъ; изъ которыхъ бы одинъ попеченiе при-
„ лагалъ о жизни, а другой о смерти, да не
„ имѣютъ. Ибо лучше одного Бога почитать въ
„ правду, нежели многимъ покланяться въ шутку.

„ Всѣ одинакимъ одѣянiемъ да облекаются, и
„ единообразную имѣютъ обувь; и ни кто болѣе

„ прочихъ, одеждъ да не носитъ. Ибо изъ раз-
„ личія одѣяній глупость раждается въ народахъ.
„ Ни какая жена больше лѣтъ да не живетъ
„ въ бракѣ съ мужемъ, кромѣ доколѣ родитъ
„ троихъ дѣтей. Ибо множество дѣтей разжи-
„ гаетъ въ родителяхъ сребролюбіе. Естьли же
„ которая множайшихъ родитъ чадъ, оная предъ
„ очами ихъ въ жертву богамъ заклана да бу-
„ детъ.
„ Всѣ мущины и женщины паче всего да на-
„ блюдаютъ правду, и ежели кто во лжѣ обли-
„ ченъ будетъ, хотя бы въ прочемъ жилъ безъ
„ порока, за то, что сказалъ ложъ, немедлѣнно
„ да умретъ. Ибо одинъ лживый человѣкъ до-
„ вольно имѣетъ силъ къ погубленію цѣлаго на-
„ рода.
„ Женщинѣ болѣе сорока, а мущинѣ болѣе
„ пятидесяти лѣтъ жить да небудетъ свободы.
„ Естьли же они не умрутъ прежде сего вре-
„ мени; то въ жертву богамъ да принесутся.
„ Ибо великимъ разжженіемъ пороковъ бываетъ,
„ о продолженіи жизни на многія лѣта помышле-
„ ніе.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Надобно стараться Государямъ, дабы разумѣли конецъ своего званія. Такожъ, кто былъ Ѳалетъ; о предложенныхъ ему двенатцати вопросахъ, и какіе даны имъ на каждой отвѣты.

Изъ стари ведется уже сія пословица въ народѣ, которую и Аристотель язычникъ часто говаривалъ, что все на нѣкоторой конецъ бываетъ.

ваетъ. Ибо нѣтъ ни единаго, добраго ли, или худаго дѣла, чтобъ на конецъ его не взиралъ тотъ, кто оное предпринимаетъ. Ежели спросишъ огородника; чего онъ надѣется, толь прилѣжно поливая росаду? Скажетъ во отвѣтъ: для того, дабы за огородное зеліе собрать нѣсколько денегъ. Ежели спросишъ рѣку: чего ради она толь быстро и скоро стремится? услышишъ, что конецъ и намѣреніе ея состоитъ въ томъ, дабы возвратиться въ море, откуда начало свое возъимѣла. Ежели спросишъ деревъ: чего ради онѣ весной цвѣты производятъ? дадутъ отвѣтъ, что на тотъ конецъ, дабы принесть плоды въ осени.

Естьли бы мы увидя проѣжжаго человѣка, который пристани въ снѣгъ и стужу, рѣки съ опасностью, и лѣса со страхомъ проходитъ, лѣтнимъ временемъ въ вечеру дневнаго ради зноя продолжаетъ путь свой, солнечные жары и зимнія ненастья въ пути претерпѣваетъ, о намѣреніи путешествія его спросили: по что толь нестерпимыя несетъ трудности и досады? а онъ бы на противъ того отвѣтствовалъ, что конецъ тому не больше, какъ и мы сами, разумѣетъ, и для чего терпитъ толикой трудъ, не вѣдаетъ; то что бы тогда разумной человѣкъ о семъ глупомъ сказалъ путешественникѣ? не изъ одного ли бы такова отвѣта осудилъ онъ его безумнымъ? ибо три краты безсчастенъ тотъ человѣкъ, который за трудъ свой ни какого награжденія не уповаетъ.

Но да приступимъ къ самой вещи; ежели бы Государь, который такъ же, какъ и другіе человѣки, въ утробѣ зачатъ, рожденъ и воспитанъ; и равнымъ образомъ, какъ и прочіе, жи-

 ветъ

вепъ и умираетъ; не смотря однакожъ на то, всѣми обладаетъ человѣками; такой, говорю, будучи вопрошенъ: для чего воспріялъ онъ ту власть отъ Бога? естьли бы отвѣчая, извинялся невѣденіемъ тому иной причины, кромѣ что пріобрѣлъ оную по праву своего рожденія; то не отъ всѣхъ ли бы такой Царь почтенъ былъ недостойнымъ царства? Ибо ни коимъ образомъ правосудія наблюдать тотъ не можетъ, который, что есть правда, не вѣдаетъ.

Слышите слово сіе, великіе Государи и Князи, и запечатлѣйте въ сердцахъ вашихъ, сирѣчь: когда предвѣчный Творецъ восхотѣлъ устроить Царей и Князей вѣка сего; то не на тотъ конецъ поставилъ Государей, дабы они больше, нежели всѣ прочіе, ѣли, пили и покоились сномъ; ниже для того, чтобъ болѣе всѣхъ могли говорить, веселиться и роскошьми наслаждаться; но вручая имъ пространнѣйшую паче всѣхъ власть, законоположилъ тѣмъ самимъ, дабы они всѣхъ лучшими быть старалися. Ибо крайняго огорьченія и многихъ соблазновъ въ государствѣ бываетъ причиною, естьли видитъ народъ, съ коликимъ преимуществомъ сильный властелинъ мудрыми и добродѣтельными людьми повелѣваетъ; и съ коликимъ на противъ того безобразіемъ раболѣпствуетъ всѣмъ порокамъ. Я не вижу, по какому бы резону покровитель отваживался штрафовать или наказывать своего питомца за одинъ точію проступокъ, вѣдая, что самъ за каждое порознь дѣло жестокаго истязанія достоинъ. Ибо странному чудовищу подобно, ежели бы кто будучи во все слѣпъ, того, который однимъ только не видитъ глазомъ, врачевать, или по дорогѣ водить принимался.

Катонъ

Катонъ Ценсоринъ на вопросъ: „ Какимъ должно „ быть Царю, чтобъ онъ столько былъ до„бродѣтеленъ, дабы, безъ всякаго презрѣнія, его „ и любили и боялись? Доброму государю, от„вѣчалъ, надлежитъ быть подобнымъ продавцу „ цѣлительной теріаки, который, естьли отъ „ яду самъ не повредится, удобно и купцовъ на „ нее обрѣтаетъ ; „ изображая тѣмъ, что оное наказаніе и истязаніе всѣ пріемлютъ за благо, которое непричастный порокамъ мужъ опредѣляетъ. Теріачному продавцу никогда не повѣрятъ, ежели онъ явно предъ всѣмъ народомъ на самомъ себѣ прежде въ теріакѣ опыта не покажетъ; чѣмъ дается знать, что въ Государѣ похвальная жизнь не иное быть разсуждается, какъ преизрядный теріакъ къ врачеванію своего государства. Чтожъ иное есть, велерѣчить языкомъ добродѣтели, и всѣ силы истощать на пороки, кромѣ точію въ одной рукѣ держать смертоносной ядъ, лишающій жизни; а въ другой теріакъ, который избавляетъ отъ смерти? Но дабы Государю совершенное во всемъ отдаваемо было послушаніе; то все, что ни повелѣваетъ и законополагаетъ другимъ, самъ исполнять долженъ. Ибо отъ творенія добродѣтелей ни одинъ Государь не можетъ, ни же долженствуетъ быть свободнымъ. Сей отвѣтъ, Катономъ Ценсориномъ данной, приличнѣе кажется былъ Христіянину, нежели Римскому идолопоклоннику.

Воспріявшій человѣческую плоть Христосъ истинный Богъ, когда угодно было волѣ его снити и жить на земли съ нами, тридесять лѣтъ въ одномъ токмо дѣланіи упражнялся, а два точію года и полъ употребилъ на дѣланіе и ученіе вмѣстѣ. Ибо сердце человѣческое гораздо

больше

больше видимымъ дѣломъ , нежели слышимымъ словомъ преклоняется. Пускай же научатся Цари отъ того , который есть истинный Царь и владыка! Пускай научатся Государи, дабы знали, для чего они суть Государями ! Ибо не можетъ тотъ быть искуснымъ кормчимъ , который ни когда не плавалъ по бурному морю. Подлинно , ежели бы отъ меня полюбопытствовалъ Государь: „ На какой конецъ онъ здѣсь Государемъ ? „ Для того , сказалъ бы я ему , дабы найлучшимъ образомъ управлялъ государство, и всѣмъ „ равномѣрное оказывалъ правосудіе, не грознымъ „ языкомъ , и злопримѣрными дѣлами; но ласковыми словами , сердца привлекающими ; и „ честными поступками , другихъ къ подражанію возбуждающими. Понеже благородное сердце приказаніямъ снисходительно повелѣвающаго ни какъ воспротивиться не можетъ. „

Дикихъ и свирѣпыхъ звѣрей укрощая , хотя стократно имъ грозятъ , но едва и одиножды ударяютъ; и хотя они уже привязаны, различными однакожъ способами ихъ усмиряютъ , дабы звѣрское неистовство человѣческою утишилось и истребилось кротостію. Естьлижъ научаетъ насъ опытъ, что дикіе звѣри ласкою кротки бываютъ; то кольми паче оную употреблять должно для человѣковъ, смысломъ одаренныхъ , то есть: благосклонностію и снисхожденіемъ къ послушанію ихъ привлекая. Ибо ни кто не имѣетъ толь упорнаго сердца , чтобъ ласковое обхожденіе его не укротило.

Однимъ словомъ скажу вамъ Великіе Государи и Князи; что надлежитъ добродѣтельному Царю и правительству въ своемъ обществѣ дѣлать. Каждый Государь, имѣющій наполненныя истинны

уста, отверстыя къ благодѣянїю руки, заключенныя сказующимъ ложъ уши, и откровенное къ милосердїю сердце, не токмо самъ блаженъ; но и царство такимъ Государемъ снабденное, преблагополучнѣйшимъ назваться можетъ. Ибо гдѣ въ Государѣ истинна, щедроты и милосердїе обрѣтаются, тамъ уже нѣтъ ни какого въ государствѣ неправосудїю и мучительству мѣста. Напротивъ же того всякїй Государь, въ сердцѣ коего глубочайше вкоренилося тиранство, котораго языкъ утопаетъ въ лести, бесчеловѣчїемъ окровавлены руки, и открытыя къ похлѣбствамъ уши, не токмо самъ; но и найвящше подданной его народъ безчастенъ. Ибо ни малѣйшаго мѣста не можетъ имѣть въ государствѣ тишина и правда, естьли управляющїй онымъ Государь, ласкательствами и лжею утѣшается.

За четыреста сорокъ лѣтъ передъ воплощенїемъ Христовымъ, то есть въ двѣсти сорокъ четвертомъ году отъ созданїя города, во время царствованїя четвертаго Персидскаго Царя Дарїя, и за консульства Брута и Т. Тарквинїя, процвѣталъ въ Грецїи знаменитый философъ Ѳалетъ, первый изъ семи Греческихъ мудрецовъ, слава коихъ всѣ Греческїя царства премного осїяла. Ибо вящше хвалилась Грецїя, имѣя семи мудрецовъ; нежели Римъ, содержа въ себѣ храбрыхъ полководцовъ. Великой былъ тогда между Римлянами и Греками споръ. Греки приписывали себѣ первенство, по причинѣ вящшаго у нихъ изобилїя мудрецовъ; а Римляне присвояли оное себѣ, для того что многочисленнѣйшее имѣли воинство. Потомъ, Греки представляли, что ни гдѣ, кромѣ въ Грецїи, не могутъ состави-

вить законовъ; на противъ чего отвѣтствовали Римляне, что хотя законы установляютъ въ Греціи, но исполняютъ оные только въ Римѣ. Тѣ хвастали, что въ Греціи находятся знаменитѣйшія школы и Академіи къ обученію мудрыхъ людей; другіе на противъ того утверждали, что въ Римѣ имѣются великолѣпнѣйшіе къ богослуженію храмы: ибо одно оказанное безсмертнымъ богамъ угожденіе, гораздо важнѣйшимъ почитать должно, нежели всѣ до человѣковъ простирающіяся выгоды.

Нѣкоторый благородный Ѳивянинъ, будучи вопрошенъ: „ какого онъ мнѣнія о Греціи и Римѣ? „ Кажется мнѣ, отвѣтствовалъ, ни Римляне „ Грековъ, ни Греки Римлянъ не превосходятъ. „ Ибо Греки славу въ языкахъ, а Римляне въ мечахъ полагаютъ; мы же оную заключаемъ во „ всѣхъ добродѣтеляхъ. Ибо одинъ честной по„ступокъ всѣхъ Римскихъ копьевъ, и всѣхъ Гре„ческихъ витійствъ гораздо лучше. „

Но да возвратимся къ предлежащему намѣренію. Повѣствуютъ, что Ѳалетъ первый изобрѣлъ созвѣздіе, именуемое меньшая медвѣдица, которое мореплаватели наблюдаютъ; первый нашелъ раздѣленіе годовъ, також величину солнца и луны; первый утвердилъ, что души суть безсмертны, и признавалъ миръ сей одушевленнымъ; а сверхъ всего не восхотѣлъ жениться. Ибо печали о прокормленіи жены и воспитаніи дѣтей, непосредственно остроту разума въ мудрыхъ людяхъ притупляютъ. Былъ кромѣ того Ѳалетъ весьма убогой; и когда нѣкоторые надъ нищетой его издѣвались, то для показанія имъ, что онъ всѣхъ ихъ богатѣе, на слѣдующій годъ откупилъ всѣ масличныя рощи, предъусмотря изъ небесныхъ бѣговъ имѣвшій

быть

бышь на трешій годЪ вЪ шомЪ мѣсшѣ великой недосташокЪ елея; и поелику всѣмЪ непремѣнно надобно было приходишь кЪ нему для покупки масла, шо поступалЪ онЪ шогда сЪ ними по своей волѣ. И шакЪ доказалЪ своимЪ соперникамЪ, что онЪ богашства презирая, любишЪ нищешу ошЪ собственнаго произволенія. Ибо шого, который добровольно пріемлешЪ нищешу вЪ свѣшѣ, убогимЪ ни по чему называшь не должно.

Сей ФилософЪ былЪ какЪ зерцало между всѣми Греческими мудрецами, и находился вЪ почшеніи у всѣхЪ Азіашскихъ царей; да и вЪ Римѣ имя его было весьма славно. Ибо онЪ шолико превосходилЪ ученіемЪ, что на всѣ вопросы ошвѣтствовалЪ не думая. Что же онЪ имѣлЪ осшрѣйшій разумЪ, по истиннѣ удивленія достойно, понеже многіе изЪ смершныхЪ не шокмо вопрошашь и ошвѣчашь не умѣюшЪ; но сверьхЪ шого не хошяшЪ и учишься.

А поелику многіе и различные Ѳалешу, какЪ повѣствуешЪ ДіогенЪ Лаерцій, предложены были запросы; шо ошвѣтствуя на оные, доказалЪ изобильнѣйшую премудрость, крѣпчайшую памяшь, и проницашельнѣйшую остроту своего разума.

Во первыхЪ будучи спрошенЪ: „ что есть „ БогЪ? БогЪ, ошвѣчалЪ онЪ, есть бышіе всего „ шого, что находишся, древнѣйшее. Ибо ни прешедшіе божіяго начала не видали, ни будущіе конца его не узряшЪ.

На вшорой вопросЪ: „ какая вещь прекраснѣе? „ Свѣшъ, сказалЪ онЪ. Ибо всякая живопись, сколь бы хишра ни была, ни малѣйшей часши шого, что устроила природа, совершенно изобразишь не можешЪ.

На третій вопросъ: ,, какая вещь есть най-
,, большая? Мѣсто, отвѣчалъ онъ. Ибо мѣсто,
которое все вомѣщаетъ, не обходимо должно
быть всего большимъ.

На четвертой вопросъ: ,, какая вещь премуд-
,, рѣе? нѣтъ, сказалъ, ни чего премудрѣе време-
,, ни. Ибо одно только время изобрѣтаетъ но-
вое, и возобновляетъ прешедшее.

Паки вопрошающимъ: ,, какая вещь есть бы-
,, стрѣйшая? мысль, отвѣчалъ онъ. Ибо мысль
ни утомляется протекая вселенную, ни под-
вергается опасности проходя море.

По томъ любопытствующему: ,, какая вещь
,, есть сильнѣйшая? человѣкъ, отвѣчалъ онъ,
,, коего утѣсняетъ нужда. Ибо нужда поощряетъ
разумъ невѣжи, и въ опасности малодушнаго дѣ-
лаетъ храбрымъ.

На седмой вопросъ: ,, что всего трудняе? по-
,, знать самаго себя, отвѣчалъ онъ. Понеже не
было бы ни какихъ замѣшательствъ и ссоръ въ
свѣтѣ, ежели бы каждый человѣкъ знать самаго
себя старался.

Послѣ того на запросъ: ,, какая вещь есть
,, самая пріятнѣйшая? отвѣтствовалъ: тѣмъ,
,, чего желалъ, наслаждаться. Ибо въ счастіи
воспоминаніе прешедшихъ бѣдствій и печалей,
великая есть утѣха сердцу.

Когда спросили: ,, какимъ образомъ кто ни-
,, будь весьма легко можетъ сносить противна-
,, го счастія удары? ежели непріятелей своихъ,
,, отвѣчалъ онъ, или мертвыхъ, или стражду-
,, щихъ увидитъ. Ибо въ самой вещи благоден-
ствіе врага, оскорбленному сердцу есть мечь
прободающій.

Послѣ

Послѣ на предложенную задачу: ,, какимъ бы ,, образомъ наилучше и весьма справедливо жили ,, человѣки? ежели бы, говорилъ онъ, того что ,, въ другихъ признаютъ за порокъ, не дѣлали ,, сами,,. Ибо всѣ смертные въ такомъ заблужденіи погрузились, что для подаванія другимъ совѣтами изобилуютъ; но къ собственному употребленію ни одного здраваго не имѣютъ.

Сверьхъ того любопытствующимъ: ,, въ чемъ ,, состоитъ благополучіе нескупаго человѣка? ,, такой, отвѣчалъ онъ, и отъ мученія скупо- ,, сти свободенъ, и друговъ себѣ находитъ,,. Ибо скупаго мысли тревожатъ, что не соблюдаетъ; а люди ненавидятъ что не употребляетъ.

На послѣдокъ, когда спросили: ,, каковъ дол- ,, женъ быть Государь, правитель прочихъ? та- ,, ковъ, отвѣчалъ онъ, чтобъ во перьвыхъ управ- ,, лялъ самимъ собою, а по томъ уже другими,,. Ибо статься не возможно, чтобъ прямо тѣнь лежала, естьли кидающій оную прутъ косъ бываетъ.

Для сего послѣдняго отвѣта всѣ вопросы предложить за благо разсудилось, дабы усмотрѣли великіе Государи и Князи, что каждой изъ нихъ есть аки столпъ правосудія; а общество ни что иное, какъ тѣнь простирающаяся отъ того столпа, коему весьма прямымъ быть надлежитъ. Ибо по тѣни общества тотчасъ видно, ежели правосудіе и жизнь правительствующихъ не вредны пребываютъ.

Въ заключеніе же всего, доселѣ сказаннаго мною, ежели бы кто изъ Государей спросилъ меня: для чего онъ поставленъ Государемъ? однимъ словомъ такъ ему отвѣтствую: тотъ, который есть истинный владыка, устроилъ

тебя князем сего свѣта на такой конецъ, дабы ты былъ искоренитель еретиковъ, отецъ сиротъ, другъ мудрыхъ, презритель беззаконныхъ, воздаятель добродѣтельныхъ, наказатель тиранновъ, бичъ злодѣевъ, заступникъ и покровитель церькви, хранитель цѣлости общества, и паче всего ревностной наблюдатель правосудія, отъ собственнаго твоего дому и лица начиная. Понеже во всѣхъ случаяхъ сносно, чтобъ вящшую отмѣну и перьвенство имѣло состояніе царево, кромѣ точію въ единомъ правосудіи, которому вовсе равному между Государемъ и обществомъ быть должно.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Кто былъ Плутархъ величайшій Философъ? Какую говорилъ рѣчь къ Императору Траяну? и что добродѣтельный Государь есть глава общества, которая естьли не повреждена; то и государство пребываетъ нерушимо. Такожъ пять законовъ Родійскихъ, предписывающихъ наказаніе злодѣямъ; и что гораздо лучше жить подъ властію правосуднаго царя, нежели подъ строгостію справедливыхъ законовъ.

При дворѣ Императора Траяна процвѣталъ философъ Плутархъ, мужъ добродѣтельнѣйшаго житія, весьма ученой, и въ великомъ у Римлянъ почтеніи. Ибо Траянъ вмѣнялъ себѣ за честь и славу, многихъ въ свитѣ своей мудрыхъ и ученыхъ имѣть людей, и великолѣпныя, гдѣ ни проѣжжалъ, устроевать зданія. Сей сочинилъ книгу, называемую Плутархова Паралле-

ла, то есть житїя знатныхъ Грековъ и Римлянъ.

Кромѣ же другихъ написалъ книгу; какимъ образомъ цари поступать должны; и наименовавъ оную, *Наука Государей*, поднесъ Императору Траяну; въ пространствѣ которой показываетъ прямое благородство духа, искреннюю къ отечеству любовь, струи краснорѣчїя, и блистательной свѣтъ своея премудрости. Ибо онъ какъ въ сочиненїи величайшимъ искусствомъ, такъ и въ языкѣ крайнимъ одаренъ былъ сладкорѣчїемъ. Между прочимъ же примѣчанїя и вниманїя достойнѣйшимъ сочиненїемъ, начерталъ онъ въ той книгѣ нѣкоторыя разсужденїя, кои по истиннѣ должно изобразить золотыми письменами, гдѣ такъ говоритъ.

„ Изволите быть извѣстны, всемилостивѣйшїй Государь Траянъ Императоръ, что ты и „ государство твое, не иное быть разумѣется, „ какъ таинственное тѣло, по образу существеннаго и живаго тѣла устроенное. Понеже „ съ обоихъ сторонъ требуется такого согласїя, „ чтобъ Императоръ радовался о добрыхъ подданныхъ, а Имперїя взаимно веселилась о добромъ „ Государѣ. А дабы таинственное тѣло, „ въ которомъ представляется государство, „ изобразить намъ по подобїю живаго человѣка; „ то положимъ, что ГОЛОВА всѣхъ есть Государь, который верьховную имѣетъ власть въ „ Имперїи. ГЛАЗА, чувство зрѣнїя нашего, суть „ добродѣтельные въ обществѣ мужи, коихъ „ предводительству мы слѣдуемъ. УШИ, которыя то, что говоримъ, слышатъ, суть подданные, исполняющїе повелѣнїя. ЯЗЫКЪ, чрезъ „ который говоримъ, суть ученые люди, препо-

 „ дающїе

„ дающїе намъ законы и науки. ВОЛОСЫ, вися-
„ щїе на головѣ, суть утѣсненные насилїемъ и
„ обидами, которые помощи у царя просятъ.
„ РУКИ И ПЛЕЧИ, суть кавалеры и дворянство,
„ кои ополчаются противо непрїятеля. НОГИ,
„ всѣхъ членовъ содержащїе тягость, суть зе-
„ мледѣльцы, кои всѣмъ чинамъ прїуготовляютъ
„ пищу. ТВЕРДЫЯ КОСТИ, слабой плоти слу-
„ жащїя подпорою, суть мудрые мужи, кои го-
„ сударственное поддерживаютъ бремя. СЕРДЦА,
„ коихъ наружи не видимъ, суть искреннїе до-
„ брожелатели, въ тайномъ засѣданїи Сената
„ совѣтъ подающїе. И на конецъ ШЕЯ, соединяю-
„ щая голову съ тѣломъ, есть взаимная любовь
„ царя и царства, изъ коихъ составляется об-
„ щество„.

Сїе великїй Плутархъ изрекъ Траяну. И поистиннѣ (такъ сказать) основа, станъ и нить ясно открываютъ остроту его разума. Ибо голова имѣетъ три свойства, которыя государственному правителю со всѣмъ приличны. ПЕРВОЕ, какъ въ тѣлѣ у всякаго голова прочихъ членовъ выше; такъ пространнѣйшая и большая есть, нежели всѣхъ другихъ чиновъ, власть царева. Ибо одинъ токмо Государь власть повелѣвать имѣетъ, прочїе же повиноваться обязаны. И хотя многїе въ государствѣ знатностїю рода, богатствомъ и силою одинъ другаго превосходятъ; всегда однакожъ признаютъ его вышшимъ Государемъ. Ибо великодушные Государи хотя и повседневно многихъ увольняютъ отъ службъ; но никого и никогда не дѣлаютъ отъ рабской вѣрности свободнымъ. Чего ради имѣющїе въ государствѣ власть и почтенїе пускай довольны будутъ считаться въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоятъ на

крѣпости

крѣпости зубцы; кои предмѣстія выше, а подзорныхъ башней ниже. Ибо какую ни имѣютъ они надъ простымъ народомъ власть и силу, должны относить Государю, который надъ всѣми оную имѣетъ. Слѣдовательно разумному и чиномъ почтенному мужу не прилично засматриваться на Государя, простирающагося въ высоту по подобію башни; но надлежитъ углублять взоръ свой на предмѣстіе и ограду, въ видѣ коихъ представляется чернь народа. Скажу я одну вещь, не уважая, въ какую бы кто ни толковалъ ее сторону; что естьли вельможи царемъ и царствомъ повелѣвать затѣваютъ, не иное значитъ, какъ ежели бы выше головы поднимались рамена и руки.

По елику много я слышалъ, читалъ и извѣдалъ опытомъ въ моей жизни: то всѣмъ предбудущихъ вѣковъ народамъ совѣтую: буде желаютъ они наслаждаться своимъ богатствомъ; естьли хотятъ провождать жизнь свою въ безопасности; и ежели вожделѣнно имъ, свободными быть отъ мучительскаго насилія, и безмятежно жить въ государствѣ; пусть не допускаютъ, въ коемъ либо царствѣ или княжествѣ болѣе, какъ точію одному обладать Государю. Понеже главное есть правило, что ежели многіе повелѣваютъ въ государствѣ; какъ оное, такъ и самые владѣтели его неминуемой на конецъ подвергаются пагубѣ. Искусство насъ увѣряетъ, что мы отъ природы изъ многихъ жилъ, костей, плотей, перстовъ и зубовъ сложены; и всѣ тѣ члены одно составляютъ тѣло, въ которомъ одна токмо голова находится; равнымъ образомъ и государство хотя изъ многихъ чиновъ состоитъ, но отъ единаго токмо Государя управляе-

мо быть должно. Естьли бы въ человѣческой было власти учреждать Государей, то и отрѣшать ихъ имѣлибъ силу: но какъ справедливѣе самой истинны, что они поставляются богомъ; то, никто, кромѣ Бога, и отрѣшать ихъ не можетъ и не долженъ. Ибо тому, что жезлъ Божественной судьбы отмѣряетъ, человѣческой воли лактемъ вновь перемѣряему быть не достойно,

Я не вѣдаю, какое посредственныхъ людей славолюбіе, меньшихъ зависть, и большихъ гордость побуждаетъ, что желаютъ повелѣвать, и не хотятъ повиноваться; когда по видимому, въ таинственномъ тѣлѣ государства самый пресильный вельможа столькожъ, какъ оторванной отъ руки перстъ, сухой отъ ноги отсѣченной ноготь, или вырванной изъ головы волосъ могущества имѣетъ. Чего ради пусть всякъ въ отечествѣ своемъ живетъ спокойно, и должное послушаніе отдаетъ Государю; естьли же того не станетъ дѣлать, или воспротивится; то пускай вѣдаетъ, что какъ отъ самаго его произтекло погрѣшеніе, такъ и казнь за то на самаго егожъ прольется. Ибо древній законъ гласитъ: *кто мечь обнажитъ на Государя, такового злодѣя голову предъ стопами его да положатъ.*

Кромѣ того Царь головѣ уподобляется справедливо, понеже голова есть начало и источникъ человѣческой жизни; а прочее все, отъ естества питаемое, силу свою въ верьхъ простираетъ. Ибо видимъ мы, что земля испущаетъ въ верьхъ изъ себя пары, травы растутъ къ верьху, моря въ верьхъ поднимаютъ волны, дерева въ верьхъ прозябаютъ, и духъ огня въ высоту стремится;

но

но одинъ токмо бѣдной человѣкъ растетъ къ низу. Ибо человѣческая плоть ни что иное есть, какъ земля изъ земли взятая, и на земли обитающая, естественно къ землѣ, яко основанїю своему клонится. Справедливо сказалъ Аристотель, что человѣкъ есть дерево, превратнымъ образомъ насажденное, котораго корень голова, стволъ тѣло, вѣтви рамена, кора плоть, сучье кости, мозгъ сердце, червоточина злоба, клей любовь, цвѣты слова, и плоды дѣла похвальныя. Но порядокъ требовалъ быть тамъ головѣ, гдѣ ноги; и гдѣ голова нынѣ, тамо ногамъ должно было имѣть мѣсто. Ибо голова есть корень, а ноги суть вѣтви. Однакожъ кленусь Богомъ, что мы исправно началу нашему соотвѣтствуемъ. Ибо естьли тѣло насаждено развратнымъ образомъ; то гораздо и того еще развратнѣе жизнь свою мы провождаемъ.

Но дабы неудалиться отъ предмѣта, утверждаю, что не меньше царство Царю, какъ и Царь царству основанїемъ своимъ должны. Сїе изъ того явственно, что законы и уставы Царь предписываетъ, а не отъ царства самъ прїемлетъ; что награжденїя и щедроты Царь на царство, а не царство на царя изливаетъ. Такожъ опредѣлять войну, дѣлать миръ, заключать союзъ, награждать добродѣтельныхъ, и укрощать мучителей, касается до царской власти, а не царства. Ибо одному токмо царскому величеству учреждать и повелѣвать прилично; а государству прилѣпляться къ его власти, и повелѣнное исполнять должно. Какъ огромному и великолѣпному зданїю вящшей наноситъ вредъ одинъ изъ основанїя рушившїйся камень, нежели шесть сотъ крышекъ упадшихъ съ кровли; такъ

гораздо вящшее заслуживаетъ порицанїе и казнь одинъ проступокъ, царское величество оскорбляющїй, нежели сто погрѣшенїй противо гражданства учиненныхъ. Ибо видали мы, что изъ самомалѣйшаго упорства и непослушанїя, премногїя и зловреднѣйшїя слѣдствїя въ государствѣ происходили. Ахъ, коль нужно Царю, быть премного отъ царства своего любиму! И сколь необходимо государству, чтобъ всѣ Царя боялися! Понеже ни Царь ненавидимый царствомъ, жить въ покоѣ; ни государство, коему Царь не страшенъ, порядочно управляемо быть не можетъ.

Въ Тринакрїи, называемой нынѣ Сицилїя, Государи всегда нѣчто отмѣнное имѣли. Ибо въ древнїя времена то добродѣтельные и храбрые короли, то свирѣпые и беззаконные тиранны ею управляли? между коими, за Севера Императора, намѣстникомъ былъ въ Сицилїи добродѣтельнѣйшїй и во всей Римской имперїи славный и почтеннѣйшїй мужъ Лелїй Пїй. Но къ намѣренїю нашему способствуютъ законы, которые во время правленїя его въ томъ царствѣ изданы.

„ Ежели взаимныя произойдутъ между равны„ми лицами обиды; то отъ части наказывать, „ а отъ части умалчивать должно. Ибо гдѣ вражды вкоренилися, тамъ лучше примирять сердца, нежели наказывать людей.

„ Естьли большїй отъ меньшаго обиженъ бу„детъ то за оное озлобленїе, не производя стро„гихъ слѣдствїй, жестоко наказывать должно. Ибо ко уврачеванїю упрямства и безстыдства рабскаго, ни что такъ не способствуетъ, какъ пластырь жестокаго истязанїя.

„ Ежели

,, Ежели кто повеленїю государеву явнымъ ,, образомъ дерзнетъ воспротивиться; то немед- ,, ленно смертїю казненъ да будетъ. Ибо онъ неправеднаго повеленїя съ учтивостью просить свободы, а не продерзско оное уничтожать должно.

,, Всчинающаго заговоръ противъ Государя ,, всякому умертвить свободно да будетъ безъ ,, наказанїя. Ибо весьма справедливо тотъ собственной головы лишается, который въ государствѣ многїя чужїя головы погубить желаетъ.

Сказанное доселѣ находится у Герїана въ 4. книгѣ о Сицилїйскихъ короляхъ, гдѣ многїе и изрядные описываетъ, онъ законы и обычаи древнихъ людей съ немалымъ посрамленїемъ нынѣшняго вѣка. Ибо самою вещїю оные не точїю похвальными дѣлами, но и важными разсужденїями насъ превосходили.

Но да возвратимся къ намѣренїю, всѣ человѣки съ крайнимъ попеченїемъ охраняютъ голову, такъ что каждой скоряе дастъ отрубить себѣ руку, дабы только голова поражена не была. Изъ чего разумѣть надлежитъ, что учиненной обществу вредъ подобится ранѣ, которая уязвляетъ; но ослушанїе противо Государя есть смертельной ударъ въ голову.

Естьли бы спросилъ меня кто нибудь: ка- ,, кимъ между собою государи и государства со- ,, прягаются союзомъ? Очень коротко я ему отвѣт- ,, ствовалъ бы, что все благополучїе царства и ,, царя отъ того зависитъ, дабы царь имѣлъ об- ,, ращенїе свое съ добродѣтельными, не вступая во- ,, все въ обхожденїе съ людьми беззаконными.,, Ибо ни коимъ образомъ статься не возможно, чтобъ

царь любилъ свое государство, естьли окружающие его други суть злонравны. Кромѣ того царь искренно царство свое любить, а царство царю нелицемѣрно служить долженствуетъ. Ибо ежели государство почувствуетъ къ себѣ любовь своего Государя; не сыщется ни чего толь невозможнаго, что бы оно съ крайнѣйшею ревностію для него не учинило.

Царь съ подданными своими, поступать какъ съ дѣтьми, а подданные царю, какъ отцу, повиноваться должны. Понеже ни доброй отецъ терпѣливно зрѣть чадъ своихъ въ злоключеніи, ни добрые дѣти отъ должнаго послушанія отцу отречься никоимъ образомъ не могутъ; при томъ царю надлежитъ быть справедливу въ своихъ повелѣніяхъ, а подданнымъ наблюдать въ послушаніи вѣрность. Ибо естьли хорошо жить подъ строгостію справедливыхъ законовъ; то гораздо еще лучше пребывать подъ властію, царя правосуднаго Сверьхъ того царь подданныхъ своихъ оборонять отъ непріятелей долженъ, а подданные царю исправно уплачивать дань повинны. Ибо царь очищающій государство свое отъ тиранновъ, не безъ справедливости всѣхъ богатствъ обладателемъ бываетъ.

Кромѣ того царь всячески стараться долженъ о соблюденіи въ государствѣ своемъ тишины и мира, а царство съ глубочайшимъ раболѣпствіемъ почитать царя должно. Ибо повелѣній презрѣннаго Государя, надлежащимъ образомъ слушать никогда не станутъ. На послѣдокъ, добраго царя званіе бодрствовать, дабы царство имъ утѣшалось; а вѣрному царству надобно быть неусыпнымъ, что бы недопускать царя ни до малѣйшаго оскорбленія и печали. Сіе ежели дѣ-

латься

латься будетъ, то никогда царь безсчастнымъ назваться не можетъ; но какъ самъ онъ, такъ равно и царство его по всякой справедливости имя благоденствующихъ себѣ припишутъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Какъ въ головѣ обрѣтаются два чувства, слуха и обонянія; такъ равнымъ образомъ и Государь, яко глава общества, долженъ обидимыхъ слушать, наказанія ради беззаконныхъ; и каждаго позиавать состояніе, для возблагодаренія за службы. Кромѣ того, мудрымъ Государямъ надлежитъ, всякаго жалобы слушая со вниманіемъ и охотою, въ приговорѣ наблюдать важность.

Поелику Государя назвали мы главою общества; то благопристойно теперь разсуждать, что какъ глава есть жилищемъ всѣхъ чувствъ, такъ равно и Государь всѣхъ чиновъ основаніемъ быть долженъ. Ибо разсѣяннымъ во многихъ добродѣтелямъ, въ Государѣ соединеннымъ быть надлежитъ. А какъ не есть званіе ногъ, смотрѣть, но ходить; не рукъ должность, слышать, но работать; не плечей дѣло обонять, но поддерживать; такъ всѣ тѣ должности не члены, коими суть подданные, но самъ царь исполнять повиненъ. Ни одинъ удъ не можетъ несть того званія, что самая голова. Ибо ни какой другой членъ тѣла не снабдѣнъ глазами; чего ради, кромѣ Государя, яко обладателя всѣхъ, ни кому больше не прилично и познавать состояніе каждаго; такъ какъ Іулій цесарь всѣхъ въ войскѣ своемъ зналъ и каждаго называлъ по имени. И

для

для того прилѣжно увѣщаваю слышащихъ или читающихъ сїе Государей, дабы посѣщать и посѣщаемы быть не гнушались, и не возбранной подавая входъ желающимъ ихъ видѣть, ласково бесѣдовали со всякимъ. Ибо чего не видимъ глазами, того и любить сердечно не можемъ.

Кромѣ того достойно примѣчанїя. что одна токмо голова имѣетъ уши. Симъ дается знать, что царю, а не другому кому либо прилично всякаго слушать, и имѣющимъ къ нему дѣло, оставлять отверстыя двери. Ибо не посредственное есть благополучїе государства, ежели невозбранной входъ бываетъ къ Государю. Елїй Спарцїанъ весьма похваляетъ Императора Траяна, что онъ сѣдши уже на лошадь, въ походъ итти намѣревая, слѣзъ опять съ оной для единственнаго выслушанїя жалобы отъ убогонькой женщины, чѣмъ у Римлянъ великую заслужилъ славу, да и по достоинству. Понеже естьли бы человѣки легкомыслїемъ не помрачилися; то за единое правосудно рѣшенное дѣло вящщую, нежели за многїя полученныя на сраженїяхъ побѣды приписывалибъ похвалу Государямъ. Не точїю же неправедно, но и самому Государю трудно, а народу огорчительно и ненавистно; ежели онъ непрестанно въ заперти кроется. Ибо гдѣ Государи затворяютъ двери подданнымъ, тамъ и подданные Государямъ сердецъ своихъ не открываютъ.

Ахъ, коль многихъ и коликихъ въ государствѣ бѣдъ причиною бываетъ то. что Государи не говорятъ къ подданнымъ ни единаго слова, и нехотятъ прозьбъ ихъ слушать! Iулїй цесарь хотя былъ храбрый и добродѣтельный Императоръ; но по томъ будучи возведенъ на

верьхъ

верьхъ сего достоинства, сдѣлался уже не приступенъ къ приходящимъ. Чтожъ отъ сего последовало? По той единственно причинѣ, что поданной на дорогѣ ему нѣкоторымъ человѣкомъ доносъ, въ коемъ злоумышленіе на жизнь его изображалось, оставилъ не прочетши, двацатью тремя смертельными ранами избоденъ въ Сенатѣ. На противъ же того Маркъ Аврелій Императоръ толикое ко всѣмъ являлъ снисхожденіе, что хотя былъ Монархъ, и всѣ государственныя дѣла, нынѣ уже на многихъ возложенныя, отъ одного его зависѣли; не употреблялъ однакожъ никогда въ домѣ своемъ ни придверника, ни докладчика, и никому, кто бы какое ни имѣлъ до него дѣло, развѣ за нѣкоторымъ препятствіемъ, ни въ одинъ день не возбранялъ къ себѣ входа. По истиннѣ, тотъ Государь весьма нечувствителенъ, и едваль не сказать, любви недостоинъ, который къ облагодѣтельствовавшимъ его многими и усерднѣйшими заслугами, скупится и ласковыхъ словъ промолвить. Ибо разумнымъ и великодушнымъ Государямъ къ слушанію всѣхъ скорымъ и готовымъ, а въ рѣшеніи и учрежденіи дѣлъ разборчивымъ и осторожнымъ быть надлежитъ. Многіе приходящіе для свиданія и бесѣды съ Государями, хотя знаютъ что ни совѣтовъ ихъ не послушаютъ, ниже прозьбамъ дадутъ мѣсто; желаютъ однакожъ и неотступно требуютъ, дабы выслушали ихъ представленія. И по истиннѣ, въ томъ отказывать имъ Государи не должны. Ибо сердце обремененное печальми и погруженное въ скорби, не малую отъ выслушанія получаетъ отраду.

Теперь вопрошаю: для чего въ одной токмо головѣ, а не въ рукахъ, ногахъ, или другой

тѣла части, пребываетъ чувство обонянія? Для того что Государь, яко глава, всѣхъ познавать, и о житіи каждаго освѣдомляться долженъ. Въ великихъ и густыхъ лѣсахъ охотники съ гончими и ищейными псами больше посредствомъ обонянія, нежели зрѣнія ихъ, кроющихся звѣрей находятъ. Изъ сего разумѣется, что хотя невозможно, дабы Государь, будучи одинъ, всѣхъ распозналъ, и всѣхъ слушалъ; однако по возможности не обходимо надобно ему стараться, о житіи каждаго быть извѣстнымъ. Ибо не можетъ тотъ Государь порядочно управлять государствомъ, который совершеннаго о всѣхъ обстоятельствахъ его знанія не имѣетъ.

Государю нужно познать добродѣтельныхъ, что бы могъ снабдѣвать ихъ честію: ибо великой тому государству бываетъ стыдъ и поношеніе, гдѣ ни распознаютъ злонравныхъ, ни почитаютъ добродѣтельныхъ. Беззаконныхъ же надобно узнать Государю, дабы могъ ихъ исправить: ибо великой государству бываетъ вредъ, злочиніе непотребныхъ людей безъ всякаго стыда оставлять въ ненаказанности. Нужно такожъ Государю вѣдать мудрыхъ и ученыхъ людей, дабы могъ пользоваться ихъ совѣтами: ибо древніе Римляне не называли и не почитали Сенатомъ, естьли оной изъ философовъ и старѣйшихъ мужей составленъ не былъ. Надобно Государю узнать тѣхъ, кои тщаливы и къ обученію другихъ искусны: ибо при дворахъ Римскихъ Государей всегда находилися трибуны обучающіе ружью, и ученые люди, преподающіе науки и художества.

Царю потребно узнать въ государствѣ своемъ людей убогихъ, дабы могъ дѣлать имъ

вспоможенїе: понеже Цари акибы растворять государство свое должны, такимъ образомъ, чтобъ ни богатые излишества къ роскошамъ и порокамъ, ни убогїе на повседневныя нужды недостатка не имѣли. Надлежитъ познать Царю гордыхъ и завистливыхъ, дабы могъ смирить ихъ: ибо отъ зависти убогихъ и гордости богатыхъ, въ краткомъ времени знаменитое разоряется государство. Нужно Государю познанїе миролюбивыхъ дабы сохранить ихъ въ тишинѣ и покоѣ: понеже добраго Государя званїе, у мятежниковъ ощипать (такъ скажу) перья спеси, и спокойнымъ надѣвать крылья благопрїятства. Нужно Государю вѣдать оказавшихъ ему вѣрныя службы, чтобъ по достойнству могъ награждать ихъ: понеже благородному сердцу и самомалѣйшая награда къ произведенїю храбрыхъ дѣлъ великимъ поощренїемъ бываетъ. Нужно Государю вѣдать знатныхъ государства своего дворянъ, дабы при случаѣ могъ употребить ихъ въ министры: понеже справедливость требуетъ, храбростью и знатностїю рода сїяющему мужу, противо всѣхъ прочихъ съ отмѣною въ государствѣ быть предпочтенну. На послѣдокъ утверждаю за нужное Государю узнать наушниковъ и клеветниковъ, чтобъ никогда имъ не вѣрить; такожъ любителей правды, чтобъ всегда могъ ихъ жаловать. Понеже добродѣтельному Государю никто толь любезнымъ быть недостоинъ, какъ мужъ правдивой; и никто толь ненавистнымъ, какъ человѣкъ обманчивой и лживой.

Ахъ! Коль нужно Государю совершенное всего царства и обстоятельствъ его познанїе, дабы обманутъ не былъ, какъ то въ противномъ случаѣ обыкновенно дѣлается! Многїе однакожъ Государи

сударn вовсе отдаются въ обманъ не по другой причинѣ, какъ токмо что не хотятъ отъ мудрыхъ людей слушать подаваемыхъ увѣщаній и совѣтовъ. Ибо многіе съ Государями бесѣдуя, говорятъ то, что Государю кажется угодно и полезно; но въ самой вещи съ тѣмъ намѣреніемъ, дабы обманувши Государей, употребить оное дѣло къ собственной своей пользѣ и корысти.

Елій Спарціанъ повѣствуетъ, что Александръ Северъ двадесятъ пятый Императоръ Римскій былъ мужъ весьма храброй; и между прочимъ похваляетъ его за то, что для совершеннаго свѣденія о всѣхъ военнослужащихъ имѣлъ въ спальнѣ у себя краткой списокъ, въ которомъ число, время службы, и произвожденіе записывалъ: по чему увѣдомляли его о томъ только, естьли находилось гдѣ порожжее мѣсто. Ибо сей преславный Императоръ награждалъ чинами не по ходатайствамъ, какія, безъ сомнѣнія, происходили; но тѣхъ, коихъ изъ списка узнавалъ достойными къ производству.

Безъ сомнѣнія, Государи подтвердятъ клятвой, что естьли ошибаются они въ награжденіи за службы, то дѣлаютъ сіе ненарочно. Однакожъ не могутъ извиниться въ жестокомъ своемъ погрѣшеніи, что или не хотятъ освѣдомляться, или и освѣдомясь ни когдабъ того не дѣлали. Ибо тотъ Государю ни когда не подастъ здраваго совѣта, кто при совѣтованіи на собственную свою взираетъ пользу.

Все счастіе Государей въ томъ заключается, чтобъ умѣли они выбирать изъ добраго наилучшее, изъ противнаго безопаснѣйшее, и добродѣтельныхъ награждать не забывали; въ которомъ случаѣ Государи паче на достоинство заслугъ,

слугѣ, нежели на частыя ходатаевъ прозьбы взирать должны. А инако, за благодѣянїе болѣе къ исходатайствовавшему оное министру, нежели къ самому Государю, отъ коего получено, благодарность простираться будетъ.

Все говоренное доселѣ касается къ показанїю той справедливости, которая не обходимо требуетъ, дабы Государь, яко обладающїй всѣми, о состоянїи каждаго былъ извѣстенъ; въ противномъ же случаѣ, отъ тмы обрѣтающихся въ государствѣ злоковарныхъ людей всегда будетъ обманутъ. Въ заключенїе же вторично подтверждаю: естьли Государь о житїи каждаго освѣдомляться не будетъ, то кора въ существо, кость въ мозгъ, отруби въ муку, пригарь въ золото, плевы въ зерно, цвѣты въ вино или медъ превратятся; сирѣчь: когда въ раздаванїи награжденїй и изливанїи щедротъ будетъ думать Государь, что онъ въ надлежащую цѣль умѣтилъ; то на цѣлое пространство неба отъ оной ошибется.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

О торжественномъ днѣ, которой Римляне праздновали Яну богу въ перьвомъ числѣ Генваря мѣсяца, и объ оказанныхъ тогда Маркомъ Аврелїемъ Императоромъ особливыхъ щедротахъ.

Между знаменитѣйшими торжествами, изобрѣтенными отъ древнихъ Римлянъ, былъ праздникъ Яновъ, которой отправляли въ перьвой день каждаго новаго года, то есть перьваго числа въ Генварѣ мѣсяцѣ. Понеже Евреяне годъ съ

начала Марта; а Римляне съ перьваго числа Генваря начинали. Сего Яна Римляне имѣли двуглавной истуканъ, такъ что отъ одной головы годъ начинался, а на другой окончивался. Емужъ посвященъ былъ въ городѣ великолѣпнѣйшій храмъ, который назывался храмъ мира, гдѣ съ крайнимъ благоговѣніемъ его почитали, и многія всѣ граждане приносили жертвы ему, умоляя, дабы заступалъ ихъ отъ непріятелей. Ибо никогда и ни одинъ народъ толь счастливыхъ въ войнѣ не имѣлъ успѣховъ, которомубъ не былъ полезнѣе миръ и спокойство.

Римскіе Императоры идучи на войну, или возвратясь изъ походу, прежде всего хаживали во храмъ Юпитеровъ, по томъ Вестальскихъ дѣвъ, а напослѣдокъ Яновъ; дѣлая сіе по закону Римскому, который повелѣвалъ Императору въ послѣднемъ отлученіи изъ города приходить во храмъ Юпитеровъ, по возвращеніи же прежде всего посѣщать Яновъ. Здѣсь я ко свѣденію предлагаю любопытнымъ и желающимъ познать древности, что Императоры отправляясь въ походъ, во храмѣ Вестальскихъ дѣвъ облекалися въ царскую мантію, и во храмѣ Юпитеровомъ сенаторы въ ногу, во храмѣ же Яновомъ консулы въ простертую назадъ руку ихъ цѣловали. Ибо съ того времени, какъ бесчеловѣчнѣйшій Силла умертвилъ три тысячи гражданъ, лобызающихъ его десницу, Римляне не прикладывались къ рукѣ ни одного по томъ Императора.

Естьли же Языческіе Императоры въ какой нибудь походъ шествуя, не выступали прежде изъ города, пока богомерзскихъ не посѣтили капищъ, ниже возвратясь входили въ городъ, доколѣ благословенія (такъ сказать) отъ тѣхъ

проклятыхъ

проклятыхъ боговъ не восприяли; то кольми паче надобно дѣлать сïе христïянскимъ Государямъ, извѣстнѣйше вѣдая, что храмы ихъ посвящены Богу истинному, и на божественное опредѣлены служенïе? а инако Государь, который забывъ Бога въ начинанïяхъ своихъ, полагается на человѣковъ, увидитъ, коль удачливой въ рукахъ человѣческихъ намѣренïя его успѣхъ получатъ.

Но да приступлю къ намѣренïю. Въ тотъ день, когда отправлялся праздникъ Яновъ, жители римскïе отъ улицы до улицы торжествовали. Ибо въ праздничные дни Марса, Юпитера, Яна, Венеры и Верекинѳïи, бывало публичное во всемъ городѣ торжествованïе. Но другихъ боговъ, коихъ весьма много имѣлось, праздники торжествованы были по частямъ города. Облекались же римляне того дня въ драгоцѣннѣйшïя одежды: ибо по тогдашнему обыкновенïю, который гражданинъ къ почести торжественнаго праздника не имѣлъ хорошаго платья; или отлучался въ тотъ день изъ города, или сидѣлъ запершись дома.

Сверьхъ того, для изъявленïя всеобщей и каждаго особо радости, ставили во оной день многïе на храминахъ фонари, зажигали частыя передъ воротами плошки, и представляли ко увеселенïю народа многïя комедïи и игры. Ибо праздники суетныхъ человѣковъ больше къ прохладѣ тѣла, нежели къ исправленïю ума и совѣсти служатъ. Такожъ во храмахъ узаконено было всенощное бдѣнïе. Всѣхъ въ тотъ день освобождали сидящихъ за долги по темницамъ, уплативъ оные изъ казны государственной, въ согласïе того обыкновенïя, по которому въ Римѣ обнищавшихъ дворянъ и знатныхъ лицъ снабдѣвали

прокормленіемъ изъ публичныхъ доходовъ. Кромѣ сего, выставляли въ тотъ день у воротъ для гостей столы съ превеликимъ изобиліемъ кушаній, такъ что гораздо больше оставалось, нежели поѣдали. Ибо легкомысленные человѣки во время толикихъ праздниковъ за вящшую похвалу вмѣняютъ себѣ то, что разольютъ и разбросаютъ, нежели что сопьютъ и употребятъ въ пищу.

А дабы не остался никто безъ удовольствія, то сыскивали всѣхъ нищихъ и убогихъ, чтобъ и оные праздновали тотъ день во всякомъ изобиліи. Понеже древніе имѣли такой законъ, что никому невольно было всенароднаго отправлять торжествованія до тѣхъ поръ, пока всѣхъ въ улицѣ своей не удовлетворилъ бѣдныхъ. Ибо Римляне думали, что естьли тотъ день будутъ праздновать щедролюбно; то Янъ, божество временныхъ благъ, избавитъ ихъ отъ всякаго недостатка; признавая Яна бога весьма благодарнымъ, который за малое его ради иждивеніе наградитъ преизобильно. И такъ въ день праздника Янова многолюдно собиралися на моленіе, однакожъ не всѣ вмѣстѣ; но сенаторы, жрецы, ценсоры, простолюдины, жёны и Вестальскія дѣвы, порознь; а иностранные послы всѣ съ плѣнниками шествовали во храмы. Въ тотъ день Императоръ по обыкновенію Римскому облекался въ порфиру, яко клейнодъ Имперіи; и всѣ невольники, которые токмо могли къ оной прикоснуться рукою, получали вольность; такожъ прощали преступниковъ, и ссылочныхъ свобождали изъ заточеній. Ибо Римскіе Государи ни единаго не торжествовали праздника, въ ко-

торой бы не оказали особливыхъ знаковъ своего милосердїя и щедроты.

Былъ тогда въ Римѣ Императоромъ М. Аврелїй, прекраснѣйшей Фавстины супругъ. Онъ нѣкогда въ праздникъ Яновъ, оставя великолѣпной сенаторской соборъ, и не употребя ни какихъ тѣлохранителей, вмѣшался въ толпу невольниковъ, которые удобно и къ порфирѣ его прикоснулись, и всевождедѣннѣйшую свободу получили; всевождедѣннѣйшую говорю, потому что плѣнникъ весьма мало имѣетъ отрады своему сердцу. Но понеже доброй человѣкъ ни какого почти не учинитъ преславнаго дѣла, коегобъ тотъ часъ кто нибудь злонравной не похулилъ; то сей поступокъ не меньше злые люди охуждали, какъ добродѣтельные хвалили. Ибо нѣтъ ни одного толь славнаго и похвальнаго дѣла, чтобъ оное не бодаемо было (такъ сказать) колючимъ чьего нибудь злопротивнаго устремленїя терномъ.

Въ бѣдственной сей жизни довольно испыталъ я всякую вещь, сирѣчь: какъ между добродѣтельными лучшїй кто нибудь передъ другими преимуществуетъ, такъ и посреди беззаконныхъ злонравнѣйшїй ктолибо превосходитъ; и всего хуже, что не толикую изъ добродѣтели честной человѣкъ славу, коликую изъ злочинїя и непотребства беззаконной продерзость почерпаетъ. Понеже отъ добродѣтели скромность, а отъ беззаконїя необузданность естественно зараждаются.

Говорю я сїе для того, что находился между Римскими сенаторами нѣкто, именемъ Фулвїй, сѣдиною бѣлѣе снѣга, но злонравїемъ чернѣе и самой смолы, коего за старость многїе въ

риме почитали, напротивъ же того за непотребство всѣ въ государствѣ ненавидѣли. Онъ старался нѣкогда быть преемникомъ Императорскаго по Адріанѣ престола, случай однакожъ желанію его не соотвѣтствовалъ: чего ради непрестанно питалъ въ сердцѣ своемъ тайную на Марка Аврелія злобу, и оному по всюду, какъ непріятелю, противорѣчилъ. Ибо изъ злаго сердца не можетъ ни одно произойти пріятное слово. И Фульвій такъ досадовалъ на Марка Аврелія, который будучи младолѣтный юноша перенялъ у него старика Императорскую корону, что ни одного и ни какого Маркъ не учинилъ знаменитаго дѣла явно, коегобъ онъ не ругалъ и не хулилъ тайно. Понеже природа такъ учинила, что злобное сердце и въ самомалѣйшемъ случаѣ злость свою наружу открываетъ.

И такъ часто я самъ въ себѣ разсуждаю; съ вящшею ли твердостію добродѣтельные противятся злонравному, или съ большимъ дерзновеніемъ беззаконные противоборствуютъ добродѣтельному! Ибо нѣтъ ни одного въ свѣтѣ толь отважнаго звѣря, какъ злой человѣкъ, ни малѣйшаго стыда неимѣющій. О когда бы добродѣтельные въ добрыхъ дѣлахъ толикое имѣли согласіе и постоянство, коликое злонравные въ злодѣйствахъ имѣютъ единомысліе и безстыдство! Понеже славою добродѣтели сіяющій мужъ къ творенію и одного добраго дѣла не находитъ, кто бы учинилъ ему вспоможеніе; но какъ только оное совершилъ, то уже шесть сотъ человѣкъ его охуждаютъ. Дай Богъ! Чтобъ читатели книги сея настоящее разсужденіе крѣпко въ памяти затвердили! сирѣчь, край злодѣйствъ въ людяхъ беззаконныхъ, что они забывъ свое человѣчество,

вѣчество, и поправъ смыслъ, безрассудно противо правды и любящихъ добродѣтель стремятся, вовсе ослабляя узду беззаконіямъ и порокамъ. Ибо ежели худо быть самому собою злонравнымъ, то гораздо еще хуже, не допускать, чтобъ другой былъ добродѣтельнымъ.

Чего ради пусть увѣрятъ себя великіе Государи и Князи, что никогда не избѣгнутъ они недоброхотовъ, кои преславныя дѣла ихъ будутъ въ противную толковать сторону; и по колику нужна имъ крѣпость къ творенію добродѣтели, по толику потребно и терпѣніе къ сношенію клеветы беззаконныхъ. Ибо тягостнѣе благородному и великодушному сердцу чужая зависть, нежели собственный трудъ и льющійся потъ изъ слабыя плоти. Почему не должны унывать великіе Государи и Князи слыша, что преславныя ихъ дѣла охуждаютъ. Ибо они, яко сущіе человѣки, между человѣками живутъ, и бѣдствій съ человѣчествомъ сопряженныхъ избѣгнуть не могутъ. Понеже не было еще ни одного толь добродѣтельнаго въ свѣтѣ Государя, коегобъ не уязвили языки людей беззаконныхъ.

Государи, добрые ли или худые, по истиннѣ сожалѣнія достойны. Ибо ежели они злонравные, то привлекаютъ на себя ненависть всѣхъ добродѣтельныхъ; буде же добродѣтельные, то немедлѣнно попадаютъ въ зависть и злорѣчіе всѣхъ беззаконныхъ. Октавій Императоръ былъ преловродѣтельнѣйшій Государь, но въ чрезвычайной ненависти находился у своихъ соперниковъ. Онъ будучи отъ друговъ вопрошенъ: „ для чего дѣлая „ всѣмъ добро, отъ многихъ терпитъ поношеніе? „ я, други мои, отвѣчалъ, свободя городъ отъ „ непріятелей, свободилъ купно и языки людей

 „ недо-

„ недоброхотныхъ; дабы говорили они то, что „ имъ угодно. Понеже было бы не праведно, есть- „ ли бы камни хвалилися вольностью , а языки „ жаловались напротивъ того , что они плѣне- „ ны и связаны. Сими словами по истиннѣ бла- гонравнѣйшїй оный Императоръ довольно изъяс- нилъ свое великодушїе и мудрость , давая тѣмъ знать, что онъ поношенїя зложелателей прене- брегаетъ ; которыя и въ самой вещи добродѣ- тельному человѣку ни во что вмѣнять должно. Ибо главное есть правило , что пороки всегда покровителей прїобрѣтаютъ , а добродѣтели во всякое время соперниковъ себѣ питаютъ.

Правду сказалъ Платонъ въ книгѣ о зако- нахъ, что злые всегда бываютъ сугубо злые, си- рѣчь: носятъ оружїе какъ для защищенїя собст- веннаго зла , такъ и поврежденїя ради чужаго добра. И для того хотя добродѣтелью сїяющимъ людямъ надлежитъ со многимъ бодрствованїемъ сыскивать себѣ подобныхъ ; однакожъ съ вящшею неусыпностїю должно имъ остерегаться злыхъ. Понеже доброй человѣкъ и однимъ перстикомъ , куда ни захочетъ , можетъ склонить всѣхъ лю- дей добродѣтелью одаренныхъ ; а чтобъ уберечь- ся и оборонить себя отъ одного токмо злаго человѣка; не точїю рукъ и ногъ , но и помощи прїятелей ему надобно.

Не напрасно Ѳемистоклъ Аѳинейскїй утвер- ждалъ, что нѣтъ ни чего изъ всѣхъ вещей ему досаднѣе, какъ зависимость чести его отъ чужой воли. Ибо весьма жалостно и прискорбно, что до- браго человѣка жизнь и честь нѣкоторый злодѣй языкомъ , какъ будто перомъ описываетъ. Какъ не возможно статься, чтобъ въ печи изъ горя- щихъ углей не выскакивали искры, или навозъ

на

на гноищи не испускалъ смраднаго духа; такъ изъ добраго и непорочнаго сердца любезныя проистекаютъ слова, а изъ злобнаго и негоднаго досадительныя шумятъ рѣчи. Ибо ежели тлѣютъ дрова гнилые, дымъ свѣтлой быть не можетъ. Въ непозволенныхъ амурахъ не долго можетъ обуздывать жаръ своея любви плѣненный, но еще гораздо меньше можно волнующагося сердца утаить страсти. Ибо воздыханія, суть свидѣтели уязвленнаго сердца; а слова изобличаютъ, внутреннюю злость духа.

Іулій Капитолинъ въ первой книгѣ о цесаряхъ повѣствуетъ, что М. Аврелій Императоръ былъ въ дѣланіи тщаливой, въ познаваніи остроумной, въ даваніи суда справедливой, въ наказаніи умѣренной, и паче всего въ терпѣніи весьма искусной. Сія послѣдняя добродѣтель особливое снискала ему передъ другими преимущество. Ибо терпѣніе есть всегда надежнѣйшій путь къ счастливому успѣху. Мы видимъ, что посредствомъ терпѣнія и остроумія изъ превратныхъ начинаній благопристойныя, изъ благопристойныхъ лучшія, а изъ лучшихъ и самыя преславныя дѣла бываютъ; но противное сему находимъ въ тѣхъ, кои безмѣрно горячи и скоропостижны. Ибо кто не имѣетъ терпѣнія, не возможно надѣяться, чтобъ тотъ и въ справедливѣйшихъ дѣлахъ поступалъ надлежащимъ порядкомъ. По чему обыкновенно говаривалъ М. Аврелій ,, что Іулій цесарь досталъ Имперію мечемъ; Августъ по праву наслѣдства; Калигула ,, за одержанную отцомъ его надъ Германіею побѣду; Неронъ похитилъ оную насиліемъ; Титъ ,, Императоромъ сдѣлался за покореніе Іудейскаго царства; Траянъ достигъ Императорской

,, короны

„ короны за милосердіе и добродѣтель; а я пріобрѣлъ скипетръ Имперіи черезъ одно токмо „ терпѣніе. „ Ибо гораздо кажется превосходнѣе, стерпѣть отъ злыхъ людей обиды, нежели въ школахъ съ учеными имѣть словопрѣніе. Сверьхъ того и сіе говорилъ преславный Императоръ, что въ правленіи государства гораздо больше ему терпѣніе, нежели знаніе помогало. Ибо отъ знанія одному только лицу раждается увеселеніе; но въ терпѣніи и личная и общественная заключатся польза.

Тотъ же Іулій Капитолинъ повѣствуетъ, что Антонинъ набожный Императоръ столько былъ Государь терпѣливой, что хотя ежечасно видѣлъ въ сенатѣ и доброхотовъ, и тѣхъ, кои были зажигатели противо его бунтовъ и смятеній; однакожъ такъ поступалъ скромно, что ни пріятелямъ, не оказывая себя неблагодарнымъ, къ печали, ни недоброхотамъ, не являя гнѣва, къ жалобамъ не подалъ причины.

А дабы главы сея конецъ согласить съ началомъ; когда М. Аврелій, какъ сказано мною выше, присовокупился къ плѣнникамъ, и оной поступокъ его справедливо всѣ Римляне похвалили; то Фульвій сенаторъ не умѣя снесть того разумно, аки бы въ шутку, слѣдующія къ Императору слова выговорилъ: „ я удивляюсь, „ Государь Императоръ, для чего вы такъ предаете себя всякому, вѣдая, что Императорская „ честь инако сохранена быть не можетъ, кромѣ „ точію убѣгая излишняго обхожденія. Но Маркъ услыша то, что въ присутствіи всѣхъ сенаторовъ и гражданъ сказалъ ему Фульвій, коего свойства зналъ онъ уже совершенно; съ превеликою снесъ терпѣливостью, и веселымъ лицемъ

улыбаясь: „ дѣла, отвѣчалъ, возложеннаго нынѣ на „ меня Фульвїемъ, рѣшенїе на утрешней день отложимъ. Ибо тогда и мой отвѣтъ обстоятельнѣе, и его ярость скромнѣе будетъ. „ Когда же на слѣдующїй день собрался въ Капитолїи Сенатъ, и множествомъ народа окруженъ былъ Императоръ, какъ о томъ въ житїи его Поллїонъ повѣствуетъ; то въ собранїи всѣхъ добродѣтельнѣйшїй Маркъ говорилъ слѣдующую рѣчь.

Глава девятая.

Отвѣтъ, М. Аврелїемъ Императоромъ въ присудствїи цѣлаго Сената данный Фульвїю, который его упрекнулъ, якобы онъ излишнимъ со всѣми разговоромъ и обхожденїемъ, уничтожаетъ честь важныхъ Императоровъ; гдѣ показывается, что премного вредитъ Государямъ суровая дикость, и на противъ того весьма пользуетъ ласковое обхожденїе. Такожъ что надобно стараться имъ снискивать себѣ доброхотовъ, дабы и при жизни молили о нихъ боговъ, и по смерти прославляли ихъ память.

„ Не хотѣлъ я, высокопочтенные господа̀ сена„ торы, вчерашняго дня отвѣтствовать сочлену „ вашему Фульвїю, какъ по причинѣ удержав„ шихъ насъ даже до ночнаго времяни жертво„ приношенїй, такъ и что казалось весьма „ благовременно на слова его отвѣтствовать „ нынѣ. Ибо знакъ есть малоразумїя и великой „ глупости, ежели кто на каждой вопросъ скорые „ даетъ отвѣты. Да и не прилично разумнымъ „ людямъ на всѣ нерезонно предлагаемые запросы

„ отвѣт-

,, отвѣтствовать. Мудрые люди въ отвѣтахъ не
,, имѣютъ такой вольности и легкомыслїя, съ ка-
,, ковымъ вопрошаютъ ихъ невѣжи. Ибо спраши-
,, ванїя началомъ бываетъ незнанїе : но отвѣт-
,, ствованїя источникомъ должна быть самая
,, премудрость.

,, Худое, во истинну, было бы мудрымъ лю-
,, дямъ житье, естьли бы они принуждены были
,, во всемъ удовольствїе чинить и отвѣтство-
,, вать несмысленнымъ, которые часто больше
,, для оскорбленїя и искушенїя, нежели для на-
,, ученїя и познанїя вопрошаютъ ; каковы вопро-
,, сы разумные мужи молчанїемъ преходить дол-
,, жны. Ибо мудрымъ людямъ уши къ слушанїю
,, открытыя, а языки къ произношенїю словъ
,, заключенные и обузданные имѣть надлежитъ.
,, Вѣдайте, господа сенаторы и все священнѣйшее
,, собранїе Сената, что я мало въ Родусѣ, Неапо-
,, лѣ, Капуѣ, Тарентѣ и другихъ мѣстахъ прїоб-
,, рѣлъ учености ; отъ всѣхъ однакожъ учите-
,, лей слышалъ, что въ ученїи надлежитъ
,, упражняться человѣку на тотъ конецъ, дабы
,, зналъ, какимъ образомъ между злонравными и
,, несмысленными людьми поступать ему должно.
,, Понеже плодъ ученїя не въ иномъ состоитъ,
,, какъ токмо, дабы непорочную жизнь и обуз-
,, данной языкъ имѣть человѣку.

,, Что же намѣренъ я говорить нынѣ въ
,, священнѣйшемъ Сенатѣ, истинно, ни злоба,
,, нижѐ недоброхотство къ тому меня побуж-
,, даетъ ; но единственное защищенїе моей че-
,, сти. Ибо честь сперьва словами защищать, а
,, послѣ и оружїемъ оборонять должно.

,, Но да приступлю къ самому дѣлу, и къ
,, тебѣ, украшенный консульскимъ достоин-

„ ствомъ мужъ Фульвій, обращу рѣчь мою ; на
„ вопросъ твой : для чего я предаю себя всѣмъ ?
„ Отвѣтствую: для того предаюсь всѣмъ, дабы
„ и мнѣ всѣ предались взаимно. Ты очень об-
„ стоятельно знаешь, Фульвій, что я такимъ
„ же, какъ ты, былъ Консуломъ; и что самъ ты
„ Императоромъ, какимъ я нынѣ нахожусь, не
„ былъ: и такъ повѣрь опытамъ моимъ, что Го-
„ сударева дикость и свирѣпство подвластному
„ народу подаютъ причину его ненавидѣть. Не
„ благоволятъ Боги, не дозволяютъ законы, и
„ не безъ справедливости не допускаетъ обще-
„ ство, чтобъ Государи многими обладая, при-
„ ступъ къ себѣ токмо малому числу людей
„ давали. И понеже мимошедшіе Государи въ жи-
„ зни своей были ласковы и обходительны; то
„ древніе народы, тронувся толикою добродѣ-
„ телью, въ число боговъ записали ихъ по смер-
„ ти.

„ Рѣчной рыболовъ, для поимки въ рѣкѣ раз-
„ личныхъ рыбъ, не одинакой, какъ и ты извѣ-
„ стенъ, употребляетъ прикормъ. Морской ры-
„ боловъ въ зыбкое море на рыбную отправля-
„ ясь ловлю, для полученія многой добычи, не
„ одною запасается мрежею. Чтожъ изъ сего
„ слѣдуетъ? Явственно доказываю, что и воли
„ человѣческія, кроющіяся подъ различными прит-
„ ворствъ масками, отъ части награжденіемъ,
„ отъ части ласковыми словами, а отъ части
„ обнадеживаніемъ великихъ воздаяній, уловлять
„ намъ должно. Понеже добродѣтельнымъ и муд-
„ рымъ Государямъ большее о привлеченіи себѣ
„ подданныхъ сердецъ, нежели о покореніи чу-
„ жихъ царствъ попеченіе прилагать надлежитъ.
„ Подлинно, имѣющимъ сребролюбивой и нена-

„ сытной

„ сытной духъ въ томъ, что передъ ними серд-
„ ца̀ заключаютъ, нѣтъ ни мало нужды; лишъ
„ бы только сундуки открывали: но для благо-
„ родныхъ мужей, и найпаче державныхъ Госуда-
„ рей ни чего не стоитъ, когда запираютъ отъ
„ нихъ наполненные золотомъ чамоданы, ежели
„ только откровенныя сердца̀ у прiятелей сво-
„ ихъ найдутъ. Понеже любви ни чѣмъ, кромѣ
„ взаимною любовiю, наградить не можно.

„ Монархамъ и Князьямъ, по елику многими
„ обладаютъ, многiе надобны и служители; ког-
„ даже пользуются службою многихъ, то и наг-
„ раждать многихъ не обходимо должны, и отъ
„ сей тягости ни вообще, ни порознь передъ
„ служительми не могутъ быть свободны. Ибо
„ Государь служителю за вѣрную услугу награж-
„ денiе не меньше, какъ и хозяинъ работнику днев-
„ ную плату, отдавать обязанъ. Естьлижъ сiе
„ такъ есть, то что будутъ дѣлать несчаст-
„ ные Государи, кои многими владѣютъ цар-
„ ствами, и въ разсужденiи множества царствъ
„ многочисленныхъ служителей имѣютъ; но ко
„ удовольствованiю ихъ казной скудны бываютъ?
„ Подлинно, естьли о томъ прилѣжно подумаютъ,
„ то печалиться не малую имѣютъ причину.

„ Въ такомъ случаѣ пусть про меня дѣ-
„ лаетъ всякой то, что ему угодно; и по сво-
„ ему разсужденiю слѣдуетъ совѣту, какой ему
„ за благо покажется; я на противъ того пред-
„ ложу другимъ совѣтъ, которой собственнымъ
„ опытомъ извѣдалъ; сирѣчь, что Государь съ
„ подданными толь благосклонно обращаться, и
„ толь ласково и снисходительно со всякимъ раз-
„ говаривать долженъ; дабы каждой черезъ одну
„ токмо обхожденiя его прiятность изобильно по-

„ читалъ

„ читалъ себя удовольствованнымъ. Ибо Госуда-
„ ри жалованьемъ и щедротами токмо однѣ
„ службы министровъ и солдатъ своихъ награж-
„ даютъ ; но ласковыми и благосклонными сло-
„ вами не токмо службы достойною наградой
„ снабдѣваютъ , но купно и сердца ихъ нечув-
„ ствительно къ себѣ привлекаютъ. Многихъ
„ дѣлающихъ покупку научаетъ опытъ , что они
„ охотнѣе за бо́льшую цѣну покупаютъ товары
„ въ той лавкѣ , гдѣ учтивой и ласковой про-
„ даетъ сидѣлецъ ; нежели въ другой дешевлѣ ,
„ гдѣ грубой и непривѣтливой торгуетъ хозя-
„ инъ. Симъ даю знать , что много обрѣтается
„ подданныхъ, которые иному Государю усерднѣе
„ даромъ и токмо для снисканія любви, нежели
„ другому и за награжденіе служить желаютъ.
„ Ибо ни какое благодѣяніе съ лучшею не ока-
„ зывается пользою, какъ то, которое возносит-
„ ся на честнаго, добраго и благодарнаго чело-
„ вѣка ; и на противъ того , ни какая услуга
„ не утрачается напраснѣе , какъ та , которая
„ грубому и неблагодарному дѣлается человѣку.

„ Никогда не выводятся при дворахъ цар-
„ скихъ лукавые и пронырливые люди, кои Госу-
„ дарямъ представляютъ способы ко умноженію
„ доходовъ, наложенію податей, и отягощенію
„ подданныхъ поборами ; но который бы посовѣ-
„ товалъ ему о привлеченіи сердецъ и снисканіи
„ любви подвластныхъ, нѣтъ ни одного человѣ-
„ ка ; хотя и вѣдаютъ, что полезнѣе имъ быть
„ любимыми , нежели достаточными. Измѣнникъ
„ Государю кто многія накопляя ему сокровища,
„ подданныхъ между тѣмъ сердца отъ него отчу-
„ ждаешъ. Чего ради Монархи всемѣрно старать-
„ ся должны къ подданнымъ своимъ оказывать

„ себя

„ себя толь привѣтливыми и обходительными, „ чтобъ оные найпаче изъ доброй воли, нежели „ по надеждѣ мздовоздаянія имъ служили. Ибо, „ ежели нестанетъ денегъ; вскорѣ прекращается „ ся служеніе, и тысяча роптаній отъ негодую- „ щихъ происходитъ: чего въ добровольныхъ слу- „ жителяхъ не бываетъ. Ибо кто сердечно лю- „ битъ, тотъ въ благополучіи не кичится, въ „ несчастіи не оставляетъ, въ убожествѣ не „ жалуется, за ненагражденіе услугъ не роп- „ щетъ, ниже во время гоненія не ослабѣваетъ; „ словомъ: любовь и жизнь прежде послѣдняго „ издыханія не кончаются.

„ Опытъ свидѣтель, что бѣдныхъ въ Сициліи „ крестьянъ прибытокъ деньгамъ римскихъ щи- „ тоносцевъ предпочитать должно. Ибо земле- „ дѣлецъ выѣхавъ въ поле, никогда не возвра- „ щается, чтобъ не привезъ съ собою хлѣба; но „ щитоносецъ никогда не выходитъ въ рынокъ, „ чтобъ не пришелъ домой безъ денегъ. Симъ „ уравленіемъ показываю, что такой Государямъ „ приличествуетъ промыслъ, дабы они позволяя „ себя видѣть, и каждому свободной давая при- „ ступъ, кротки, тихи, благопріятны, велико- „ душны, и паче всего любезны были; разумѣя, „ что сими художествами, а не чрезъ деньги, „ сердца подданныхъ пріобрящутъ: естьли же „ кто инымъ способомъ достигнуть сего упо- „ ваетъ, по истиннѣ тотъ здраваго разсудка не „ имѣетъ. Ибо Государю не токмо прискорбно, „ но и бѣдственно, у рабовъ своихъ покупать „ сердца на деньги.

„ Государямъ надлежитъ стараться быть лю- „ бимыми, естьли желаютъ, чтобъ пріятели „ по крайней мѣрѣ бѣдствія ихъ дружески раз-

„ дѣляли;

„ дѣляли; чего ненавидимымъ Государямъ, несчастію коихъ всѣ рады, не случается. Ибо „ прискорбному и печальному сердцу не посредственною бываетъ отрадою, естьли видитъ, „ что о злоключеніи его другіе соболѣзнуютъ.

„ Государи всячески стараться должны быть „ любимыми, чтобъ по смерти вельможи и други ихъ оплакивали. Ибо Государямъ такъ поступать надлежитъ, чтобъ и за обрѣтающихся въ жизни усердныя къ Богу мольбы приносили, и по кончинѣ память ихъ благодарнымъ сердцемъ прославляли. О безсчастной „ царь! о бѣдное царство, въ которомъ подданные Государю изъ однихъ токмо денегъ служатъ; и взаимно Государь за одни точію выгодности и услуги подданныхъ любитъ и заступаетъ! ибо наемная между человѣками любовь никогда не бываетъ постоянна.

„ Изъ многихъ кирпичей и одного токмо „ всѣхъ вышшаго клина дѣлается въ строеніи „ сводъ; равнымъ образомъ изъ многихъ подданныхъ, и одного всѣхъ большаго царя составляется государство. Ибо ни князь, у коего „ нѣтъ во владѣніи царства, Государемъ; ни общество царя, яко главы своей неимѣющее, „ государствомъ назваться не могутъ. Былъ бы „ я крайній невѣжа въ архитектурѣ, ежели бы „ не зналъ, что извѣсть, которою связываются „ между собою камни, и съ пескомъ мѣшать можно; а клинъ, коимъ засклепляется верхній „ сводъ, голою и нетушоною извѣстью укрѣплять необходимо нужно. Ибо естьли камни „ разойдутся взаимно одинъ отъ другаго, то раскалываются только стѣны; но когда рушится „ клинъ, то и вся огромность полатъ упадаетъ.

„ Хотя согласно съ правдою, что мудрый „ человѣкъ и безъ дальнихъ изъяснений разу- „ мѣетъ, къ чему клонится мое намѣренїе; „ однакъ по способности онаго приведу здѣсь „ нѣкоторое уподобленїе. Любви, какъ будто „ водою растворенной быть промежъ гражданства „ сносно; но взаимная Государя и подданныхъ „ любовь требуется безъ всякаго примѣсу; си- „ рѣчь: между прїятельми любовь хотя будетъ „ не много и студенѣе, нѣсколько продолжать- „ ся можетъ; но между царемъ и подданными, „ ежели искренняя и совершенная любовь не бу- „ детъ, очевиднѣйшему подвержена паденїю. Ибо „ гдѣ совершенная любовь находится, тамъ ни „ одного притворнаго слова, и лицемѣрнаго по- „ слушанїя не бываетъ.

„ Я видалъ, что многїя въ Римѣ между на- „ родомъ смятенїя однимъ днемъ окончались; но „ единое токмо между Государемъ и подданными „ происшедшее успокоилось не прежде смерти. „ Ибо одного со многими, и многихъ съ однимъ „ примирить, величайшаго труда стоитъ. И „ какъ въ семъ случаѣ одни горды, а другїе не- „ покоривы бываютъ, то ни Государей извинить, „ ни подданныхъ безъ осужденїя оставить мнѣ „ невольно. Ибо по происшествїи такихъ мя- „ тежей и раздоровъ, кто бы ни имѣлъ изъ нихъ „ справедливѣйшую къ тому причину; по до- „ стоинству однакожъ заслуживаетъ нареканїе.

„ Отъ чего вамъ мнится, до толикаго до- „ ходятъ безрассудства Государи, что неза- „ конно повелѣваютъ; а подданные, что и за- „ коннымъ не повинуются повелѣнїямъ? я изъ- „ ясню, буде выслушаете охотно. Государь „ больше на могуществѣ, нежели на справедли-

„ вости

„ вости утверждаясь, и маленькою своего разу-
„ мѣнія мѣрою каждаго мысли измѣрять желая,
„ по правилу собственнаго разсудка всѣхъ умы
„ и хотѣнія располагаетъ. Ибо великіе Госуда-
„ ри думаютъ о себѣ, что они какъ властію,
„ такъ и разумомъ всѣхъ превосходятъ. Про-
„ тивнымъ сему образомъ поступаютъ поддан-
„ ные. Они, я незнаю, какимъ будучи восхищены
„ бѣшенствомъ, уничижаютъ здравой Государя
„ своего разсудокъ, и хотятъ, дабы Государь не
„ то дѣлалъ, что онъ намѣреваетъ къ общему
„ всѣхъ благу; но что каждому изъ нихъ нра-
„ вится. Ибо многіе нынѣ толь легкомысленны
„ и глупы, что думаютъ, яко бы Государю од-
„ нихъ токмо ихъ передъ глазами своими имѣть
„ должно. По истиннѣ предосадное, но весьма
„ обыкновенное беспутство, что одинъ нѣкто
„ хочетъ, дабы всѣхъ одежды были ему въ пору и
„ къ стати; и неменьше странно сказать, что всѣ
„ желаютъ одного принаровить себѣ збрую.

„ Да чтожъ намъ дѣлать, высокопочтенные
„ господа сенаторы и священнѣйшее собраніе Се-
„ ната! съ симъ безуміемъ оставили намъ свѣтъ
„ отцы наши; съ симъ неистовствомъ мы сыны
„ ихъ обладаемъ; съ симъ упрямствомъ напослѣдокъ
„ и сами оставимъ оной нашимъ потомкамъ.

„ Исторіи и слухъ свидѣтельствуютъ, сколь-
„ ко пало и погибло изъ прежде бывшихъ Госу-
„ дарей по той только причинѣ, что поддан-
„ нымъ своимъ неприступны и жестоки были;
„ но чтобъ хотя одного ласковое и пріятное
„ обхожденіе погубило, ни гдѣ я не читалъ, и
„ ни отъ кого не слышалъ; чего ради предложу
„ вамъ нѣкоторые читанные мною примѣры, со-
„ гласующіе съ моимъ намѣреніемъ; дабы усмо-

„ трѣли монархи, коль полезно имъ ласковое „ обращенїе, и напротивъ того, коль вредна „ тиранская къ подданнымъ суровость.

„ У Сикїонянъ, коихъ царство было сильняе „ оружїемъ Халдейскаго, и нестоль древно, какъ „ Ассирїйское, находилась фамилїя, называемая „ царское колѣно, которая между ими восемь „ сотъ шездесятъ два года продолжалась, по „ той причинѣ, что всѣ тѣ цари были похваль- „ наго обращенїя; другое же колѣно неболѣе „ токмо тритцати трехъ лѣтъ продлилось, „ поелику Государи онаго вовсе жестокими и „ непривѣтливыми учинилися. Древнѣйшїе наро- „ ды, поелику жили въ тишинѣ и покоѣ, чего „ мы нынѣ лишаемся; и невѣдали браней, какїя „ насъ теперь поражаютъ; всегда тщательнѣе „ пеклись прїискивать такихъ царей, чтобъ „ оные паче прїятнымъ и ласковымъ обхожденї- „ емъ обществу служили, нежели во ополченїи „ храбры и жестоки были.

„ Омиръ въ Илїадѣ пишетъ, что древнѣйшїе „ Египтяне царей своихъ называли Епифанами, „ и такое имѣли обыкновенїе, что бы оные Епи- „ фаны всегда босыми ногами во храмы боговъ „ ходили; естьли же который Епифанъ, будучи „ поспѣсивѣе, вошелъ въ храмъ обувшись, тотъ „ часъ лишивъ царства, другаго на мѣсто его „ возводили. Изъясняетъ при томъ Омиръ, что „ ежели обрѣтался царь гордой и злонравной; „ Египтяне къ отнятїю у него царства прини- „ мали за причину, яко бы онъ въ божеской „ храмъ не вошелъ босыми ногами. Ибо ежели „ Государи неблагопрїятны и не любезны наро- „ ду, то и изъ маловажнѣйшаго случая воста- „ ютъ противо ихъ подданные. Говоритъ тотъ

„ же

„ же Омиръ, что непобѣдимые Пареяне Арсацидами царей своихъ называли, и шестаго Арсациду нетокмо лишили царства, но и сослали въ заточенiе, не для иной причины, токмо, что онъ будучи весьма гордъ, на бракъ нѣкотораго кавалера самоизволно прiѣхалъ; а на убогую свадьбу бѣдненькаго простолюдина, хотя и звали, прiити возгнушался.

„ Цицеронъ въ книгѣ о Тускуланскихъ дѣлахъ повѣствуетъ, что въ древнiя времена совѣтовали подданные своимъ Государямъ, дабы они минуя богатыхъ, съ убогими обращенiе имѣли. Ибо Государи посреди убогихъ людей научаются быть милосердными; но съ богатыми только жить роскошно привыкаютъ.

„ Извѣстно вамъ, высокопочтенные господа сенаторы, что сiя земля наша съ начала именовалась великою Грецiею, по томъ слыла Лацiею, а на послѣдокъ прозвана Италiею; и въ то время, когда процвѣтало Латинское государство, называли они царей своихъ Мурранами; которые хотя подлинно тѣсными предѣлами обладали, но сердца пространныя и благородныя имѣли. Повѣствуютъ вѣка того лѣтописцы, что послѣ Сильвiя третьяго вступилъ на престолъ нѣкоторый Мурранъ, толь гордой, славолюбивой и злонравной, что опасаясь гражданъ, всегда спалъ запершись въ чертогахъ; чего ради лишенъ царства и изверженъ изъ общества. Ибо древнiе говаривали, что ни на одинъ часъ, ни ночью, ни днемъ Царь передъ подданными своими запирать дверей, или въ слушанiи жалобъ и представленiй отказывать имъ не долженъ.

„ Тарквиній послѣдній изъ семи первыхъ
„ Королей римскихъ, былъ не благодарнѣйшій
„ своему тестю, кровосмѣситель, предатель
„ отечества, самоубійца, и растлитель Лукре-
„ ціи; не назвали однакожъ его кровосмѣшенцомъ,
„ неблагодарнымъ, самоубійцею, измѣнникомъ и
„ прелюбодѣемъ; но Тарквиніемъ гордымъ, сирѣчь
„ за одну суровость и жестоконравіе. По истин-
„ нѣ, высокопочтенные господа сенаторы, безча-
„ стной Тарквиній за растлѣніе Лукреціи нико-
„ гда не лишилсябъ царства, ежели бы онъ
„ благопріятенъ риму, и любезенъ былъ граж-
„ данству. Понеже естьли бы достойное наказа-
„ ніе получало юношество за каждой грѣхъ и
„ проступокъ; въ скоромъ времени ни одного не
„ осталосябъ государства. Другія злодѣйства и
„ погрѣшности, какъ прежде, такъ и послѣ
„ Тарквинія, учинены Императорами состарѣвши-
„ мися въ имперіи римской, толь важныя, что
„ сравнивъ съ оными дѣла легкомысленнѣйшаго
„ того юноши, въ маленькихъ проступковъ ви-
„ дѣ представляются. Ибо ежели съ одной сто-
„ роны недостатокъ лѣтъ, а съ другой долго-
„ временное искуство уважимъ; то превеликой
„ грѣхъ юноши едва и съ самомалѣйшимъ стара-
„ го человѣка преступленіемъ сравнить должно.

„ Іулій Цесарь, послѣдній Диктаторъ и пер-
„ вый Императоръ, въ то время, когда похваль-
„ ное обыкновеніе имѣлось, что бы сенаторы
„ падши на колѣни, поздравляли Императора, и
„ самъ Императоръ, смотря по достоинству ка-
„ ждаго, привставалъ передъ ними; поелику за
„ гордостью и спесью своею не восхотѣлъ хра-
„ нить того обряда, двадцатью тремя ранами
„ избоденъ лишился жизни. Тиверія Императора

„ порочатъ

„ порочатъ пьянствомъ ; Калигулу обличаютъ „ въ кровосмѣшеніи съ родными сестрами ; Нерона, убивъ родную мать и Сенеку учителя, „ пріобрѣлъ вѣчное въ Римѣ лютаго мучителя „ названіе; Авлъ Вителлій такъ погружался въ „ роскошномъ пированіи, что на одинъ угостительной ужинъ двѣ тысячи найлучшихъ рыбъ, „ и семь тысячь птицъ было поставлено; Домитіанъ всѣми пороками и беззаконіями былъ „ оскверненной: ибо въ каждаго порознь человѣка разсыпанныя злодѣйства, всѣ въ одномъ Домитіанѣ совокупилися вмѣстѣ. Всѣхъ сихъ „ безсчастныхъ Государей хотя на послѣдокъ „ тянули на острыя колеса, потопили въ рѣкѣ, „ повѣсили на крестахъ, и умертвили отсѣченіемъ головъ; однакожъ повѣрьте мнѣ, высокопочтенные господа сенаторы, не по причинѣ „ тѣхъ бесчинствъ, но за гордость и суровое „ обхожденіе они погибли. Ибо Государь однимъ „ порокомъ не много подданнымъ повредить можетъ; но своенравіемъ, жестокостію и чрезвычайною спесью искоренитъ государство.

„ Пусть безъ сомнѣнія вѣдаютъ государи, кои „ частыя къ ненависти народу подаютъ причины, что и одна маловажнѣйшая по томъ довольна возбудить подданныхъ къ исполненію „ самимъ дѣломъ съ собственною пагубою своей „ злобы. Ибо естьли Государь не оказываетъ „ наружу своей злости, то нѣтъ у него къ тому „ желанія; но буде рабъ не исполняетъ оной, то „ бываетъ сіе отъ неимѣнія силы.

„ Повѣрьте мнѣ, высокопочтенные господа сенаторы и священнѣйшее собраніе сената, что „ какъ врачи не многимъ ревенемъ многія изъ „ тѣла выводятъ мокроты ; такъ и Государи

 „ оказы-

,, оказыванїемъ малѣйшей благосклонности ис-
,, требляютъ изъ сердецъ у подданныхъ своихъ
,, премногїя раны. Дабы связь членовъ съ головою
,, своею въ цѣлости пребывала; то, кажется
,, мнѣ званїе народа въ томъ зависитъ, что бы
,, повелѣнїямъ своего Государя послушанїе, и соб-
,, ственному лицу его должное отдавалъ почте-
,, нїе; а доброй Государь обязанъ наблюдать рав-
,, новѣсное ко всѣмъ правосудїе, и ласковое каж-
,, дому являть обхожденїе. О блаженное царство,
,, гдѣ Государь въ подданныхъ послушанїе, и вза-
,, имно подданные въ Государѣ любовь находятъ!
,, Понеже отъ государевой любви въ подданномъ
,, раждается послушанїе; а изъ послушанїя раба
,, взаимная любовь въ покровителѣ его возра-
,, стаетъ.

,, Въ Римѣ Императоръ, какъ паукъ среди
,, паутины; гдѣ ежели хотя весьма полегоньку
,, къ которой нибудь одной ниточкѣ концомъ
,, токмо булавочнымъ прикоснутся, тотъ часъ
,, паукъ слышитъ; подобнымъ образомъ и Им-
,, ператоръ въ Римѣ ничего сдѣлать не можетъ,
,, чтобъ оное немедлѣнно по всему свѣту не раз-
,, гласилось. Ибо Государямъ, понеже въ окolич-
,, ности всѣхъ обращаются, весьма трудноута-
,, ить свои пороки.

,, Вижу, что я попалъ нынѣ, высокопочтен-
,, ные господа сенаторы, въ оцѣнку человѣческой
,, злобѣ по той причинѣ, понеже присовокупясь
,, къ собранїю плѣнниковъ, дозволилъ имъ къ се-
,, бѣ прикасаться, дабы они воспользовався симъ
,, благодѣянїемъ, невольниками уже болѣе не
,, были. Въ семъ случаѣ приношу благодаренїе
,, безсмертнымъ богамъ, что здѣлали меня ми-
,, лосердымъ Императоромъ къ разрѣшенїю око-

,, ванныхъ;

„ ванныхъ ; а не лютымъ тиранномъ къ связа-
„ нію свободныхъ людей учинили. Что говорятъ
„ пословицой : въ одномъ лѣсу поималъ двухъ
„ вепровъ ; то вчерашняго дня исполнилось са-
„ мимъ дѣломъ. Понеже плодъ благодѣянія про-
„ стерся къ бѣднымъ плѣнникамъ , а щедрота
„ ко всѣмъ иностраннымъ царствамъ. Или невѣ-
„ даете , что благонравной и добродѣтельной
„ Государь , когда снимаетъ съ невольничьихъ
„ ногъ оковы ; въ то самое время на сердца под-
„ данныхъ и рабовъ своихъ налагаетъ цѣпи?

„ На послѣдокъ, къ безопасности Государя, и
„ цѣлости государства, я за лучшее утверждаю,
„ любовію въ домѣ своемъ сердецъ свободныхъ ;
„ нежели со страхомъ рабовъ въ желѣзы око-
„ ванныхъ пользоваться прислугами.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Письмо М. Аврелія Императора къ другу Полліону, содержащее выговоръ и порицаніе для тѣхъ, кои желая, дабы Римскіе Императоры наблюдали въ писаніи краткость и умѣренность, не разсуждаютъ о томъ , что они въ хищеніи и грабительствѣ бываютъ пространны ; такожъ , что царская жизнь , есть не иная вещь , какъ часы государственнаго правленія. Сверьхъ того заключаетъ въ себѣ Періандрово житіе, надгробную надпись и законы; на послѣдокъ различные предѣлы , въ коихъ древніе полагали блаженство.

Маркъ Римскій Императоръ, народный Трибунъ, верьховный Первосвященникъ, вторично избранный Консулъ, Отецъ Отечества, и вели-

чайшїй Монархъ, Поллїону старому другу, благополучнаго здравїя и счастливыхъ противо злой судьбины успѣховъ желаетъ,

„ Отправленное тобою изъ Капуи ко мнѣ „ письмо получилъ я въ Виѳинїи, и не меньше „ веселыми прочелъ глазами, какъ и самъ ты „ писалъ оное радостнымъ сердцемъ; чѣмъ тебѣ „ особливо утѣшаться должно. Ибо древняя по- „ словица Омирова тебѣ небезъизвѣстна: на что „ веселыми взираютъ глазами, то и благопрїя- „ тнымъ любятъ сердцемъ. Кленусь безсмерт- „ ными богами, что я къ тебѣ не такъ, какъ „ Императоръ римскїй, сирѣчь: не яко Государь „ къ рабу пишу; въ противномъ же случаѣ мнѣ „ и кратко, и касающееся токмо до самаго дѣ- „ ла къ тебѣ писать слѣдовалобъ. Чего съ ис- „ кренннимъ прїятелемъ не должно дѣлать. Ибо „ важныхъ лицъ писанїямъ, ни когда и начатымъ; „ но дружескимъ письмамъ, бесконечнымъ быть „ надлежалобъ.

„ Я пишу къ тебѣ, любезный Поллїонъ, какъ „ искреннему другу, какъ старому товарищу, „ и какъ вѣрному хранителю моихъ таинъ; „ коего сожитїе и обращенїе никогда меня не „ оскорбило, въ коего устахъ я никогда не нашелъ „ ни единаго ложнаго слова, и въ коего обѣща- „ нїяхъ никогда не примѣтилъ ни единаго об- „ мана. Естьлижъ сїе такъ есть, то конечно „ нарушилъ бы я законъ дружбы, скрывъ какую „ либо отъ тебя мою тайность. Ибо все вѣр- „ ному другу сообщать должно. Можетъ быть „ ты, Поллїонъ, за малой трудъ считаешь, „ римскому Императору въ письмахъ, разгово- „ рахъ, дѣлахъ, обхожденїи, и на конецъ въ цѣ- „ ломъ житїи, всѣ званїя касающїяся до него

„ испол-

„ исполнить; чему я и неудивляюсь. Ибо житіе „ добродѣтельнаго Императора, есть не иное „ что либо, какъ часы, которые съ подданными „ согласны или несходственны бываютъ.

„ Мнѣ то удивительно, что Римляне суть „ толь глупые и толь негодные граждане, что „ всѣ единогласно утверждаютъ, яко бы Госу-„ дарю для сохраненія своего величества, и у-„ множенія въ народѣ славы, надобно тихими „ выступать шагами, мало говорить и кратко „ писать, сирѣчь: въ писаніи краткости тре-„ буя, а въ покореніи чужихъ царствъ про-„ странное упорство похваляя.

„ Но однакожъ разумнымъ людямъ отъ Госу-„ дарей взыскивать должно ласковаго нрава, да-„ бы къ тиранскому не уклонилися свирѣпству, „ благаго намѣренія, дабы всѣмъ равновѣсное „ оказывали правосудіе; добрыхъ замысловъ, дабы „ на чужія не льстились царства, непорочнаго „ сердца, дабы въ страстяхъ и ярости не упра-„ жнялися; кротости духа, дабы прощали обиды; „ любви къ подданнымъ, что бы могли пользо-„ ваться ихъ послушаніемъ; свѣденія о добродѣ-„ тельныхъ, дабы награждали ихъ честію; и „ на конецъ познанія беззаконныхъ, дабы ихъ „ унимали и воздерживали. Что же касается до „ прочаго мало, намъ въ томъ нужды, буде царь „ скоряе ходитъ, жаднѣе ѣстъ, или короче „ пишетъ. Ибо не личные пороки: но нерадѣніе „ въ правленіи государства, бываютъ вредны.

„ Письмо твое, любезный Полліонъ, премного „ меня утѣшило, но еще больше обрадовалобъ „ присутствіе. Ибо старыхъ пріятелей письма „ обновляютъ память прешедшаго времени. „ Коль пріятно мореплавателю о злоключеніяхъ

„ и опасностяхъ расказывать въ пристани! звѣро-
„ лову о понесенной службѣ говорить у пѣчки:
„ прохожему воспоминать о пути, въ то время,
„ когда наслаждается покоемъ! побѣдителю въ
„ торжественной день бесѣдовать о непріятель-
„ скомъ сраженіи! Но всякую превышаетъ весе-
„ лость, когда въ счастіи два пріятеля, долго-
„ временною сопряженные дружбою, о жесточай-
„ шихъ и горестнѣйшихъ въ юности претерпѣн-
„ ныхъ собесѣдуютъ бѣдствахъ.

„ Въ одномъ повѣрь мнѣ безъ сомнѣнія, что
„ благихъ, свыше данныхъ, ни прославить, ни
„ владѣть, ни познать, ни употреблять, ни хо-
„ ронить. и защищать ни кто не можетъ, кро-
„ мѣ тотъ, который оныя многими пріобрѣлъ
„ трудами. Ибо мы то всѣмъ сердцемъ любимъ,
„ въ достиженіи чего изобильной потъ проли-
„ ваемъ.

„ Объ одномъ тебя вопрошаю: кто вящше
„ богамъ долженъ, или между человѣками мнит-
„ ся быть лучшій? Траянъ милостивый, кото-
„ рый во всѣхъ военныхъ Датскихъ, Германскихъ
„ и Ишпанскихъ походахъ вскормленъ; или сви-
„ рѣпой Неронъ, въ превеликихъ городскихъ рос-
„ кошахъ и нѣгѣ воспитанный? Не роза ли одинъ
„ изъ нихъ въ терніи, и не кропива ли другой
„ между цвѣтами были? Не на подобіель розы
„ добродѣтельнѣйшаго Траяна житіе, во всѣхъ вѣ-
„ кахъ пріятнѣйшее будетъ испускать благоуха-
„ ніе; и не по подобіюль (такъ сказать) кропивы
„ неистоваго Нерона безславіе будетъ нажигать
„ прищи потомству? я говорю, что не всѣ (по-
„ неже великое число находится добродѣтель-
„ ныхъ), многіе однакожъ нѣжно воспитанные
„ Государи подали причину злословить себя за

„ небре-

„ небреженїе царства. Ибо они, поелику собственныхъ трудовъ никогда не отвѣдали; сами не хотятъ трудиться, и чужой потъ легко ставятъ.

„ Не думай, любезный Поллїонъ, что я тебя забылъ, когда боги вручили мнѣ правленїе свѣта. Ибо, какъ оба мы путешествовали по крутымъ стремнинамъ юности, такъ желаю чтобъ и успокоились оба купно на гладкомъ пространствѣ старости. Гораздо мнѣ памятно что оба мы въ Родусѣ какъ будто вспахали науки наши, потомъ въ Капуѣ посредствомъ военной службы аки бы посѣяли оныя; но боги благоволили, что бы счастїя моего плоды созрѣли въ Римѣ; а тебѣ и другимъ, самаго меня лучшимъ, фортуна ни единаго класа дать не восхотѣла.

„ Я не могу допустить, чтобъ ты подозрѣвалъ меня напрасно, естьли сердце мое приписуетъ тебѣ похвалу вѣрнаго и искренняго друга. Ибо когда непостоянное счастїе вручило мнѣ надзиранїе своего вертограда, повѣрь, не будешъ лишенъ изобильнаго въ домѣ моемъ собиранїя виноградныхъ гроздїй. Никогда не попустятъ праведные боги, никогда злой судьбины рокъ не доведетъ меня до толикаго безумства, что бы когда я чрезъ двадцать лѣтъ во всякое время обрѣталъ у тебя отверстыя двери, ты въ противность того хотя на одну минуту нашелъ во мнѣ заключенное сердце. „

„ Когда судьба возвела меня на Императорской престолъ, то двѣ вещи непрестанно въ моихъ глазахъ обращались, сирѣчь: ни врагамъ не мстить, ни къ другамъ не быть неблагодар-

„ нымъ.

„ нымъ. Ибо я молю боговъ, дабы прежде жизнь
„ моя погребена была забвенїемъ, нежели имя
„ опорочилось пятномъ неблагодарности. Пу-
„ скай, сколько хочетъ кто, приноситъ богамъ
„ жертвъ, пусть дѣлаетъ людямъ, сколько мо-
„ жетъ, услугъ и благодѣянїй! Однакожъ, естьли
„ ли будетъ неблагодаренъ къ другу, онъ
„ всѣхъ вообще нарѣканїя достоинъ.

„ А дабы ты усмотрѣлъ, любезный Поллїонъ,
„ колико почитать должно старыхъ друговъ;
„ то предложу тебѣ примѣръ одного философа,
„ которой прошу выслушать терпѣливно. Древ-
„ нѣйшїя Греческїя исторїи одного изъ семи быв-
„ шихъ мудрецовъ въ Грецїи именуютъ Перїанд-
„ ромъ, который долговременно управлялъ Госу-
„ дарствомъ, и толикимъ съ одной стороны
„ одаренъ былъ проницанїемъ разума, а съ дру-
„ гой помраченъ жадностью къ благимъ сего ми-
„ ра; что писатели сомнѣваются, вящшеели въ
„ немъ имѣлось знанїе философїи, которую онъ
„ преподавалъ въ училищахъ; или тиранское
„ свирѣпство, коимъ ограблялъ государство? Ибо
„ не основанное на правдѣ знанїе, много вредитъ
„ человѣку.

„ На второмъ году моего царствованїя буду-
„ чи я въ Коринѳѣ, видѣлъ гробъ, въ коемъ, го-
„ ворятъ, погребены Перїандровы кости; и въ
„ околичности онаго изображена древними Гре-
„ ческими письменами слѣдующая надпись:

Въ семъ тѣсномъ гробѣ заключенъ Перїандръ, коего сребролюбїя не могла насытить великая и богатая Еллада. Онъ въ жизни своей бѣдныхъ сиротъ пожиралъ имѣнїя, а нынѣ уже самаго тѣло по смерти снѣдаютъ черви. Онъ нѣкогда жилъ со вредомъ многихъ, а теперь лежитъ безъ ды-

„ ханїя

занія къ общему всѣхъ благоденствію. Онъ за живота своего бесчисленной народъ лишилъ жизни, а нынѣ смертію его многіе отъ смерти избавляются. Жизнь его была проливать кровь неповинную; и величайшая слава, поглощать труды убогихъ. Онъ наблюдалъ справедливость въ составленіи, но неукротимымъ былъ тиранномъ въ нарушеніи законовъ. Гробъ прекратилъ шестнатцатилѣтнее его свирѣпство; но вѣчно пребывающій Коринѳъ будетъ явнымъ свидѣтелемъ его беззаконій.

„ Находились кромѣ того и другія изображенныя слова на гробѣ; но понеже оной стоялъ въ полѣ безъ кровли, то стремленіемъ воды и дождя многія письмена выѣдены, такъ что зраку читателей непостижными были. Былъ же гробъ тотъ предревнѣйшій, и безъ сомнѣнія великимъ иждивеніемъ устроенъ въ ономъ вѣкѣ; но за небреженіемъ обветшалъ и и разрушился. Ибо долгота времени толикую имѣетъ силу, что и знаменитыхъ мужей погребаетъ въ забвеніи, и великолѣпныя разсыпаетъ зданія.

„ Естьли желаешъ знать, любезный Поллі-онъ, въ которое время сей философъ былъ тиранномъ; то вѣдай, что тогда, какъ преславной въ Сициліи городъ Катина при подошвѣ горы Етны созданъ, когда Пердиккъ четвертый въ Македоніи, Ціаксаръ четвертый въ Мидіи, Кондавлъ пятый въ Лидіи, Ассараддонъ девятый въ Ассиріи; Меродахъ вторыйнадесятъ въ Халдеіи, и Нума Помпилій вторый въ Римѣ, Короли царствовали: въ сихъ, говорю, добродѣтельныхъ Государей вѣкѣ, Періандръ царствовалъ въ Коринѳѣ.

„ Вѣдай

„ Вѣдай же и сїе, что Перїандръ хотя не точїю самимъ дѣломъ былъ тираннъ, но и слылъ „ тиранномъ, и у всѣхъ Грековъ въ поношенїи „ находился: однакожъ сколько былъ развратенъ „ въ житїи, столько на противъ того искусенъ „ въ краснорѣчїи, и весьма рачителенъ въ благо„ устроенїи государства. Ибо нѣтъ въ свѣтѣ „ толь добродѣтельнаго мужа, въ коемъ бы не „ нашлось ни единаго порока; и нѣтъ толь „ злонравнаго человѣка, чтобы не оказалось въ „ немъ ни чего похвальнаго.

„ Подлинно, хотя я уже не весьма молодъ, и „ не очень еще старъ, приходитъ однакожъ мнѣ „ на память, что видѣлъ я нѣкогда Государя мо„ его Императора Траяна кушающаго въ Агрип„ пинѣ; тамъ когда по случаю зашла рѣчь о до„ бродѣтельныхъ и злонравныхъ, какъ Грече„ скихъ, такъ и Римскихъ прешедшаго вѣка Го„ сударяхъ; и всѣ, кои ни были при томъ сто„ лѣ, крайне хвалили Октавїя, и вопреки руга„ ли свирѣпаго Нерона (ибо издревле ведется „ сїе обыкновенїе, что настоящимъ Государямъ „ ласкательствуютъ, а прешедшихъ уничижа„ ютъ;) то добродѣтельнѣйшїй Императоръ Тра„ янъ, который естьли бывало кушая за сто„ ломъ, или во храмѣ стоя на молитвѣ, выгово„ ритъ единое слово, за чудо почитали; усмот„ ря въ тотъ день, что одни напрягали всѣ си„ лы своего разума похваляя Октавїя, а другїе „ вышли изъ предѣловъ поношая Нерона.

Я радуюсь, сказалъ, слыша похвалу приписуемую вами Октавїю; но досадую что вы въ присутствїи моемъ Нерона или другаго кого либо злословите. Ибо срамно обрѣтающемуся въ жизни Государю допускать, чтобъ передъ нимъ

ругали

ругали умершихъ Государей. Подлинно Октавій былъ добродѣтельнѣйшій Императоръ; но того не оспорите, что могъ онъ быть еще лучшимъ. Былъ и Неронъ самой негодной, однакожъ могъ быть еще и того хуже. Я говорю сіе для того, что въ первыя пять лѣтъ царствованія своего Неронъ всѣхъ былъ добродѣтельнѣе, но на девятомъ уже году всѣхъ учинился злонравнѣе. И такъ естьли имѣемъ, за что ругать; то находимъ, за что и хвалить его должно.

Разумнымъ вельможамъ, когда передъ живущими Государями говорятъ о умершихъ Государяхъ, надобно выражать токмо одни добродѣтели ихъ, какими одарены были; не дерзая охуждать пороковъ, какія въ нихъ обрѣтались. Понеже доброй заслуживаетъ воздаяніе тѣмъ, что по возможности упражнялся въ добродѣтели; а худому прощать должно для того, что онъ погрѣшилъ отъ неразлучной съ человѣчествомъ слабости.

„ Сіи слова при мнѣ выговорилъ Траянъ, и
„ толь важнымъ произнесъ видомъ, что всѣ бывшіе тамо отъ стыда замолчали. Ибо по сущей
„ истиннѣ, не толикую дѣлаютъ болѣзнь отчаянной злости человѣку нещадные удары,коликой почтенному мужу причиняетъ стыдъ
„ одно жестокое слово. Описалъ я сіе, любезный
„ Полліонъ для того, что ежели Траянъ вступясь за Нерона, нашелъ въ немъ похвалы достойное качество; то равнымъ образомъ и я
„ разсуждаю о Періандрѣ, коего буде за учиненныя злодѣйства обвиняемъ, за добрыя на противъ того произнесенныя имъ слова, и предписанные справедливѣйшіе законы защищать
„ должно. Ибо нѣтъ ничего удобнѣе беззакон-

„ ному, какъ хорошо другимъ совѣтовать; но
„ вопреки, нѣтъ ничего ему труднѣе, какъ по-
„ ступать добродѣтельно, и другихъ къ добро-
„ дѣтели собственнымъ возбуждать примѣромъ.
„ Въ прочемъ поелику Періандръ различные Ко-
„ ринѳянамъ предписалъ законы; то изъ многихъ
„ токмо самомалѣйшую часть здѣсь предложить
„ имѣю, а именно слѣдующіе.

Ежели кто по случаю въ ссорѣ или дракѣ убьетъ кого до смерти, только бы произошло сіе не съ умыслу; таковаго смертію казнить не должно, но брату или ближайшему родственнику убитаго да будетъ рабъ вѣчно. Ибо легчайшее есть наказаніе, короткая жизнь; нежели долговременное рабство.

Естьли поимаютъ кого на разбоѣ, не казнить смертію, но заклеймить на челѣ; дабы качество его чрезъ то было свѣдомо. Понеже ошельмованному лицемъ человѣку вящшая есть мука, долговременное безславіе; нежели краткость жизни.

Буде кто ни есть мужеска или женска пола во вредъ другаго скажетъ ложь; то чрезъ цѣлой мѣсяцъ долженъ во устахъ носить камень. Ибо недостоинъ тотъ пользоваться свободою языка, кто лгать неуимчивъ.

Ежели кто мужеска или женска пола въ городѣ станетъ вчинать мятежи и бунты; такого обесчестивъ выгнать прочь изъ города. Ибо невозможно статься, чтобъ тотъ пріятствовалъ богамъ, который съ живущими по сосѣдству человѣками затѣваетъ вражды.

Естьли кто изъ гражданъ отъ другаго гражданина получа благодѣяніе въ неблагодарности за оное по томъ изобличенъ явится; за таково

преступ-

преступленіе смертію казненъ да будетъ. Ибо за оказанное добро неблагодарный человѣкъ жизнію наслаждаться недостоинъ.

„ Разсуди теперь, любезный Полліонъ, пред„ложенную отъ меня исторію древности, си„рѣчь: коликую Коринѳяне являли кротость „человѣкоубійцамъ, и сколь милосерды были „къ пойманнымъ на разбоѣ; напротивъ же того, „неблагодарныхъ безъ всякой другой вины не„медлѣнно живота лишали! И по истиннѣ, ка„жется, справедливо въ семъ поступали Ко„ринѳяне. Ибо мудраго человѣка ничто такъ „не поражаетъ, какъ усмотренная въ комъ либо „за благодѣянія неблагодарность.

„ Сія Періандрова исторія выражена отъ меня „для единственнаго твоего усмотрѣнія и по„знанія; что когда я толико проклинаю за „учиненное добро неблагодарность, буду при„лагать стараніе, дабы не привлечь на себя по„рока неблагодарности. Ибо не тотъ человѣкъ „добродѣтеленъ, который съ лютостію про„тиво пороковъ стремится; но который онымъ „во все непричастенъ бываетъ. Сіи слова ска„заны тебѣ въ примѣръ, и ты безъ всякаго со„мнѣнія будь увѣренъ, что я никакого не дѣлаю „притворства, сирѣчь: хотя я нынѣ Импера„торъ Римскій, всегда однакожъ буду вѣрнымъ „твоимъ другомъ, и постараюсь, дабы ты са„мимъ дѣломъ искусилъ мою къ тебѣ благодар„ность. Ибо не меньше кажется мнѣ похваль„но, разумомъ сохранить друга; какъ и чрезъ „философію достигнуть императорской короны.

„ Въ письмѣ своемъ вопрошаешъ ты меня „объ одной вещи, на которую отвѣтствовать „чувствую я въ себѣ великой недостатокъ. Я

 „ лучше

„ лучше бы желалъ для снабдѣнія твоего убоже-
„ ства, отперетъ сундуки мои, нежели ко отвѣт-
„ ствованію на твой вопросъ разгибать книги.
„ Въ прочемъ, требованіе твое, хотя причи-
„ няетъ мнѣ ущербъ, справедливымъ однакожъ
„ признаваю, и всячески оное хвалю и почитаю.
„ Ибо гораздо похвальнѣе, ежели кто старает-
„ ся познать одну мимошедшей древности тай-
„ ну; нежели когда скопляетъ пѣнязи на буду-
„ щія нужды. Философъ, яко философъ, со-
„ кровище премудрости собираетъ; дабы могъ
„ провождать жизнь съ покоемъ, и ожидая смер-
„ ти, оную воспріять со славой. Скупой, яко
„ сребролюбецъ, собираетъ богатство; дабы
„ жить въ мятежѣ и беспокойствѣ, и напослѣ-
„ докъ умереть съ безславіемъ. Но клянусь
„ богомъ, стократно полезнѣе одинъ день про-
„ веденный въ философскихъ наукахъ; нежели
„ десять тысячь дней, иждиваемыхъ на собира-
„ ніе богатства. Ибо миролюбивыхъ людей
„ жизнь неиное что либо есть, какъ пріятное
„ и малотрудное путешествіе; напротивъ того
„ житіе беспокойныхъ и завистливыхъ ни что
„ другое, какъ долговременная смерть бываетъ.

„ Просишъ, Полліонъ, что бъ я описалъ тебѣ;
„ въ чемъ прешедшихъ вѣковъ смертные пола-
„ гали свое блаженство? Понеже толь разныя
„ были ограниченія, что иные жизнь презирали,
„ а другіе любили; тѣ теченіе жизни продол-
„ жали, а другіе сокращали и прерывали; сіи
„ вмѣсто наслажденія роскошьми трудовъ ис-
„ кали, а другіе вмѣсто отягощенія трудовъ за
„ роскошьми гонялись; коего различія не иная
„ была причина, какъ токмо, что люди разныя
„ имѣли мнѣнія. Ибо различіе вкуса застав-

„ ляетъ

„ ляетъ человѣковъ разныя и необыкновенныя „ вымышлять пищи.

„ Истинно! я удивляюсь твоему вопросу, „ усматривая въ себѣ недостатокъ философ„ской мудрости ко отвѣту. Ибо ежели ты „ искушенія ради вопрошаешъ; то какъ буд„ то съ моей спеси насмѣхаешся; ежели въ шу„ тку спрашиваешъ, то какъ будто надъ легко„ мысленнымъ издѣваешся; ежели въ правду, то „ какъ будто надъ невѣжею играешъ; ежели „ для моего поученія вопрошаешъ, то вѣдай „ мою къ ученію готовость; ежели для собст„ веннаго наставленія любопытствуешъ, то „ научить тебя признаю мое несостояніе; еже„ ли вывѣдываешъ по той причинѣ, что запросъ „ сей отъ другихъ тебѣ предложенъ, то знай, „ что отвѣтъ мой никого неудовольствуетъ; „ будеже паче чаянія вопрошаешъ для того, что „ оное тебѣ во снѣ пригрѣзилось, то впредь про„ бужаясь, снамъ не вѣрь; и не думай, что „ все представляющееся мысленнымъ глазамъ въ „ ночное время, тотъ часъ на утрешній день „ языкъ долженъ разглашать въ народѣ.

„ Хотя же я справедливую, любезный Пол„ ліонъ, жаловаться на тебя имѣю причину, по„ елику ты ни важности моего лица въ раз„ сужденіе не пріемлешъ, ни на достоинство „ твоей въ философіи учености не взираешъ; и „ для того весьма опасаюсь, чтобъ тебя въ „ спрашиваніи не почли любопытнымъ, а меня „ во отвѣтствованіи не назвали невѣжой; от„ вѣчать однакожъ непремѣнно вознамѣрился, не „ такъ, какъ должно, но елико возможно; и не „ по обширности твоего вопроса, но по скудости „ моего знанія; отъ части, дабы удовольство-

„ вать твое требованїе; а отъ части, дабы ис-
„ полнить и собственное желанїе ; въ настоя-
„ щемъ уже времени предвозвѣщая, что всѣ чи-
„ татели сего письма будутъ жестоко пори-
„ цать мое неискусство.

О ЕПИКУРѢ.

„ Во сто третью Олимпїаду, когда Ксерксъ
„ царствовалъ въ Персїи, и тираннъ Лизандръ
„ Пелопонисскими повелѣвалъ войсками, досто-
„ памятное между Аѳинянами и Лизандромъ при
„ Егѣ рѣкѣ сраженїе произведено, на которомъ
„ Лизандръ одержалъ побѣду; и ежели истори-
„ камъ повѣрить, много опечалило Аѳинянъ сїе
„ пораженїе, для того, что они больше чрезъ
„ нерадѣнїе своихъ полководцовъ, нежели прево-
„ сходство непрїятельскихъ силъ побѣждены бы-
„ ли. Ибо многїя побѣды большею частїю чрезъ
„ небреженїе однихъ, нежели храбрость и тща-
„ нїе другихъ случаются.

„ Въ тѣ времена процвѣталъ философъ Епи-
„ куръ, человѣкъ росту средняго, разума про-
„ ницательнаго, и памяти твердой; который
„ хотя въ философїи посредственное имѣлъ зна-
„ нїе, но краснорѣчїемъ былъ славенъ: чего ради
„ Аѳиняне послали его въ армїю отъ части для
„ ободренїя, а отъ части для вспоможенїя совѣ-
„ тами своими полководцовъ. Ибо древнїе наро-
„ ды предъ начатїемъ войны прежде старались
„ выбирать мудрыхъ въ совѣтованїи людей, не-
„ жели храбрыхъ въ сраженїи полководцовъ.

„ Въ прочемъ, между другими взяли въ по-
„ лонъ и Епикура; котораго Лизандръ крайнѣ
„ любя, въ великомъ передъ другими содержалъ

„ почтенїи,

„ почтеніи, и съ самаго времени плѣненія имѣлъ
„ не отлучно передъ своими глазами, по тому
„ что онъ преподавалъ ему философію, по-
„ вѣствовалъ исторію временъ прешедшихъ, и
„ раскaзывалъ храбрыя и мужественныя дѣла
„ Греческія и Троянскія; изъ чего Лизандръ ве-
„ ликое почерпалъ увеселеніе. Ибо тиранны съ
„ удивительною радостію слушаютъ похожденія
„ и добродѣтели древнихъ; но однакожъ слѣдуютъ
„ беззаконіямъ и порокамъ временъ настоящихъ.
„ Лизандръ хотя по снисканіи побѣды имѣлъ на
„ морѣ флотъ и при Егоспотамонѣ лагерь; но
„ однакожъ не взирая на то, какъ самъ, такъ
„ и прочіе его чиновники забывъ военныя опа-
„ сности, аки бы для подкрѣпленія силъ, углу-
„ билися въ сластолюбіе и роскошь; такъ что
„ съ великимъ вредомъ государства вовсе раз-
„ вратную жизнь провождали. Ибо предмѣтъ
„ мучительныхъ Государей, собственнаго труда
„ убѣгать, чужой потъ поглощая.

„ Подлинно, Епикуръ воспитанъ въ преизря-
„ дной Аѳинской школѣ, гдѣ въ толикой нище-
„ тѣ жили философы, что будучи наги спали
„ на голой землѣ, и нижѐ холодной воды до сы-
„ тости не напивалися; не имѣлъ изъ нихъ ни
„ одинъ собственнаго дому; отъ богатствъ, какъ
„ отъ мороваго повѣтрія, убѣгали и отвраща-
„ лися; съ усердіемъ пеклись примирять враж-
„ дующихъ между собою, и отечество свое пре-
„ искренно любили; ни когда не говорили праз-
„ дныхъ словъ, и за святотатство почиталося
„ у нихъ сказать что нибудь ложное: на послѣ-
„ докъ лѣниваго философа выгонять, а разврат-
„ наго жизни лишать ненарушимой законъ
„ имѣли.

 „ Однакожъ

„ Однакожъ безсчастный Епикуръ забывъ ученіе наставниковъ своихъ , такожъ подвигъ и „ труды , къ каковымъ философы обязаны , вмѣняя ни во что , и всецѣло порабощая себя „ порокамъ , найлучшею судилъ быть звѣрскую „ и сластолюбную жизнь, въ которой какъ словомъ , такъ и дѣломъ основалъ величайшее „ блаженство. Ибо человѣки , коихъ къ добродѣтелямъ не руководствуетъ природа , и отъ „ самомалѣйшей причины уклоняются къ порокамъ. И такъ скотской тотъ философъ , для „ опредѣленія высочайшаго блаженства, принялъ „ за предмѣтъ себѣ такой конецъ; ежели люди „ безъ труда находясь , спятъ на мягкихъ постѣляхъ ; ежели живутъ въ нѣгѣ , не терпя „ досады ни отъ солнечнаго зноя , ни отъ зимней стужи ; ежели къ удовольствію тѣлесному имѣютъ прекрасныхъ женъ ; ежели къ „ увеселенію обогащены знатными напитками , „ и ежели къ пированію пріятными изобилуютъ „ кушаньями.

„ Я не столько удивляюсь Епикуру , сколько „ множеству учениковъ. коихъ онъ имѣлъ и будетъ имѣть въ свѣтѣ. Ибо нынѣ весьма рѣдкихъ сыщетъ въ Римѣ , чтобъ удерживали „ неистовыя прихотѣнія ; но безчисленныхъ напротивъ того увидишъ , кои за свѣтскими „ гоняются утѣхами. И дабы сказать тебѣ , „ любезный Полліонъ, самую истинну , меня не „ приводитъ въ удивленіе и восторгъ, что одни „ пекутся о добродѣтели , а другіе упражняются въ порокахъ. Ибо пекущійся о добродѣтели человѣкъ , не дивно, что добродѣтеленъ „ бываетъ, поелику за добрыя дѣла въ будущемъ вѣкѣ веселиться и покоиться съ богами

„ уповаетъ; и не удивительно, что развращенной погружается въ роскошахъ сея жизни, понеже ни какой радости и спокойствія съ богами въ слѣдующей не чаетъ. Ибо по елику смертные не вѣрятъ крѣпко, что другая послѣ настоящей жизнь остается, гдѣ беззаконныхъ казни, а добродѣтельныхъ награжденія ожидаютъ; то по сей причинѣ злонравные съ толикимъ неистовствомъ на всякое беззаконіе стремятся.

О СТИХОТВОРЦѢ ЕСХИЛѢ.

„ Въ царствованіе Артабана, шестаго Персидскаго царя, когда Квинтія Цинцинната изъ деревни въ городъ на Диктаторское достоинство пригласили, былъ въ провинціи Ѳарсисѣ философъ, именемъ Есхилъ, лицемъ безобразенъ, тѣломъ нескладенъ, глазами косъ, и разумомъ весьма тупъ; хотя къ пріобрѣтенію славы счастіе ему и служило. Ибо Ѳарсяне его не меньше, какъ Греки Омира почитали. Хотя же, по повѣствованію историковъ, сей Философъ не имѣлъ остроты разума; но онъ природы душевною сіялъ добротою, и въ важныхъ дѣлахъ былъ трудолюбенъ, въ сношеніи обидъ терпѣливъ, въ горестныхъ и печальныхъ приключеніяхъ великодушенъ, въ счастіи и благополучіи скроменъ, паче же всего въ обхожденіи крайнѣ любезенъ, и въ разговорахъ весьма краснорѣчивъ и пріятенъ. Ибо тотъ токмо счастливымъ назваться долженъ, котораго и житіе всѣ хвалятъ, и языка ни кто не охуждаетъ.

„ Въ прочемъ, Есхилъ, какъ повѣствуютъ
„ древнїе Греческїе Историки; первой изобрѣлъ
„ трагедїи, и представленїемъ оныхъ получалъ
„ свое прокормленїе. А поелику сїя выдумка была
„ новая и прїятная; то великое множество на-
„ рода не точїю слѣдовали за нимъ, гдѣ онъ ни
„ обращался; но и богатствъ своихъ не малую
„ часть ему удѣляли. Чему не долженъ ты,
„ любезный Поллїонъ, удивляться; ибо народъ
„ толь легкомысленъ, что на смѣхотворныя по-
„ зорища всѣ ревностно прилѣпаютъ; а къ слу-
„ шанїю преизъящества добродѣтелей ни одинъ
„ человѣкъ и ногой не ступитъ.

„ Когда же Есхилъ многїя написалъ книги,
„ и наипаче о представляемомъ имъ трагиче-
„ скомъ искусствѣ, а при томъ многїя и различ-
„ ныя прошелъ государства; то напослѣдокъ
„ остался съ покоемъ, и прочее жизни своей
„ время провелъ въ околичности острововъ
„ близъ Меотїйскаго озера находящихся. Ибо,
„ какъ Платонъ говоритъ, древнїе философы въ
„ юношествѣ училися, въ мужескихъ лѣтахъ
„ странствовали, а въ старости жили съ по-
„ коемъ; что кажется дѣлали они весьма разум-
„ но, да не меньшебъ разумно поступили и ны-
„ нѣшнихъ вѣковъ люди, слѣдуя ихъ примѣру.
„ Ибо наука и испытанїе, раждаютъ премуд-
„ рость; а истинная премудрость и искусство
„ въ томъ заключаются, чтобы смертный чело-
„ вѣкъ отъ суетъ жизни сея со временемъ
„ удалялся. Скажи пожалуй, любезный Поллїонъ,
„ какая польза, что много кто учился, слышалъ,
„ позналъ, видалъ, примѣтилъ, претерпѣлъ и
„ извѣдалъ; ежели превозмогши всѣ сїи трудно-
„ сти, не укроется на нѣсколько времени въ

„ приста-

„ пристанище тишины и покоя! по истиннѣ не „ мудрымъ, но безумнымъ назвать того должно, „ который самовольно трудами себя изнуряя, не „ печется о пріобрѣтеніи наконецъ спокойства. „ Ибо мятежная жизнь, по моему мнѣнію, не иное „ что либо, какъ долговременная смерть бы- „ ваетъ.

„ Когда же онъ, будучи въ глубокой старо- „ сти, спалъ по случаю у Меотійскаго озера, „ гдѣ охотникъ съ заицомъ въ каменной клѣт- „ кѣ шелъ между тѣмъ другихъ ловить заицовъ; „ то Орелъ опустясь въ низъ зайца того съ „ клѣткою унесъ на воздухъ: но какъ съѣсть „ онаго было ему не можно, то уронилъ съ вы- „ соты на лице спящаго философа, и тѣмъ „ ушибъ его до смерти.

„ Сей Есхилъ, когда спросили его: въ чемъ со- „ стоитъ жизни сея блаженство? отвѣчалъ: по „ моему разсужденію, заключается оное во снѣ; „ на которой отвѣтъ приводилъ въ доказатель- „ ство, что спящихъ насъ не оскорбляютъ непрі- „ ятели, не беспокоятъ други, не тревожатъ тѣ- „ лесныя страсти, не удручаетъ жестокая стужа, „ не убѣждаетъ жаркой зной, не мучатъ завистью „ видимыя вещи, не терзаетъ печалію тщетность „ предпріятій, не огорчаютъ ниже смущаютъ про- „ тивности; на последокъ, во время сна ни тѣ- „ лесныхъ болѣзней, ни душевныхъ беспокойствъ „ не чувствуемъ. „ А дабы конца сего достигли, „ сирѣчь: погруженные въ печали, или изнурен- „ ные трудомъ удобнѣе могли спать; то нау- „ чалъ жителей своего отечества составлять „ нѣкоторой родъ питья, коего какъ только „ кто испилъ, тотчасъ засыпалъ глубоко: сло- „ вомъ: коликое послѣдователи Епикуровы усер-

„ діе

„ діе въ вымышленіи и насыщеніи трапезъ; по-
„ ликое сіи во снѣ и пріуготовленіи мягкихъ
„ постелей тщаніе прилагали.

О СТИХОТВОРЦѢ ПИНДАРѢ.

„ Въ лѣто отъ созданія города двѣсти шес-
„ десятъ второе, во время царствованія у Пер-
„ сіянъ Дарія втораго, который былъ сынъ Иста-
„ сповъ и четвертый Царь Персидскій, за кон-
„ сульства Іунія Брута и А. Коллатина пер-
„ выхъ консуловъ римскихъ, обрѣтался въ слав-
„ нѣйшемъ Египетскомъ городѣ Ѳивахъ Пиндаръ
„ первенствующій всего онаго царства стихо-
„ творецъ. Повѣствуютъ, что сей Пиндаръ въ
„ философіи современныхъ всѣхъ, а въ вокальной
„ и инструментальной музыкѣ, сколько прежде
„ его ни было, превосходилъ каждаго. Ибо Ѳивяне
„ утверждаютъ, что ни кто не имѣлъ ни когда
„ толь проворнаго въ рѣчахъ языка, коликою онъ
„ одаренъ былъ скоростію рукъ въ играніи на
„ инструментахъ.

„ Сей же Пиндаръ превосходное имѣлъ знаніе
„ въ Этикѣ или нравоучительной философіи, хотя
„ въ физикѣ и не весьма знающимъ его почитали.
„ Сверхъ того былъ молчаливой, уединенной, и
„ крайнѣ добродѣтельной; такъ что вящшее въ
„ дѣлѣ, нежели въ словахъ имѣлъ искусство. Про-
„ тивное сему видимъ въ нынѣшнихъ философахъ,
„ кои говорятъ много, а разумѣютъ мало; и всего
„ хуже, слова произносятъ составленныя искусно,
„ но какое ни дѣлаютъ добро, все дѣлаютъ съ
„ лицемѣріемъ и притворствомъ. Объ ономъ же
„ Платонъ упоминаетъ въ книгѣ законовъ, и Іуній
„ Рустикъ нѣчто особливое повѣствуетъ въ

„ исторіи

„ исторіи Ѳивской, сирѣчь: когда Лидійской по-
„ солъ во время бытности своей въ Ѳивахъ, ви-
„ дя премногочестнѣйшее житіе Пиндарово, ус-
„ мотрѣлъ на противъ того, что онъ красно-
„ рѣчіемъ одаренъ не былъ; то сказалъ ему слѣ-
„ дующее: „ Ежелибъ твоя, Пиндаръ, грубая рѣчь столько была чиста и пріятна предъ человѣками, сколько дѣла непорочны предъ богами; клянусь, что не меньше почтенъ былъ бы ты въ жизни, какъ Прометей; и толикуюбъ по смерти пріобрѣлъ славу, коликую въ цѣлой Греціи оставилъ по себѣ Омиръ великій.

Когда же спросили Пиндара: въ чемъ состоитъ блаженство? отвѣтствовалъ слѣдующимъ образомъ: поелику извѣстно, что внутренній духъ по большей части во многихъ дѣлахъ внѣшнему повинуется тѣлу; то по моему мнѣнію того счастливымъ почитать должно, который ни какихъ болѣзней не имѣетъ въ тѣлѣ. Ибо въ сердцѣ страждущаго тѣломъ, радость и веселіе царствовать не можетъ. „ Сему Пинда-
„ рову совѣту слѣдуя Ѳивяне, паче всѣхъ наро-
„ довъ старалися отвращать тѣлесныя болѣз-
„ ни. Анній Северъ повѣствуетъ, что они еже-
„ мѣсячно пускали кровь, для испражненія из-
„ лишества оной; на каждой недѣлѣ принимали
„ рвотное, для скопленія мокротъ; часто мыли-
„ ся въ баняхъ, для избѣжанія запоровъ; и раз-
„ личные съ собой нашивали духи, чтобы отъ
„ смрадныхъ мѣстъ исходящее зловоніе имъ не
„ досаждало; словомъ: „ ни о чемъ болѣе не ста-ралися Ѳивяне, кромѣ точію соблюдать тѣло во всякихъ роскошахъ и нѣгѣ.

„ О

О ФИЛОСОФѢ ЗЕНОНѢ.

„ Во сто тритцать третью Олимпїаду, К.
„ Сервилїй и Л. Цецилїй, какъ только въ Ген-
„ варѣ мѣсяцѣ избраны были на Консульское до-
„ стоинство; не медлѣнно въ походъ противо
„ Аѳинянъ на двадесятъ девятомъ году царство-
„ ванїя Птоломея Филадедфа отправлены. Сей
„ Птоломей иждивленїемъ Александрїйскихъ жи-
„ телей создалъ башню, и нарекъ оную Фаронъ
„ именемъ своей любовницы, которая называлася
„ Фаросъ Деловина. Оная башня выстроена была
„ на четырехъ мраморныхъ шарахъ, сама собою
„ широкая и высокая, четвероугольная, и вся
„ составлена изъ камней на подобїе стекла про-
„ зрачныхъ; такъ что хотя башня широту въ
„ двацать шаговъ имѣла, но ежели горѣла
„ внутри свѣча, смотрящїе съ наружи свѣтъ ея
„ видѣли. Вѣдайже, любезный Поллїонъ, зданїе
„ оное историки древнїе толь дорого цѣнили,
„ что положили въ числѣ семи чудесъ свѣта.

„ Во время сихъ происхожденїй былъ въ Еги-
„ птѣ философъ, именемъ Зенонъ, коего худо-
„ жества и попеченїя употребилъ Птоломей въ
„ созданїи толь славной башни, а при томъ поль-
„ зовался и совѣтами его въ правленїи государ-
„ ства. Ибо въ древнїя времена Государей, кои
„ въ жизни своей совѣтовъ мудрыхъ людей не
„ слушали, по смерти въ числѣ безумныхъ по-
„ лагали. Въ прочемъ, поелику башня оная бы-
„ ла весьма крѣпкая и крайнѣ увеселительная;
„ то найбольшую часть времени Птоломей хра-
„ нилъ тамъ дражайшую любовницу, какъ для
„ лучшаго ея збереженїя, такъ и для того,
„ чтобъ она веселїемъ наслаждалась. Ибо хотя

„ Птоло-

„ Птоломей имѣлъ женъ своихъ въ Александріи,
„ однакожъ больше времени проживалъ съ Фарос-
„ сою Деловиною. Понеже въ древнія времена
„ Персіяне, Сикіоняне и Халдейцы понимали женъ
„ только для рожденія законныхъ дѣтей къ на-
„ слѣдству имѣнія ; а страсть свою съ налож-
„ ницами забавляли.

„ Египтяне, сирѣчь, истиннымъ разумомъ не
„ просвѣщенные , хвалилися , что они изрядные
„ борцы, и много о томъ съ иностранными спо-
„ рили. А какъ они непрестанно въ борбѣ уп-
„ ражнялися, то имѣли искусныхъ у себя ма-
„ стеровъ. Ибо кто въ чемъ упражняется ча-
„ сто, необходимо долженъ сдѣлаться напослѣ-
„ докъ учителемъ.

„ Хотя же въ Египетской странѣ многіе
„ борцы находилися, но одинъ нѣкто превосхо-
„ дилъ прочихъ, котораго ни кто не могъ по-
„ валить на землю. А какъ побороться съ нимъ
„ захотѣлось въ нѣкоторой день Зенону ; то
„ схватясь опрокинулъ на землю великаго то-
„ го борца, коего одолѣть ни кому до тѣхъ
„ поръ не удавалось. Сія побѣда толь пріятна
„ Зенону показалась, что и сказалъ и написалъ,
„ яко бы не въ иной вещи заключалося блажен-
„ ство, токмо ежели кто одаренъ толикою си-
„ лою и проворствомъ, что другаго можетъ одо-
„ лѣть и попрать ногами. Утверждался же Фи-
„ лософъ на такомъ доказательствѣ , что опро-
„ кинуть на землю искуснаго поединщика , боль-
„ шій есть родъ побѣды, нежели многихъ одолѣть
„ на сраженіи. Понеже на брани несправедливо
„ одинъ присвояетъ себѣ побѣду , въ пріобрѣте-
„ ніи оной многихъ соучастниковъ имѣя. Но въ
„ борбѣ какъ одинъ сражается , такъ и побѣда

„ одному

„ одному только принадлежитъ; и для того „ оная блаженство въ себѣ заключаетъ, тѣмъ „ наипаче, что больше въ ней, нежели въ дру- „ гой вещи духъ удовольствія находитъ. Ибо въ „ свѣтѣ семъ то только совершеннымъ счастi- „ емъ назвать должно, которое и духу прино- „ ситъ увеселенiе, и тѣлу не приключаетъ ни „ какой досады.

О ФИЛОСОФѢ АНАХАРСИСѢ.

„ Въ то время, когда Артидъ седмый Мид- „ скiй, и Тарквинiй Прискъ пятый король Рим- „ скiй царствовали, былъ въ предѣлахъ Скиѳ- „ скихъ философъ, именемъ Анахарсисъ, родомъ „ изъ города Епимениды. Нашъ Цицеронъ въ 5 „ книгѣ о дѣлахъ Тускуланскихъ, ученость сего „ Философа чрезвычайно похваляя, не знаю, гово- „ ритъ, вящшеель было изобилiе дарованнаго „ ему отъ боговъ просвѣщенiя въ наукахъ, или „ свирѣпство злобы, съ каковымъ гонительство- „ вали на него соперники. Ибо въ самомъ дѣлѣ, „ по мнѣнiю Пиѳагора чемъ кто усерднѣе и прi- „ ятнѣе богамъ, тѣмъ больше обидамъ и нена- „ висти человѣческой подверженъ бываетъ.

„ А поелику Анахарсисъ, какъ выше упомя- „ нуто, былъ природою Скиѳъ, которой языкъ „ греки наипаче варварскимъ почитали; то „ одинъ злонравный Аттикъ, желая раздражить „ философа словами, затѣялъ то и самимъ дѣ- „ ломъ, сирѣчь, злобою паче, нежели незнанiемъ „ будучи побуждаемъ. Ибо злорѣчiе есть сви- „ дѣтель злобнаго сердца. И такъ Аттикъ „ тотъ, приступивъ къ философу, сказалъ: не можно статься, Анахарсисъ, чтобъ ты былъ

родомъ Скиѳъ. Ибо толь варварская земля не въ состоянїи такого красноръчиваго произвесть на свътъ мужа. Анахарсисъ на то отвътствовалъ: ты говоришъ правду, да и я въ семъ обстоятельствъ на слова твои согласенъ, хотя мнънїя справедливымъ и не признаваю. Ибо ты меня за худое отечество укорять, но за добродътельное житїе хвалить можешъ справедливо; а я напротивъ того тебя за срамное и беззаконное житїе порицать, но за доброе отечество возвеличить гораздо еще могу справедливъе. Въ семъ полагаюсь я на собственное твое разсужденїе, сиръчь: кто изъ насъ большую получитъ въ будущихъ въкахъ славу? ты ли, что родившись въ Грецїи, живешь какъ варваръ; или я, что будучи рожденъ варваромъ, живу какъ Грекъ природной? ибо я лучше желаю въ жизни сей, какъ будто въ вертоградъ, зеленою и плодоносною быть яблонью; нежели сухимъ и валяющимся на землъ высокимъ кедромъ.

,, Когда же многїе годы Анахарсисъ въ Римъ
,, и Грецїи обращался, и будучи уже довольныхъ
,, лътъ, по врожденной къ отечеству любви,
,, принялъ намъренїе возвратиться въ Скиѳїю,
,, гдъ братъ его именемъ Калвидъ, подлинно зва-
,, нїемъ царь, но самою вещїю тираннъ обладалъ
,, въ то время; то по прїъздъ своемъ туда,
,, увидя, что онъ уже въ мучителя превратил-
,, ся, и царство въ крайнемъ беспорядкъ нахо-
,, дилось, отвъдалъ было исправить брата здра-
,, выми совътами, а народъ полезнъйшими на-
,, ставить законами. Но варвары усмотря, что
,, онъ вводилъ новые въ житїи обряды, по обще-
,, му согласїю его умертвили. Ибо загруженнаго
,, пороками государства извъстнъйшимъ знакомъ

Ж ,, и

„ и доказательствомъ ничего, любезный Поллі-
„ онъ, признавать не должно, какъ честныхъ и
„ добродѣтельныхъ мужей или убивства или за-
„ точенія„.

Когда же похотили казнить Философа, то объявилъ онъ имъ, сказывая, что смерть та крайнѣ ему огорчительна; и что онъ не безъ великаго мученія духа лишается жизни. О чемъ нѣкто сжалясь, говорилъ: поелику ты Анахарсисъ, добродѣтелію, мудростію, а сверхъ того и лѣтами другихъ превосходишъ; то по моему мнѣнію кажется, не должнобъ тебѣ о томъ грустить, что удаляешся отъ бѣдственной сей жизни. Понеже сіяющему добродѣтелію мужу соединенія съ добродѣтельными, какихъ сей свѣтъ не имѣетъ; и мудрому съ другими мудрыми людьми, коихъ нѣтъ въ здѣшнемъ мірѣ, сообщенія желать надлежитъ: а при томъ состарѣвшемуся человѣку утрату жизни ни во что вмѣнять должно, познавъ опытомъ, количихъ жизнь сія наполнена бѣдствій: ибо глупости родъ быть кажется, ежели бы кто окончивъ долгое и многотрудное путешествіе, плакалъ и крушился о томъ, что конецъ его видитъ.

Напротивъ чего сказалъ ему въ отвѣтъ Анахарсисъ: ты нехудо говоришъ, другъ мой; да даруютъ боги! чтобъ жизнь твоя увѣщаніямъ была сообразна! но мнѣ то жалко, что сей злой рокъ и разума къ понятію оныхъ, и чувства для наслажденія ими, и времени для возблагодаренія тебѣ за оные меня лишаетъ. Ибо ни какое витійство, умирающаго человѣка мыслей выразить не можетъ. Я умираю, и какъ самъ ты видишъ. умерщвляютъ меня за единственное о добродѣтели попеченіе; но нѣтъ ничего мнѣ горестнѣе,

рестнѣе, какъ то, что не могу отмстить брату моему Калвиду. Ибо въ томъ, мнится мнѣ, все состоитъ блаженство, ежели человѣкъ за напрасно учиненную обиду, прежде смерти отмстить можетъ. Правда, похвально Философу, прощать обиды, какъ то обыкновенно дѣлаютъ совершенные и добродѣтельные Философы; однакожъ за обиды, кои оскорбленные человѣки прощаютъ, праведные Боги необходимо мстить должны. Понеже весьма былобъ несправедливо, ежели бы надъ самимъ мучителемъ други добродѣтельнаго человѣка, у коего тотъ тираннъ жизнь похищаетъ, наказанія по томъ никогда не увидѣли. „ Сей философъ, кажется мнѣ, любезный Поллїонъ, верховное сего свѣта счастїе положилъ въ отмщенїи обиды.

О САРМАТАХЪ.

„ Гора Кавказъ по описанїю Космографовъ, „ начинаясь отъ Индїи и оканчиваясь въ Скиѳїи, „ раздѣляетъ большую Азїю на двѣ части, и „ по различїю обитателей разныя имѣетъ наи„ менованїя; а наипаче съ противоположенной „ стороны къ Индїи живутъ въ ней разные язы„ ки. Ибо чѣмъ гористѣе бываютъ земли, тѣмъ „ больше варварскихъ содержатъ народовъ. Меж„ ду прочими же народами обитаютъ на той „ горѣ Сарматы. Въ землѣ Сармацїи разливает„ ся и течетъ рѣка Донъ, и во всей окружности „ сея провинцїи за жестокою стужею очень ма„ ло родится винограду, хотя въ цѣломъ во„ стокѣ нѣтъ ни одного жаднѣе къ вину народа. „ Ибо неимѣнїе какой нибудь вещи, величайшее „ распаляетъ къ ней желанїе. Сей Сарматской

„ народъ

„ народъ очень храброй, хотя оружїемъ и не „ весьма снабденъ; онъ не употребляетъ нѣжныхъ „ кушаньевъ, а еще гораздо меньше ходитъ въ „ драгоцѣнныхъ одеждахъ. Ибо все счастїе жиз„ни сея полагаетъ въ томъ, чтобъ питьемъ „ вина насыщаться.

„ Въ лѣто отъ созданїя города три ста „ осмоенадесятъ предки наши противо Сарматъ „ и другихъ варварскихъ народовъ отправили „ консула Л. Пїя. Тамъ когда загорѣлась война, „ и различныя съ обоихъ сторонъ происходили „ перемѣны счастїя, дошло напослѣдокъ до пе„ремирїя, и всѣ Сарматскїе Князья сами съ сво„ими областьми отдались въ подданство Импе„рїи Римской, по той единственно причинѣ, „ что консулъ Л. Пїй пригласивъ ихъ къ себѣ „ на пиръ, виномъ употчивалъ до пьяна. По „ окончанїи же войны и покоренїи всея Сармацїи „ Римлянамъ, консулъ Л. Пїй возвратясь въ „ Римъ, требовалъ обыкновеннаго за труды свои „ награжденїя, сирѣчь, торжественнаго прїема „ съ честїю. Однако не точїю срамной полу„чилъ въ томъ отказъ, но еще будучи обви„ненъ, смертною отсѣченїемъ головы воспрїялъ „ казнь публично; и на гробѣ его по повелѣнїю и „ приговору сенатскому учинена была слѣдую„щая надпись,

Здѣсь лежитъ Пїй покоритель Сармацїи, который отъ созданїя города на триста осьмомъ надесятъ году одержалъ побѣду не Авзонскимъ мужествомъ, но промысломъ Пелазговъ; не копьемъ, но коварствомъ; не мечемъ, но пированїемъ; не потъ проливая въ подвигахъ военныхъ, нижѣ Марсовы крѣпкою мышцей метая стрѣлы; но веселясь посреди сладкихъ снѣдей и бахусовыхъ чашъ:

чега ради вмѣсто торжественнаго вѣнца, голова его смертельной ударъ получила. Римскіе отцы повелѣли устроить гробъ сей въ примѣръ и зерцало будущимъ полководцамъ. Ибо непріятелей справедливою прозьбою укрощать, или оружіемъ побѣждать, а не лукавствомъ и роскошьми обольщать надлежитъ тѣмъ, кои искренно пекутся о славѣ Римскаго народа.

„ А поелику весьма раздражилъ Римлянъ без„ рассудной консуловъ поступокъ; то казнью сего „ несчастнаго человѣка, и положенною на гробѣ „ бесчестною оною надписью недовольны были; но „ еще учиня по всему городу публикацію Сенатъ „ объявилъ тщетнымъ и недѣйствительнымъ все, „ что I. Пій предъ тѣмъ ни сдѣлалъ. Понеже „ предревній обрѣтался законъ, по которому „ казненнаго всенародною смертію уничтожалось „ вмѣстѣ и преимущество, какое онъ имѣлъ „ въ Римѣ. Сверхъ того Сенатъ пославъ къ Сар„ матамъ грамоты, разрѣшилъ ихъ отъ присяги „ въ вѣрности, которою они въ подданство Ри„ млянамъ обязались; и возвратилъ имъ прежнюю „ вольность. Сіе воспослѣдовало по той причинѣ, „ что благородные Римляне не обыкли пріобрѣ„ тать царствъ, сладкимъ виномъ непріятелей „ насыщая; но собственную въ поляхъ кровь „ проливая. Сказалъ я сіе для того, что по мо„ ему разсужденію Консулъ I. Пій примѣтилъ, „ яко бы Сарматы все счастіе въ питьѣ вина „ полагали.

О ХИЛОНѢ.

„ Во время пятагонадесятъ самодержавія Ла„ кедемонскаго, когда Мидскій Король Деюкъ, „ Лидійскій Гигъ, Халдейскій Меродахъ, Македон-

„ скій Аргей, и римскій Тулл Гостилій цар-
„ ствовали; во сто двадцать седьмую олимпіаду
„ был в Аѳинах философ, родом Грек, име-
„ нем Хилон, один из семи мудрецов, ко-
„ торыми весьма хвалятся Греки. В тѣ же вре-
„ мена между Аѳинянами и Коринѳянами жесто-
„ чайшія происходили брани, как извѣстно чи-
„ тающим Греческія исторіи. Ибо по раззореніи
„ Трои никогда между Греками не было мира,
„ и не толикою войною Греки на Троян опол-
„ чалися, коликія по том сами между собою
„ брани производили. В прочем Греки, будучи
„ благоразумны, государственные чины по склон-
„ ности и способности каждаго распредѣляли,
„ сирѣчь: мужественным препоручали брани,
„ миролюбивым ввѣряли внутреннее правленіе
„ общества, а на ученых людей возлагали зва-
„ ніе посольства в чужія земли. Чего ради Аѳи-
„ няне отправили к Коринѳянам Хилона для
„ заключенія с ними мира.

„ Когда же философ пріѣхал в Коринѳ, и
„ по случаю был там праздник; то застал,
„ что всѣ упражнялися в играх. Молодые по
„ полям скаканіем, и плясаніем в короводы,
„ старики по улицам в кости, женщины по
„ садам в шахматы, жрецы подлѣ храмов в
„ пращи, сенаторы по судебным мѣстам в
„ биліары, бойцы на площадях в поединки, и
„ робята по улицам в бабки играли; словом,
„ всѣх Корниѳян нашел занятых различными
„ играми. По усмотрѣніи чего философ, яко ва-
„ жный муж, не говоря ни слова, ниже слѣзая
„ с лошади, без всякаго изъясненія причины
„ своего посольства, назад воротился.

А какъ увѣдомились о томъ Коринѳяне, и настигши его спросили: Чего ради онъ не объявилъ вины своего пришествія? Отвѣчалъ: я, други мои, изъ Аѳинъ съ немалымъ трудомъ въ Коринѳъ пріѣхалъ, и нынѣ изъ Коринѳа возвращаюсь въ Аѳины не безъ великаго оскорбленія; о чемъ вы изъ того догадаться можете, что я, сколько ни было васъ въ Коринѳѣ, ни одного разговоромъ моимъ не удостоилъ; да и не дано мнѣ полномочія заключать миръ съ сумозбродными игроками, но съ мудрыми и разумными правителями; ниже повелѣли Аѳиняне вступать въ союзъ съ тѣми, коихъ руки заняты тавлеями, но коихъ тѣла военнымъ сокрушены подвигомъ, и глаза притуплены полезнѣйшихъ книгъ чтеніемъ. Ибо ополчающіеся тавлейными костьми, ни коимъ образомъ въ мирѣ съ сосѣдьми жить не могутъ. Сіе и подобное тому выговоривъ Хилонъ, продожалъ путь свой, и въ Аѳины возвратился.

Вѣдай же, любезный Полліонъ, что Коринѳяне за верховное счастіе почитали денное и ночное упражненіе въ играхъ; и не пріемли сего за шутку. Ибо во время бытности моей въ Антіохіи нѣкоторый Грекъ сказалъ мнѣ, что Коринѳянинъ за большее поставляетъ счастіе, преодолѣть въ игрѣ, нежели Римскій полководецъ торжественную одержать побѣду на войнѣ. Понеже Коринѳяне во всѣхъ дѣлахъ разумно и умѣренно поступали, кромѣ игръ, къ коимъ паче мѣры были страстны.

„ Кажется мнѣ, что я отвѣтствую пространнѣе, нежели сколько твой, Полліонъ, вопросъ требовалъ, и мое дозволяло здоровье, которымъ я очень слабъ; и для того думаю, что не меньше тебѣ тамъ читать сіе письмо

 „ будетъ

„ будетъ скучно, какъ и мнѣ здѣсь писать оное
„ было трудно. И такъ прочихъ, кои въ разныхъ
„ вещахъ блаженство свое полагали, сколько
„ пріидетъ мнѣ на мысль, предложу нынѣ вкра-
„ тцѣ.

КРАТЕСЪ философъ положилъ счастіе въ благополучномъ мореплаваніи, сказывая: не возможно статься, чтобъ мореплаватель совершеннымъ веселіемъ наслаждался, помышляя, сирѣчь, что между смертію и жизнію его, кромѣ доски, нѣтъ никакого болѣе посредства: и по сей причинѣ духъ никогда счастливѣйшимъ себя не признаваетъ, какъ въ то время, ежели переплывъ бурное море, и окончивъ всѣ опасности, смотритъ съ пристани на морскія волны.

СТИЛЬПОНЪ философъ положилъ счастіе въ пространномъ могуществѣ, говоря, что тому человѣку, который не имѣетъ власти, силы и достатка, напрасно Боги долговременную жизнь даруютъ. Ибо тотъ токмо счастливъ, кто врагамъ сопротивляться, а другамъ помогать и воздаяніе творить силенъ.

СИМОНИДЪ философъ въ томъ положилъ счастіе, ежели кто находится въ любви и почтеніи у своего гражданства, сказывая, что дикимъ и злонравнымъ людямъ въ лѣса для житья со звѣрьми переселиться должно. Ибо ни одно счастіе въ жизни сей съ тѣмъ сравниться не можетъ, какъ естьли видитъ кто, что онъ всѣмъ гражданамъ любезенъ.

АРХИТА философъ положилъ счастіе въ побѣдѣ на сраженіи, говоря: „ человѣкъ отъ при-
„ роды толь самолюбивъ, и жаденъ къ удачѣ
„ своихъ предпріятій, что ниже въ малѣйшихъ
„ вещахъ и бездѣлкахъ побѣжденнымъ остаться

„ не

„ не хочетъ. „ Ибо духъ человѣческій охотно несетъ всѣ труды настоящія жизни, съ тѣмъ единственно помышленіемъ, что будетъ нѣкогда время, въ которое онъ все то преодолѣвъ одержитъ на конецъ побѣду.

ГОРГІИ философъ положилъ счастіе въ слушаніи пріятныхъ рѣчей, сказывая, что не столько поражаетъ тѣло крѣпкой ударъ, сколько уязвляетъ душу жестокое слово. Ибо ни какое согласное пѣніе, или Мусикійскій нѣжный звонъ такъ ушей не услаждаетъ, какъ духъ пріятныя утѣшаютъ рѣчи.

ХРИСИППЪ философъ счастіе положилъ въ строеніи великолѣпныхъ зданій, утверждая, что жизнь и смерть тѣхъ человѣковъ, кои по себѣ ни какой памяти не оставляютъ, ни чемъ отъ жизни и смерти звѣрей не разнится; знаменитыя же и великолѣпныя зданія, суть не иное что либо, какъ безсмертные свидѣтели сердецъ благородныхъ.

АНТИСѲЕНЪ философъ счастіе основалъ въ славѣ пребывающей по смерти, сказывая, что ни какого урона справедливою утратою назвать не можно, кромѣ потерянія славы. Ибо разумному человѣку смерть ни во что вмѣнять должно, ежели добрыхъ и знаменитыхъ дѣлъ своихъ оставляетъ память.

ЕВРИПИДЪ счастіе положилъ въ томъ, естьли кто пригожую жену имѣетъ, сказывая, что прежде не достанетъ тому человѣку времени, нежели словъ, который чувствуемую отъ безобразія жены досаду изобразить восхощетъ. Да и самимъ дѣломъ весьма справедливо, что получившему добродѣтельную и красную жену ничего болѣе въ жизни желать не остается.

СОФОКЛЪ счастіе положилЪ вЪ томЪ, ежели кто имѣетЪ дѣтей, будущихЪ преемниками по отцѣ своемЪ, утверждая, что бѣдность того, который лишается чадЪ, всѣ злоключенія гораздо превосходитЪ. Ибо превеликое счастіе вЪ жизни сей, изобиловать честію и богатствомЪ, и по довольномЪ употребленіи оставить наслѣдниками дѣтей своихЪ.

ПАЛЕМОНЪ счастіе положилЪ вЪ витійствѣ, крѣпко утверждая, что не умѣющій ни о чемЪ говорить, болѣе звѣрямЪ, нежели человѣкамЪ сроденЪ. Ибо, по разсужденію многихЪ, вЪ бѣдственной сей жизни ни какого счастія сЪ сладкорѣчіемЪ сравнить не должно.

ѲЕМИСТОКЛЪ счастіе основалЪ вЪ томЪ, ежели произшелЪ кто отЪ знатной фамиліи, сказывая, что человѣкЪ ведущій начало свое отЪ подлой крови, не обязанЪ стараться, дабы храбрыми и знаменитыми дѣлами себя прославить. Понеже добродѣтели и слава предковЪ, суть искры, кЪ предпріятію великихЪ дѣлЪ зажигающія сердца у потомковЪ.

АРИСТИДЪ счастіе положилЪ вЪ изобиліи временныхЪ благихЪ, сказывая, что найлучшее дѣло, лишающемуся кЪ пропитанію и снабдѣнію тѣла нужныхЪ вещей, оставить жизнь сію, и самому себя скрыть во гробѣ. Ибо того только счастливымЪ вЪ свѣтѣ назвать должно, который ни за чемЪ толкаться у воротЪ своего сосѣда принужденЪ не бываетЪ.

ИРАКЛИТЪ счастіе положилЪ вЪ храненіи сокровищЪ, сказывая, что расточитель и мотЪ, сколькобЪ богатЪ ни былЪ, всякому всегда противенЪ. Ибо тотЪ точію кажется разуменЪ,

кто

кто спрятавъ деньги на будущія сохраняетъ нужды.

„ Я думаю, любезный Полліонъ, давно полу-„ чилъ ты вѣдомость, что седьмый уже мѣсяцъ „ я четверодневною лихорадкою боленъ. Клянусь „ безсмертными богами, что въ самую ту ми-„ нуту, какъ писалъ сіе письмо, рука дрожала, „ означая приступающую лихорадку. Сей одна-„ кожъ случай хотя любопытству твоему ко-„ нецъ сдѣлалъ; но моего къ тебѣ усердія пре-„ кратить никогда не принудитъ. Ибо между „ искренними другами хотя взаимныхъ свиданій „ и услугъ не бываетъ; для того однакожъ вза-„ имной любви угасать не должно.

„ Естьли же ты вопрошаешъ , любезный „ Полліонъ, какихъ я мыслей о томъ, что ска-„ зано , и на какое изъ предложенныхъ мнѣній „ болѣе согласенъ? „ Я не признаваю, чтобъ въ свѣтѣ семъ могъ кто либо быть блаженнымъ : буде же кто и сыщется , тотъ уже съ богами обитаетъ. Ибо представя съ одной стороны гладкой, сухой и чистой путь; а съ другой рытвенную, грязную и каменистую дорогу; паче крутою стремниною беззаконныхъ , нежели спокойнымъ благоденствіемъ добродѣтельныхъ наречемъ жизнь сію. Одно точію скажу тебѣ, которое, къ чему относится, разсуди со вниманіемъ: ежели смѣемъ сказать, что въ свѣтѣ семъ между вихрами непостоянной фортуны какое нибудь находится счастіе ; то назовемъ того только счастливымъ, коего изъ бездны злоключеній собственная возвысила премудрость , и на верху счастія по томъ сохранило трудолюбіе.

„ Я не намѣренъ , а хотя бы и най-„ вящше желалъ, но не могу писать болѣе: то-

„ чію

„ чїю молю безсмертныхъ боговъ, да сохранятъ
„ тебя, и злую да отвратятъ отъ насъ судь-
„ бину. Но какъ ты толь далече живешъ въ
„ Виѳинїи, вѣдаю, что желаешъ какїя нибудь
„ отъ меня услышать новости. Однакожъ нѣтъ
„ ничего теперь у насъ новаго, кромѣ что Кар-
„ петанцы и Лузитанцы въ Ишпанїи жестоко
„ бунтуютъ. Изъ Иллирїи пишутъ, что варва-
„ ры въ глубокомъ пребываютъ спокойствїи,
„ хотя стоящїя у тамошнихъ границъ войска
„ наши напалъ было нѣкоторый страхъ по причи-
„ нѣ бывшаго во всей странѣ той мороваго по-
„ вѣтрїя. Въ прочемъ, любезный Поллїонъ, из-
„ вини слабость моего здоровья; понеже я чуть
„ дышу. Ибо четверодневная лихорадка толь
„ свирѣпое зло, что страждущїй ею человѣкъ,
„ лишаясь всякой отрады, ни чемъ утѣшиться
„ не можетъ.

„ Посылаю тебѣ двухъ приведенныхъ изъ
„ дальней Ишпанїи преизрядныхъ лошадей, и
„ сверхъ того привезенныя изъ Александрїи двѣ
„ золотыя многоцѣнныя чаши. Подлинно, ябы
„ желалъ послать тебѣ въ подарокъ мучащихъ
„ меня лихорадкой хотя два или три часа изъ
„ двенатцати, въ кои припадокъ ея продолжает-
„ ся! Кланяется тебѣ супруга моя Фавстина;
„ и какъ отъ нее, такъ и отъ меня матери
„ твоей, многолѣтной и добродѣтельной вдовѣ
„ Кассїи, засвидѣтельствуй почтенїе. *Маркъ Им-
„ ператоръ Римскїй* собственною писалъ рукою;
„ и паки премногаго здравїя старому другу
„ *Поллїону* желаетъ.

ГЛАВА

ГЛАВА ПЕРВАЯНАДЕСЯТЬ.

Великїе Государи и Князи осанкою и красотою тѣла спесивиться не должны. Ѳивяне очень пригожихъ мущинъ, и крайнѣ безобразныхъ женщинъ ненавидѣли. Также, что Государи не красотою лица; но славою отправленныхъ дѣлъ прїобрѣли безсмертное имя.

Когда у Евреянъ Iисусъ Навинъ торжествовалъ побѣдами; Дарданъ изъ великой Грецїи переселился въ Самоѳракїю; Агеноровы сыновья поѣхали искать сестру Европу; въ Тринакрїи царствовалъ Сикулъ, отъ коего имени Сицилїя названїе получила; тогда въ Египетскомъ большой Азїи царствѣ отъ Бузирида царя, о коемъ Дїодоръ Сицилїйскїй въ первой книгѣ библїотеки много повѣствуетъ, созданъ былъ преславный городъ Ѳивы. Плинїй тритцать шестой книги Естественной исторїи въ 14 главѣ, Омиръ въ 4, Илїады, и Статїй во всей исторїи Ѳивской удивительное повѣствуютъ о городѣ Ѳивахъ; что не сомнительнымъ, но вѣроятнымъ почитать должно. Ибо не возможно статься, чтобъ толь важные писатели, нарочитыя описывая вещи, представили одинъ только вымыслъ.

Ѳивы, по повѣствованїю, были окружностью сто сорокъ поприщъ; стѣны имѣли вышиной въ тритцать, а шириной въ шесть шаговъ; въ городѣ находилось сто великолѣпнѣйшихъ и крѣпчайшихъ башенъ, и на каждой изъ нихъ по двѣсти избранныхъ всадниковъ на колесницахъ и коняхъ для стражи стояло; посреди города текла великая рѣка, которая довольнымъ числомъ мѣльницъ и изобилїемъ рыбъ премного способствовала

вала

вала городу. Когда Ѳивы въ самомъ цвѣтущемъ состоянїи находилися, пишутъ историки, что до двухъ сотъ тысячь домовъ въ нихъ имѣлось; паче же сего, что всѣ цари Египетскїе тамъ погребены были; и какъ Страбонъ въ книгѣ о положенїи свѣта повѣствуетъ, хотя давно уже Ѳивы разорены отъ непрїятелей, но еще найдено тамъ около семидесяти семи гробовъ царей древнихъ. Достопамятно же, что всѣ тѣ гробы были царей добродѣтельныхъ. Понеже Египтяне съ особливѣйшею святостїю хранили такой обычай, что царю, который въ жизни своей былъ злонравенъ, умершему не отдавали чести погребенїя.

Прежде созданїя крѣпчайшаго города Нумантїи въ Ишпанїи, богатаго Карѳагена въ Африкѣ, счастливаго Рима въ Италїи, прекрасной Капуи въ Кампанїи, великой Аргентины въ Германїи, и священнаго Іерусалима въ Палестинѣ; одни только Ѳивы во всемъ свѣтѣ славнѣйшїе были. Понеже Ѳивяне въ великой славѣ находилися у всѣхъ народовъ, какъ за богатство, такъ за великолѣпїе зданїй, и на конецъ что въ законахъ и обрядахъ своихъ много отмѣннаго имѣли. Ибо отмѣнныхъ мужей, и противъ воли вездѣ извѣстными дѣлаетъ собственная ихъ отличность.

Омиръ повѣствуетъ, что Ѳивяне весьма отличныя отъ всѣхъ другихъ народовъ обыкновенїя имѣли.

„ ПЕРЬВОЕ, что по исполненїи пяти лѣтъ
„ у каждаго отрока раскаленнымъ желѣзомъ кла-
„ ли знакъ на лбахъ подобїемъ буквы. Т. съ
тѣмъ намѣренїемъ, дабы, гдѣ онъ ни обращался,

по

по клейму буквы Т всѣ его Ѳивяниномъ признавали.

„ ВТОРОЕ, по прошествіи двухъ лѣтъ у „ всѣхъ отпкоровъ вынимали изъ колѣнъ берца, дабы легкія къ ходьбѣ имѣли ноги: чему причиною было то, что Египтяне скоповъ обожали; и для того, куда ни путешествовалъ Египтянинъ, на лошади ни когда не ѣхалъ, дабы не казалось ему. что онъ сидитъ на хребтѣ своего бога.

„ ТРЕТЬЕ, что Ѳивскіе граждане не точію „ убѣгали отъ супружествъ съ иностранными; „ но и родственники на родственницахъ жени- „ лись; „ дабы тѣмъ тверже браки и крѣпче союзы любви между кровными пребывали.

„ ЧЕТВЕРТОЕ, ни кому не вольно было изъ „ Ѳивянъ для житья строить себѣ дому, пока „ прежде на погребеніе свое не создалъ гроба. Въ семъ поступкѣ, кажется не столько они были отличные и излишные, сколько премудрые: и по истиннѣ гораздо насъ разумнѣйшіе. Понеже, естьли бы каждой изъ насъ хотя по два часа въ день употреблялъ на размышленіе о созданіи гроба; статься не возможно, чтобъ не вздумалось по крайней мѣрѣ когда нибудь житіе свое исправить.

„ ПЯТОЕ, всѣхъ отмѣнной и необыкновенной „ красоты мальчиковъ въ колыбеляхъ давили „ и умерщвляли, и всѣхъ дѣвочекъ черезъ чуръ „ безобразныхъ убивали и богинямъ въ жертву „ закалали, сказывая: что въ тѣ поры, когда „ боги оставляютъ попеченіе о человѣческомъ „ родѣ, пригожіе мущины и безобразныя женщины „ родятся. Ибо мущина чрезвычайный красавецъ, не иное что либо есть, какъ Гинандъ; а без-

бразная женщина ни чемъ отъ дикаго звѣря не разнится.

Особливое божество обрѣталось у Ѳивянъ Изидъ, то есть рыжїй быкъ, кормленный при рѣкѣ Нилѣ. Имѣлся же и законъ, по которому они всѣхъ мущинъ и женщинъ рыжихъ или желтоволосыхъ закалали, и во храмѣ Изидовомъ въ жертву приносили. Противное сему видимъ на животныхъ. Ибо поелику обожали они рыжаго быка, то всякаго рыжаго животнаго убивать ни кому не дозволялось; сирѣчь, у Ѳивянъ умерщвлять людей было вольно; но закалать скотовъ, за грѣхъ почиталось. Я не похваляю того, аки бы Ѳивяне справедливо поступали, убивая младенцевъ; ни признаваю за доброе дѣло, что закалали на жертву людей рыжихъ; ни утверждаю за святость, что покланялися рыжимъ животнымъ: но тому удивляюсь, что безобразныя женщины и пригожїе мущины въ толикой ненависти и презрѣнїи у нихъ находилися. Ибо какъ пригожихъ, такъ и безобразныхъ въ мимошедшихъ и настоящихъ вѣкахъ всегда было и будетъ великое множество.

Ежелижъ оные варвары, ложнымъ и обманнымъ будучи ослѣплены суевѣрїемъ, мужескъ полъ, коему отъ божеской благодати красота даровалась, не медлѣнно живота лишали; то кольми паче справедливѣе намъ Христїянамъ ни во что вмѣнять красоту тѣлесную, съ которою нерѣдко сопряжено бываетъ душевное безобразїе? Подъ свѣтло-хрустальнымъ льдомъ утопательное кроется болото; въ гладкихъ каменныхъ стѣнахъ раждается змѣй страшный; внутренность бѣлаго зуба досадительной червь точитъ; чѣмъ дороже и лучше сукно, тѣмъ

больше

больше оное портитъ тля, что тонѣ полотно, то пуще изгрызаютъ и сѣкутъ моли; чѣмъ плодоноснѣе дерево, тѣмъ вящше на оное нападаютъ гусеницы; сирѣчь: подъ свѣтлымъ тѣломъ и прекраснымъ лицемъ многіе и страшные скрываются пороки. По истиннѣ, въ юношахъ несовершеннаго разума, да еще вѣтреныхъ и легкомысленныхъ красота ни что иное есть, какъ точію мать многихъ пороковъ, и мачиха всѣхъ добродѣтелей. Пускай повѣрятъ мнѣ высоковластные Государи и Князи; тѣ, говорю, которые красотою и пригожствомъ кичатся: что гдѣ великое дарованій тѣлесныхъ находится изобиліе, тамъ къ сохраненію ихъ аки многочисленной полкъ добродѣтелей необходимо нуженъ. Ибо чѣмъ они выше, тѣмъ больше стремятся на нихъ бурные вѣтры. Надуваться какимъ нибудь благополучіемъ сего свѣта, сколь бы оно превосходное и совершенное ни было, я признаваю за суету суетствъ; но гордиться красотою тѣла, почитаю за легкомысліе легкомыслій.

Между всѣми любезными вещьми, коими щедрая природа смертныхъ наградила, нѣтъ ни чего болѣе излишняго и менѣе нужнаго въ человѣкѣ, какъ красота и пригожство. Ибо пригожіель мы или безобразные, не дѣлаемся для того ни мало пріятнѣйшими своему создателю, и не престаемъ чрезъ то болѣе ненавистны быть тварямъ.

О слѣпота свѣтская! о жизнь ни когда не живущая, и ни когда жить не имѣющая! о смерть бесконечная! я не вижу, для чего кто либо, по причинѣ случайнаго и временнаго красоты дарованія, смѣетъ гордостью надуваться; вѣдая, что все благородство и преизящество тѣла во

гробъ бѣдной и печальной смерть похититъ, и всѣ красы членовъ гладнымъ червямъ отдастъ на пожренiе. Пусть насмѣхаются и трунятъ великiе надъ малыми, пригожiе надъ безобразными, цѣлые и здоровые надъ увѣчными и поврежденными, бѣлые надъ черными, прямые надъ искрывленными, исполины надъ карлами; но одинъ конецъ всѣхъ даже до послѣдняго ожидаетъ. Истинно, по моему разсужденiю, хотя весьма прямые кипарисы, преогромные лавры, очень тѣнистые клены, прекрасные кедры, крайнѣ пахущiе можжевельники, превысокiя и обширныя ольхи; не бываютъ однакожъ сiи дерева по тому другихъ плодоноснѣе. До чегожъ сiе касается? до показанiя, сирѣчь: что благородный и знаменитый мужъ, хотя прямѣйшiй тѣломъ, преогромный колѣномъ, очень тѣнистый почтенiемъ, прекраснѣйшiй лицемъ, крайнѣ пахущiй славою, высочайшiй и сильнѣйшiй властiю въ государствѣ бываетъ; однакожъ для того въ житiи ни чемъ другихъ не лучше. Ибо подданные не отъ простыхъ крестьянъ, кои упражняются въ земледѣлiи; но отъ роскошныхъ, невоздержныхъ и беззаконныхъ правителей возбуждаются къ смятенiю и бунту.

Подъ сухими, естьли правда, дубами вепри и другiя животныя кочуютъ и выкармливаются жирными; самое низкое дерево прежде всѣхъ плоды проращаетъ; между острымъ тернiемъ родятся благовонныя розы; колючее каштанное дерево раждаетъ прiятнаго вкуса орѣхи; то есть, безобразные и малорослые люди временемъ государству весьма полезны бываютъ. Ибо малыя и смуглыя лица, суть храбрыхъ и мужественныхъ сердецъ знаки.

Но

Но оставимъ мы суетныхъ человѣковъ, устроенныхъ изъ слабыя плоти; и простремъ слово о знаменитыхъ и великолѣпныхъ зданїяхъ, кои изъ твердыхъ составлены камней. Вошедши посмотрѣть, какїя онѣ предъ тѣмъ были; неспорно, слѣды огромности и величины ихъ постигнуть можемъ, но прежней красоты ни какъ не вообразимъ въ своихъ мысляхъ. Ибо время толь сильно, что и у самыхъ прекраснѣйшихъ вещей скоропостижно красоту отъемлетъ; и того, что казалось вѣчнымъ, въ кратчайшемъ теченїи своемъ вовсе память истребляетъ. Но минуя и древнїя зданїя, когда приступимъ ко храминамъ нашего вѣка; то конечно увидимъ, что ни кто не выстроитъ толь крѣпкаго и толь краснаго дому, коегобъ прежнее великолѣпїе, хотя онъ и недолголѣтно проживетъ на свѣтѣ, въ глазахъ его не исчезло. Ибо многїе старики тотъ богатой и огромной домъ, который строился при нихъ отъ основанїй, напослѣдокъ упадшїй и опустѣвшїй видали: истинну сея вещи доказываетъ опытъ. Понеже или разрушаются основанїя, или раскалываются стѣны, или искривляются брусья, или расходятся связи, или вода открываетъ новые протоки, или коробятся полы, или гнїютъ оконницы, или ломаются двери; изъ коихъ приключенїй и отъ самомалѣйшаго повреждаются хоромы. Чтожъ скажемъ о покояхъ премногими расписанныхъ красками, о травчатыхъ разноцвѣтныхъ коврахъ и обояхъ, такожъ о выбѣленныхъ крыльцахъ и переходахъ? все то въ кратчайшемъ времени или мальчики замараютъ угольемъ, или слуги запачкаютъ свѣчами, или дворовые люди зачернятъ лучиною, или обойщики исковыряютъ

гвоздями, или печки закоптятъ дымомъ, или пауки засорятъ паутиной; такъ что вящшее напослѣдокъ будетъ стѣнъ безобразіе, нежели прежнее великолѣпіе.

Естьлижъ сіе такъ есть; то откуда можетъ уповать человѣкъ твердаго и постояннаго тѣлу своему изрядства, когда видимъ мы толикое паденіе оной красоты, коя изъ камня, дерева, извѣсти и кирпичей составляется? о жестокосердные и нерадивые Государи! о дерзновенные сыны суеты! или не приходитъ вамъ на мысль, что вся красота ваша запору селезенокъ, возжженію печонки, болѣзнованію желудка, опухолѣ ногъ, порчѣ соковъ, движеніямъ неба, совокупленіямъ луны, затмѣніямъ солнца, жару лѣтнему и стужѣ зимней подвержена? кленусь богомъ, не знаю, для чего вы пригожіе человѣки посреди толикихъ ударовъ спесивитесь, естьли и одна маленькая лихорадка не токмо красоту отъемлетъ, но еще дѣлаетъ лицо желтымъ и блѣднымъ, сколькобъ оно предъ тѣмъ ни было свѣтло, румяно и прекрасно.

Одна вещь приводитъ меня въ удивленіе, или лучше сказать въ крайнее негодованіе, сирѣчь; человѣки все принадлежащее къ снабдѣнію тѣла, желая чтобъ было великолѣпное и чистое, какъ то: одежды, епанчи, постѣль и столъ; одну только душу въ мерзости и смрадности оставляютъ. Смѣло говорю и утверждаю по христіянству, что желаніе имѣть чистой домъ, устроенной отъ человѣка, и напротивъ того въ гнусности запускать душу вдохновенную отъ Бога, или отъ недостатка разума, или отъ избытка глупости происходитъ.

Желалъ

Желалъ бы я знать, чемъ одаренные красотою лучше передъ тѣми, коимъ оной не дала природа? или красавецъ двѣ души, а безобразный только одну имѣетъ; или одни пригожїе здоровы, а безобразные немощны? или одни пригожїе мудры, а безобразные невѣжи? или одни пригожїе храбры, а безобразные робки? или одни пригожїе счастливы, а безобразные несчастны? или одни пригожїе порокамъ не причастны, а безобразные добродѣтелей чужды? или одни пригожїе къ вѣчной устроены жизни, а безобразные созданы токмо обитать во гробахъ? нѣтъ, неправда.

Естьлижъ сїе такъ есть, то для чего насмѣхаются исполины карламъ, бѣлые чернымъ, прямые горбатымъ, и пригожїе безобразнымъ, вѣдая, что сего дня или завтра кончится красота ихъ, которою они себя превозносятъ; Сїяющїй красотою, ни чемъ добродѣтельнѣе, а непригожїй и безобразный ни чемъ злонравнѣе по тому не бываетъ; такъ что ни добродѣтель отъ осанки тѣла не зависитъ; ни порокъ отъ гнусности и безобразїя лица не раждается. Ибо мы повседневно видимъ, что безобразїе добродѣтельми украшено, а пригожство пороками осквернено бываетъ. Не тотъ видь прямъ и справедливъ въ дѣлахъ своихъ, который на плечахъ имѣетъ прямыя лопатки. Ибо гораздо хуже, имѣть одну бородавку и порокъ въ нравахъ, нежели таскать четыре горба на хребтѣ своемъ. Сверхъ того ни къ мужеству огромность тѣла, ни къ робости малорослость онаго не способствуетъ: ниже главное есть правило, чтобъ сановитость тѣла доказательствомъ была великодушїя, а чрезъ низкой ростъ малодушное означалось сердце. Ибо опытъ свидѣтель, что

многіе, чѣмъ выше, тѣмъ трусливѣе; а другіе сколько менѣе ростомъ, столько храбрѣе и отважнѣе бываютъ сердцемъ.

Священное писаніе повѣствуетъ, что Давидъ былъ лицемъ краснowатъ, и тѣломъ не великъ; но средняго росту. Однакожъ сразясь съ превысокимъ и пресильнымъ исполиномъ Голіаѳомъ, убилъ его камнемъ изъ пращи, и собственнымъ мечемъ отсѣкъ ему голову. Пускай же сему ни кто не дивится, что подлой и малорослой пастушокъ крѣпчайшаго умертвилъ исполина. Ибо часто изъ самомалѣйшаго кремня очень яркой выскакиваетъ пламень, а изъ великаго камня ни одной не вырубишъ искры. Но что еще большее сего сдѣлалъ Давидъ? Онъ будучи малъ ростомъ, и весьма младъ лѣтами, раздиралъ челюсти львовъ, отнималъ агнцевъ изъ гортани у медвѣдей; паче же всего, въ одинъ день собственною рукою и мечемъ восемь сотъ человѣкъ убилъ на сраженіи. И хотя мы не жили въ томъ вѣкѣ; однакожъ легко догадыватся можемъ, что изъ тѣхъ восьми сотъ, коихъ онъ умертвилъ, человѣковъ, по крайней мѣрѣ болѣе трехъ сотъ имѣлось, знатностію рода, изобиліемъ богатства, красотою лица, и дородствомъ тѣла его превосходившихъ: но ни одинъ храбрымъ и великодушнымъ сердцемъ ему не сравнился, поелику онъ остался въ цѣлости, а тѣ всѣ на поляхъ испили смертную чашу.

Іулій Цесарь хотя былъ не малорослой, но лицемъ непригожой. Ибо голову имѣлъ со всѣмъ лысую, носъ орлиной, руку одну короче, и лицо еще въ младыхъ лѣтахъ сморщенное и блѣдное: кромѣ того хаживалъ всегда распоясанной, или можетъ быть опоясывался послабже.

Ибо

Ибо остроумные мужи рѣдко и мало пекутся о тѣлѣ. Онъ такъ былъ неопрятенъ тѣломъ, что послѣ Фарсальскаго сраженія нѣкоторый гражданинъ римскій, бесѣдуя съ великимъ и знаменитымъ ораторомъ Туллїемъ, сказалъ: „ для чего „ ты, Маркъ Туллій, будучи толь разумной чело„ вѣкъ, вступился за Помпея, и не предузналъ, „ что Іулій цесарь будетъ Государемъ и Монар„ хомъ свѣта? „ На противъ чего Цицеронъ отвѣтствовалъ: „ вѣрь мнѣ, другъ мой, что я видя Іу„ лія Цесаря весьма неопрятнаго въ малолѣтст„ вѣ, ни во что ставилъ. Но Силла старикъ уз„ налъ его лучше, который примѣтя, что Іулій „ Цесарь, будучи тогда еще отрокомъ, ходилъ не „ опрятно; часто увѣщавалъ вельможъ своихъ, да„ бы они худо опоясаннаго мальчика опасалися. „ Понеже есть ли бы заблаговременно не воспрепятствовали его намѣреніямъ; истребилъ бы и попралъ бы онъ въ конецъ народъ римской.

Въ прочемъ, хотя Іулій Цесарь, какъ Светоній Транквиллъ въ первой книгѣ о цесаряхъ повѣствуетъ, не имѣлъ пригожаго лица; однакожъ и самое имя его по всюду толь было страшно, что ежели гдѣ по случаю Короли и Князи о Іуліи Цесарѣ за вечернимъ столомъ разговаривали; то всю ночь даже до совершеннаго разсвѣта отъ ужаса безъ сна по томъ провождали. Въ то время, когда въ Белгической Галліи Іулій Цесарь ополчаясь на сраженіи, пойманъ и везенъ былъ непріятелемъ на лошади во всей збруѣ, и нѣкто изъ числа непріятелей, который его зналъ, подбѣжавъ къ тому солдату, шутя молвилъ: ЦЕКОСЪ ЦЕЗАРЬ: что на древнемъ Галлскомъ языкѣ значило: пусти, это Цесарь! То Галлъ услыша имя Цесарское, такъ

ужаснулся, что опустя из рукъ своихъ плѣнника, по одной токмо той причинѣ съ лошади повалился на землю. Пускай же теперь посмотрятъ Государи и прочїе высоковластные мужи, коль малосильно есть безобразїе или красота къ прїобрѣтенїю могущества, естьли отъ одного точїю воспоминанїя имени Цесаря, хотя и безобразнаго, всѣ свирѣпыя и смѣлыя сердца робѣли. Понеже гораздо больше того вѣка Государей обезчещало малодушїе, нежели Iулїя Цесаря лицо обезобразила природа.

Аннибалъ прещастливый полководецъ Карѳагенскїй не токмо за знаменитость дѣлъ, но и по причинѣ великаго безобразїя тѣлеснаго чудовищемъ называется. Ибо не имѣлъ праваго глаза, хромалъ лѣвою ногою, былъ претолстобровой, малорослой и лицемъ безобразной. А поелику отправленныя имъ дѣла, и причиненныя римскому народу раззоренїя Титъ Ливїй описываетъ весьма пространно; то я одно точїю здѣсь предложу, о которомъ нелицемѣрно доброжелательствующїй римлянамъ историкъ повѣствуетъ Фронтонъ въ книгѣ о знаменитости Пинцовъ говоритъ, что Аннибалъ семнатцать лѣтъ продолжая войну въ Италїи, столько погубилъ римлянъ, что ежелибъ побитые люди быками, и пролитая кровь виномъ превратилась; довольнобъ имѣлъ онъ корму и питья осмидесяти тысячамъ пѣхоты, и шестнатцати тысячамъ конницы, въ его войскѣ бывшимъ. Теперь вопрошаю: сколько находилось въ тѣ времена мущинъ дородныхъ и лицемъ пригожихъ, коихъ красота такъ нынѣ погребена въ забвенїи, какъ на противъ того безсмертная пребываетъ и на вѣки пребудетъ память оныхъ полководцовъ! Ибо ни одинъ

Госу-

Государь не пріобрѣлъ безсмертнаго имени чрезъ одно то, что лицемъ былъ прелестенъ, но что вооруженною рукою преславныя дѣла отправилъ.

Александръ Македонскій ни дороднѣе, ни пригожѣе другихъ не былъ. Ибо упоминаютъ писатели того вѣка, что онъ имѣлъ шѣю короткую, голову большую, лицо блѣдное, глаза мутные, ростъ малой, и составы нескладные; однакожъ сіе безобразіе не помѣшало ему истребить Дарія Персидскаго и Мидскаго царя, поработить всѣхъ тирановъ, овладѣть всѣми крѣпостьми, плѣнить многихъ королей, лишить жизни и имѣнія пресильныхъ владѣтелей, ограбить богатѣйшихъ народовъ, расхитить всѣ сокровища, такъ что имени его вселенная трепетала, и вопреки слово молвить ему ни кто не отважился.

ГЛАВА ВТОРАЯНАДЕСЯТЬ.

Письмо Марка Аврелія Императора къ родному племяннику, въ которомъ изъясняетъ, что онъ отъ него воскормленъ и воспитанъ въ ученіяхъ; но однакожъ возгордясь красотою лица, учинился извергомъ своей фамиліи. Показываетъ при томъ, что чваниться лѣпообразіемъ, есть знакъ легкомыслія; и напослѣдокъ упоминаетъ о человѣческихъ бѣдствіяхъ.

Секстъ Херонейскій въ первойнадесять книгѣ о житіи Аврелія повѣствуетъ, что Маркъ Аврелій Императоръ имѣлъ сестру, именемъ Аннію Милену, отъ которой родился Епезиппъ. Сей юноша былъ не токмо племянникъ, но и ученикъ Марковъ; коего Маркъ, сдѣлавшись Императоромъ,

послалъ въ Грецїю, какъ для обученїя Греческому языку, такъ и удаленїя ради его отъ городскихъ шалостей. А поелику Епезиппъ, будучи весьма остръ разумомъ, сановитъ и дороденъ тѣломъ, прекрасенъ лицемъ; и находясь въ цвѣтѣ лѣтъ, за вящшую славу вмѣнялъ себѣ красоту, нежели Философское витїйство; то увѣдомясь о семъ дядя его, написалъ къ нему изъ Рима слѣдующаго содержанїя письмо въ Грецїю:

Маркъ Аврелїй Императоръ Римскїй, перпетствующїй Консулъ, верховный Трибунъ народа, Епезиппу племяннику и ученику своему здравїя, и успѣха въ ученїи желаетъ.

„ Въ третїй день мѣсяца Декабря прїѣхалъ „ ко мнѣ Аннїй Верусъ, твой двоюродной братъ, „ прибытїе коего всѣмъ родственникамъ крайнѣ „ было радостно, тѣмъ наибольше, что привезъ „ намъ изъ Грецїи новыя вѣсти. Ибо сердце, лишаясь присутствїя того, къ коему любовїю „ пылаетъ, каждой часъ и минуту объ ономъ „ сомнѣвается. Когда же Аннїй Верусъ, твой „ братъ, всѣмъ вообще засвидѣтельствовалъ „ почтенїе, каждому расказалъ о сыновьяхъ и „ прїятеляхъ, и я удалился съ нимъ въ особое „ мѣсто; то вручилъ онъ мнѣ отъ тебя письмо „ гораздо несходное съ тѣми, кои изъ Грецїи я „ отъ другихъ получаю. Ибо ты пишешъ о „ присылкѣ тебѣ на содержанїе въ наукахъ денегъ; а прочїе возвѣщаютъ, что ты день отъ „ дня болѣе углубляешся въ юношескомъ легкомыслїи и роскошахъ свѣтскихъ.

„ Ты плоть моя, кровь моя, родной племянникъ, питомецъ моего ученїя, и былъ бы сыномъ моимъ, естьлибъ поступалъ добродѣ-

„ тельно.

„ тельно. Но сохрани боже! чтобъ я считалъ „ тебя за племянника, или назвалъ сыномъ, „ доколѣ въ дѣтскомъ легкомыслїи и шалости „ упорствовать станешъ. Понеже родствомъ „ злонравнаго человѣка всѣ добродѣтельные гну- „ шаться должны. Я не могу спорить, что поели- „ ку ты сердцу моему былъ прелюбезенъ, и для „ того разлука твоя сердечно меня поразила; „ то читая письма, гласящїя о твоихъ непотреб- „ ствахъ, потоки слезъ пролилъ: но для чего я „ себя терзаю? Ибо мудрые и великодушные „ мужи, хотя такїя вѣсти слуху и противны; „ слушать однакожъ съ охотою должны; дабы „ могли противо язвъ запасти лѣкарства.

„ Правда, ты не помнишъ; но отъ другихъ „ слышалъ о несчастной матери твоей умер- „ шей Аннїѣ Миленѣ. моей сестрѣ, которая ли- „ шилась жизни очень младолѣтна, хотя ей не „ болѣе, какъ осмнатцать лѣтъ было отъ рож- „ денїя, а ты и четырехъ часовъ не жилъ еще „ на свѣтѣ. Ибо ты родился по утру, а она „ скончалась въ полдень: и такъ. когда сынъ „ жить началъ, мать смертїю пострадала. По „ вѣрь мнѣ, ты погубилъ мать; а я лишился „ сестры, которой не знаю, имѣлась ли другая „ лучше въ Римѣ. Понеже она была мудрая, „ великодушная, разумная, цѣломудренная и „ пригожая: на противъ чего нынѣ, по злосчастїю „ судбины, не безъ труда найдетъ мудрость, „ честность, и красоту въ женщинѣ Римской. „ Не по тому же только, что твоя мать, а моя „ сестра; но тѣмъ наипаче была мнѣ любезна, „ что мною воспитана и выдана замужь. И какъ „ умирала она въ Римѣ; то по счастїю препо- „ давалъ я тогда въ Родусѣ Риторику. Ибо въ

„ то

„ то время толикой окружалъ меня недостатокъ денегъ, что кромѣ получаемаго за обученіе риторики доходу, вовсе ни откуда мнѣ ни чего не приходило.

„ Когда же извѣстился я о смерти твоей матери, а моей сестры Анніи; то оставили меня всѣ человѣческія утѣхи, и всего грусть одолѣла, такъ что дрожали члены, разслабѣли составы, непрерывно текли изъ глазъ слёзы, часъ отъ часу умножалися плачевные гласы, ежеминутно опасался обмороку, и изъ внутренностей сердечныхъ испускалъ воздыханія, о лишеніи твоей матери, а моей сестры, добродѣтельнѣйшей женщины, рыдая. На послѣдокъ, когда уже вовсе печаль овладѣла мною; смертью казалась мнѣ веселая компанія, и единственною отрадою было уединеніе. Не могу выразить словами, коль огорчительна была мнѣ смерть моей сестры, а твоей матери Милены. Ибо она грезилась спящему, представлялась въ глазахъ бодрствующему, воображалась живущею, и съ мученіемъ воспоминалась умершею. Словомъ! жизнь мнѣ толь была непріятна, что желалъ купно съ нею въ одинъ гробъ вселиться. Ибо тотъ токмо въ правду о чужей соболѣзнуетъ смерти, кто собственную жизнь въ непрестанной провождуетъ печали,

„ Помышляя же о любви сестры, какову оказывала она мнѣ въ своей жизни; и разсуждая, коими мѣрами воздать ей за то по смерти; нашелъ, что ни чемъ равной не принесу благодарности, токмо ежели тебя сына ее оставшагося толь малолѣтнымъ, воспитаю. Ибо изъ всѣхъ досадъ нѣтъ ни одной тяжелѣ, какъ

„ естьли

„ естьли гдѣ умершая женщина другимъ воспи„ тывать дѣтей своихъ оставляетъ. И такъ „ по смерти сестры не было мнѣ ни чего миляе, „ кромѣ ѣхать въ Римъ, и послать тебя на во„ спитанїе въ Капую, гдѣ ты два года изнуре„ нїемъ глазъ моихъ кормленъ. Ибо самъ ты „ вѣдаешъ, что получаемаго мною въ Родусѣ „ за ученїе риторики доходу едва довольно бы„ ло и на дневное пропитанїе; но какъ препода„ валъ я сверхъ обыкновеннаго по нѣскольку ча„ совъ въ ночное время, то доставая тѣмъ день„ ги, платилъ за молоко, которое ты сосалъ. „ Такъ то жизнь мою истощалъ я на твое во„ спитанїе.

„ А какъ уже вышелъ ты изъ лѣтъ, которыя „ требуютъ помощи кормилицъ; то послалъ я „ тебя въ Ветрїоль къ прїятелю и свойствен„ нику моему Л. Валерїю, у коего ты былъ до „ пятилѣтнаго возраста; а между тѣмъ я и „ тебѣ, и ему доставлялъ пропитанїе. Понеже „ онъ былъ человѣкъ весьма убогой, а при томъ „ и несказанно болтливой; такъ что всѣ его „ ненавидѣли, да и самому мнѣ наносилъ скуку. „ Ибо съ неменьшею охотою и скоростїю день„ ги говоруну, дабы молчалъ; какъ и мудрому, „ чтобъ говорилъ, давать должно. По проше„ ствїи пяти лѣтъ послалъ я тебя въ Туринъ, „ Кампанской городъ, къ учителю Емилїю Тор„ квату, который за то, что первоначальной „ грамотѣ читать и писать взялъ тебя въ на„ уку на три года, отдалъ мнѣ взаимно сына „ своего на четырелѣтнее обученїе Греческому „ языку. Такъ то ни гдѣ не можно было на„ дѣяться мнѣ твоей пользы, чтобъ не вящшїй „ простирался ко мнѣ трудъ и тягость.

„ Когда

„ Когда же ты былъ осмилѣтной, и обучил-
„ ся уже хорошо читать и писать; то послалъ
„ я тебя въ знаменитѣйшій городъ Тарентъ
„ наукъ ради, и содержалъ четыре года на мо-
„ емъ коштѣ, довольно платя учителямъ де-
„ негъ. Ибо по несчастію нашему нѣтъ теперь
„ ни одного человѣка, который бы безъ награж-
„ денія кого нибудь учить согласился. Не могу
„ удержаться отъ слезъ, когда ни подумаю,
„ что въ древніе вѣки, отъ Квинтія Цинцин-
„ ната даже до Цинны и Катула, въ Римѣ
„ учители за преподаваніе философіи ни у кого,
„ кто бы ни пожелалъ учиться, денегъ не
„ взимали; но всѣмъ учителямъ давано жало-
„ ванье отъ Сената; и ни кто, по причинѣ
„ скудости, наукъ не лишался. По елику въ тѣ
„ времена, всѣ любящіе добродѣтель и на-
„ уки публичнымъ коштомъ содержаны были.

„ Предки наши какъ честность, такъ и по-
„ рядокъ во всѣхъ дѣлахъ весьма наблюдали. Ибо
„ не токмо чины распредѣляли по достоинству,
„ но и деньги платили по порядку, выдавая изъ
„ государственной казны во первыхъ соборамъ
„ священнослужителей; по томъ учителямъ
„ школъ и наукъ; послѣ того бѣднымъ вдовамъ
„ и сиротамъ; далѣе иностраннымъ кавалерамъ,
„ которые добровольно сдѣлались Римскими
„ гражданами; на послѣдокъ всѣмъ отставнымъ,
„ служившимъ беспрерывно чрезъ двадцать
„ шесть лѣтъ въ военныхъ походахъ, кои по
„ возвращеніи весьма честное отъ республики
„ въ домѣ своемъ пропитаніе получали.

„ По истеченіи двенатцати лѣтъ, отпра-
„ вясь я въ Тарентъ, привезъ тебя съ собою въ
„ Римъ, и обучалъ Риторикѣ, Философіи, Мате-

„ матикѣ

„ матикѣ и Астрологіи, въ моихъ покояхъ, въ
„ моемъ сообществѣ , на моемъ столѣ , въ мо-
„ ей спальнѣ, и паче всего въ моемъ сердцѣ и
„ мозгѣ тебя имѣя: что за большее ты почи-
„ тать долженъ, нежели когда бы я домъ мой
„ и богатство тебѣ отдалъ. Ибо то токмо
„ прямое благодѣяніе, которое оказывается не
„ надѣясь ни какой оттуда собственной пользы
„ и корысти. Такимъ образомъ держалъ я тебя
„ съ собою въ Лаврентѣ, Родусѣ, Неаполѣ и Ка-
„ пуѣ, доколѣ боги устроили меня Императо-
„ ромъ Римскимъ.

„ Тогда принялъ намѣреніе, послать тебя
„ въ Грецію, что и учинилъ; дабы ты изъучил-
„ ся Греческому языку, и то, чего истинная
„ требуетъ философія, навыкъ исполнять са-
„ мымъ дѣломъ. Понеже знаменитымъ и истин-
„ нымъ философамъ, что словами выражаютъ,
„ то и дѣлами подтвержать должно: и нѣтъ ни
„ чего срамнѣе, какъ естьли величающій себя
„ мудрымъ, и желающій почтенъ быть добродѣ-
„ тельнымъ, говоритъ много, а дѣлаетъ мало.
„ Ибо мужъ сладкорѣчивый языкомъ, и беззакон-
„ ный житіемъ, есть погибель и смертоносная
„ обществу язва. Посылая же тебя въ Грецію, и
„ отлучая изъ Рима; не для того сіе дѣлалъ,
„ чтобъ удалить тебя отъ моего сообщенія, и
„ чтобъ ты, бывши предъ тѣмъ соучастникъ
„ моего убожества, вмѣстѣ со мною настоящимъ
„ не наслаждался благополучіемъ; но понеже
„ видѣлъ твою младость, красоту и свобод-
„ ность, то поопасся, дабы ты, уповая на
„ нашу къ тебѣ любовь и дружбу, и по-
„ мышляя о себѣ, что ты мой племянникъ, при
„ дворѣ не испортился. Ибо Государи, отроковъ

„ и

„ и очень младолѣтныхъ юношъ прїемлющїе въ „ число ближайшихъ любимцовъ, доходятъ до „ того, что и ихъ не весьма разумными, и „ юношъ крайнѣ легкомысленными почитаютъ.

„ Изъяснилъ я, что тебѣ, и тебя ради учи- „ нено мною въ Италїи. Теперь покажу извѣ- „ стнѣйшую всѣмъ вещь, что ты дѣлалъ и ны- „ нѣ дѣлаешъ въ Грецїи; сирѣчь, чванясь и наду- „ ваясь красотою младыхъ лѣтъ, оставилъ нау- „ ки, и презирая спасительные совѣты, при- „ сталъ къ самымъ вѣтренымъ и легкомыслен- „ нымъ юношамъ; и деньги посланныя для по- „ купки книгъ, иждиваешъ на игры и другїя не- „ потребства: что все какъ тебѣ вредно, такъ „ не меньше и мнѣ бесчестно и укорительно. „ Понеже сколь бы юноша ни сдѣлался глу- „ пымъ и развратнымъ, обыкновенно винятъ то- „ го, въ чьемъ сообществѣ оной обученъ и во- „ спитанъ.

„ Я не каюсь, что далъ тебя выкормить; не- „ жалѣю, что старался о обученїи тебя на- „ чальной грамотѣ читать и писать; мнѣ не „ жаль, что пригласилъ тебя къ наукамъ; не „ жаль, что содержалъ тебя въ моемъ домѣ, и „ принялъ въ соучастники моего стола и спаль- „ ни; на послѣдокъ, не сожалѣю, что толикїя „ на тебя употребилъ иждивенїя; но о томъ „ сердечно и нелицемѣрно соболѣзную, что ты „ подалъ мнѣ причину, недѣлать впредь ни ка- „ кого уже тебѣ благодѣянїя. Понеже сердцамъ „ великодушныхъ и милосердныхъ Государей „ нѣтъ ни чего огорчительнѣе и досаднѣе, какъ „ неимѣнїе достойныхъ людей, которыхъ бы они „ могли снабдѣвать награжденїями и щедро- „ тами.

„ Увѣдомляютъ

„ Увѣдомляютъ меня, что ты полнотѣлой, „ лицемъ пригожой, и по той причинѣ спесивясь, оставилъ философїю; дабы могъ наслаждаться своимъ младолѣтствомъ и красотою: „ изъ чего мнѣ великая печаль происходитъ. „ Ибо красота тѣлесная скоро ли, или поздо, „ непремѣнно во гробѣ погибнетъ; но добродѣтель и ученїе вѣчную человѣку память „ раждаетъ. Да неблаговолятъ боги, да непопустятъ Италїянскїя и Греческїя училища, „ чтобъ наполненъ былъ духъ философскою мудростїю въ томъ, у коего тучное и надутое „ лицо, свѣтлое и полносочное тѣло! Ибо истинный философъ попеченїе о тѣлѣ за самое „ послѣднѣйшее считаетъ.

„ Истинному философу, чтобъ былъ и казался „ философомъ, надлежитъ имѣть помраченные глаза, опаленныя брови, безволосую голову, вдавленныя щоки, блѣдное лицо, тонкое и сухое „ тѣло, умерщвленную плоть, не обутыя ноги, „ худыя олежды, скудную пищу, многое бодрствованїе; и на конецъ жить, какъ Лакедемонянину, и говорить, какъ Греку. Храбраго и „ славнаго полководца клейнодами суть раны „ и рубцы оныхъ; а трудолюбнаго философа „ знакъ, есть строгое житїе. Ибо равно стыдиться долженъ человѣкъ мудрый, услышавъ „ про себя, что онъ жиренъ и красивъ; какъ и „ полководецъ, ежели скажутъ, что онъ трусъ „ и лѣнивъ. Истинно, я хвалю въ философѣ „ старанїе, познавать древности, дабы прешедшее вѣдалъ; прилѣжанїе, описывать тончайшїя вещи къ пользѣ потомковъ; тщанїе, „ преподавать спасительнѣйшїя нравоученїя „ тѣмъ, кои въ настоящей обрѣтаются жизни:

„ и неусыпность въ испытаніи движенія небес-
„ ныхъ тѣлъ, и изслѣдываніи причинъ, отъ
„ которыхъ бываютъ перемѣны въ стихіяхъ:
„ но повѣрь мнѣ, Епезиппъ, ни когда и ни одинъ
„ изъ Греческихъ и Римскихъ мудрецовъ не до-
„ стигъ сего инако, кромѣ однимъ точію иска-
„ ніемъ душевнаго увеселенія, и попраніемъ тѣ-
„ леснаго сластолюбія.

„ Подлинно, въ разсужденіи тѣла, я подо-
„ бенъ безсловеснымъ скотамъ; но въ разсужденіи
„ души сроденъ безсмертнымъ богамъ. И такъ
„ ежели уклоняюсь къ скотскимъ стремленіямъ
„ плоти, то подлѣе самаго себя бываю; но когда
„ ищу и достигаю душевныхъ вещей, то выше
„ самаго себя восхожу. Ибо похотѣніе чувствъ
„ повергаетъ насъ ниже звѣрей; разумъ же возвы-
„ шаетъ паче человѣковъ. Злоба и гордость чело-
„ вѣческая естественно паче желаетъ возвышать-
„ ся, нежели унижаться; паче мыслитъ умно-
„ жаться, нежели умаляться; и наконецъ паче
„ хощетъ повелѣвать, нежели повиноваться.
„ Естьлижъ сіе такъ есть, то для чего мы по-
„ вергаемъ себя ниже звѣрей чрезъ пороки, когда
„ выше человѣчества взойти и возвыситься мо-
„ жемъ чрезъ добродѣтели?

„ Между всѣми дарованіями, которыми спе-
„ сивиться могутъ человѣки, нѣтъ ничего сла-
„ бѣе, и ничего тлѣнію причастнѣе, какъ са-
„ новитость и красота лица, чемъ обыкновенно
„ кичатся. Ибо, по моему мнѣнію, пригожствомъ
„ и дородствомъ спесивиться, есть равно, какъ
„ видѣнными во снѣ превеликими богатствами
„ чваниться, когда пробудясь бѣдными и нищи-
„ ми себя находимъ. Истинну сію можно усмо-
„ трѣть изъ нижеслѣдующихъ словъ моихъ:

„ Коль

„ Коль любезенъ зрѣнію юноша въ цвѣтѣ „ лѣтъ, имѣющій малую голову, желтые волосы, широкое чело, черные глаза, бѣлыя щоки, „ острой носъ, красныя губы, раздвоенную бороду, веселое лицо, круглую шѣю, прямое и „ тонкое тѣло, умѣренныя рамена, долгіе и „ гладкіе персты, и наконецъ толь складные и „ прелестные всѣ члены, что взирающіе на него „ и глаза наслаждаютъ, и любовію въ сердцѣ „ распаляются. Сей толь сановитой и пригожой юноша естьли бы на многіе годы владѣлъ „ постоянною красотою; то и желать и искать, „ и беречь, и величать, и сохранять, и любить оную добро было бы. Ибо, ежели мы красоту въ звѣряхъ и строеніяхъ любимъ; кольми паче справедливѣе желать, дабы оную въ „ самихъ себѣ имѣли.

„ Но что скажемъ? естьли въ самое то время, когда ни мало не думаемъ, тотъ цвѣтокъ, „ который вчера на деревѣ здоровой, цѣлой и „ невредимой пребывалъ, безъ всякаго о упадкѣ „ его опасенія, единой маленькой лихорадки морозъ прижигаетъ, и ни во что обращаетъ; „ единаго злоключенія бурный вѣтръ сшибаетъ; „ непріятельскій мечь посѣкаетъ; осы незапныхъ случаевъ высосаютъ; наводненіе бѣдъ „ разрушаетъ; жаръ гоненій истощаетъ; краткой жизни червь изгрызаетъ и увялшимъ дѣлаетъ; и напослѣдокъ тлѣніе смерти въ землю превращаетъ?

„ О жизнь человѣческая непрерывнымъ подверженная бѣдствамъ! я судьбы свирѣпыми, а „ тебя, о человѣкъ! несчастнымъ называю. Ибо „ по ихъ соизволенію, и твоему несопротивленію, тебѣ только во снѣ веселія и утѣхи гре-

„ зятся, а въ бодрствованіи на яву горести и пе-
„ чали представляются; тягости и досады ко
„ вкушенію въ руки даются, а покой и тиши-
„ на токмо ушами почерпать дозволяются; подъ
„ игомъ несчастія стенать самимъ дѣломъ, а
„ на благоденствіе токмо взирать предлагает-
„ ся; на конецъ жизнь лотомъ, а смерть безъ
„ мѣры вѣсится.

„ Но злонравные и невоздержные говорятъ,
„ яко бы весьма пріятно, провождать жизнь въ
„ роскошахъ и утѣхахъ? я напротивъ того свя-
„ то утверждаю, что ни кто изъ смертныхъ не
„ почерпнулъ ни когда отъ пороковъ толикаго
„ услажденія и пріятности, который бы, по томъ
„ лишась оныхъ, вящшей не почувствовалъ горе-
„ сти и досады. Ибо въ сердцѣ, гдѣ долговре-
„ менное жилище имѣла злоба, непрестанно нѣ-
„ которая неутолимая жажда болѣзнь возбуж-
„ даетъ. О когдабы всѣ открыли глаза̀, и уви-
„ дѣли, сколь мы обманываемся! ибо всѣ утѣ-
„ хи и роскоши пріятнымъ щекотаніемъ тѣла
„ увѣряютъ, аки бы пришли онѣ на вѣчное пре-
„ бываніе съ нами; внезапу однакожъ инымъ пу-
„ темъ убѣгаютъ отъ насъ далече: на противъ
„ того болѣзни и печали, какъ раскаленнымъ
„ желѣзомъ духъ пожигающія, притворяются,
„ будто приходятъ въ гости; но самимъ дѣ-
„ ломъ сожителями и согражданами насильно
„ намъ себя по томъ представляютъ.

„ Не могу довольно надивиться, для чего ты,
„ Епезиппъ, не опасаешся, дабы въ скоромъ време-
„ ни и съ твоею красотою не сдѣлалось того
„ же, что нынѣ видишъ во гробахъ тѣхъ лю-
„ дей, кои уже давно на свѣтѣ жили. Подлин-
„ но, въ садахъ узнаютъ разныя деревья по раз-

„ личію

„ личію плодовъ, какъ то: по желудямъ дубъ, „ по финикамъ финиковое дерево, по вѣтвямъ „ кленъ, по кистямъ виноградную лозу; но ко- „ гда усохнетъ корень, посѣкутъ пень, оберутъ „ плоды, опадаетъ листье, а по томъ бросятъ „ въ огонь и сожгутъ на пепелъ; скажи пожа- „ луй, кто узнаетъ, какого дерева та зола, „ или какое усмотритъ различіе изъ пепелу? „ Сравненіе сіе туда простирается, дабы пока- „ зать, что посреди того времени, когда жизнь „ сея смерти течетъ, и смерть сея жизни про- „ ходитъ, всѣ мы на подобіе деревъ въ саду зе- „ ленѣемъ, и тогда однихъ узнаваютъ по кор- „ нямъ предковъ, другихъ по листьямъ словъ; „ иныхъ по вѣтвямъ чести, другихъ по плодамъ „ богатства; тѣхъ по корѣ безобразіе, сихъ по- „ цвѣтамъ красота; однихъ, яко малорослыхъ „ карловъ, низкость; другихъ, яко исполиновъ, „ высокость; иныхъ, яко стариковъ, сухость; „ другихъ, яко младолѣтныхъ, юношъ полносоч- „ ность; сихъ, яко богатыхъ, плодовитость; „ другихъ, яко убогихъ, бесплодность, видимы „ бываютъ; напослѣдокъ же всѣ мы въ одномъ „ подобны, сирѣчь: что, не выключая никого, всѣ „ идемъ до гроба.

„ Теперь вопрошаю: въ то время когда смерть „ всѣхъ насъ по кончинѣ жизни смѣшаетъ, какое „ между красными и безобразными въ тѣсномъ „ гробѣ будетъ различіе? Истинно, не имѣетъ „ быть ни малѣйшей разности; а естьли какая „ и окажется, то состоять оная будетъ токмо „ въ различіи гробовъ, вымышленныхъ суетными „ человѣками: да и не жаль мнѣ, что суетными „ ихъ называю. Ибо нѣтъ ни чего тщетнѣе, „ какъ то, что человѣки не довольствуясь сует-

„ ностію жизни, и по смерти суеты своея ве-
„ ликолѣпнымъ погребеніемъ память продлить
„ покушаются. По моему разсужденію, кедръ
„ хотя высокой и пригожой, ничемъ однакожъ
„ уголь его свѣтлѣе; а ясень хотя низка и безо-
„ бразна, ни чемъ для того зола ея чернѣе не
„ бываетъ. Чрезъ сіе даю знать, что не рѣдко,
„ попущеніемъ боговъ, честнѣе бываютъ кости
„ убогаго философа, который жилъ строго и
„ бѣдно; нежели Государей, кои жизнь свою про-
„ вели весьма нѣжно и роскошно.

„ Я не стану болѣе стращать тебя смер-
„ тію; ибо ты, поелику нынѣ въ роскошахъ
„ жизни сея погрузился, лучше бы желалъ, чтобъ
„ объ оной и ни одного слова не упоминали: но
„ скажу тебѣ одну, хотя и не пріятную слуху,
„ вещь, сирѣчь, ты созданъ отъ боговъ, дабы
„ умереть; ты рожденъ отъ человѣковъ, дабы
„ умереть; ты родился отъ жены, дабы умереть;
„ ты живешъ въ свѣтѣ семъ, дабы умереть; на
„ конецъ говорю, что нѣкоторые раждаются
„ нынѣ съ тѣмъ, дабы по утру умерли, и другимъ
„ очистили мѣсто. На великихъ и плодоносныхъ
„ деревахъ, когда выходятъ отрасли знакъ есть,
„ что сухія вѣтви отрѣзывать должно: равнымъ
„ образомъ и рожденіе младенцевъ въ фамиліи,
„ есть поспѣшеніе ко гробу дѣдовъ и родителей.

„ Ежели бы кто спросилъ меня: что есть
„ смерть? назвалъ бы я ее пропастью, куда всѣ
„ въ бѣдственной жизни сей низвергаются. Ибо
„ гдѣ кто чаетъ итти безъ малѣйшей опасно-
„ сти, тамъ упадаетъ. Всегда я сіе о мимоше-
„ дшихъ старикахъ читалъ, и часто своими
„ глазами на нынѣшнихъ юношахъ видалъ, да
„ тоже самое и въ грядущіе вѣки, безъ сомнѣ-

„ нія,

„ нія, быть имѣетъ; что кому жизнь весьма
„ сладка, въ двери того нечаянно смерть вхо-
„ дитъ; и вопреки, кто ниже мало не думаетъ
„ о смерти, отъ того жизнь безъ всякаго преду-
„ вѣдомленія убѣгаетъ.

„ О безсмертные боги! Истинно, я не знаю
„ свирѣпымиль или милосердными васъ называть
„ должно: понеже вы плоть и кости, честь и
„ богатства, друговъ и утѣхи намъ даруете;
„ словомъ, все подвергаете человѣческой власти,
„ а конецъ жизни оставляете въ вашей волѣ.
„ Ибо чего хочу, того не могу; а что могу,
„ того желать принужденъ и по необходимости.
„ Однакожъ естьлибы дано мнѣ на выборъ,
„ всѣмъ цѣлаго міра богатствамъ предпочелъ
„ бы я на одинъ токмо день житія безопасность.
„ Ибо какая польза трудиться о умноженіи че-
„ сти и богатства, когда ежедневно по цѣло-
„ му дню уменьшается жизни!

„ Но да возвращусь къ моему намѣренію, си-
„ рѣчь; поелику ты льстишся и любуешся кра-
„ сотою и пригожствомъ, хотѣлъ бы я знать
„ отъ тебя и отъ другихъ младолѣтныхъ и
„ лѣпообразныхъ: или ни когда не приходитъ
„ вамъ на мысль подумать, что будете въ нѣ-
„ которое время гнусными стариками? Ибо,
„ естьли вамъ жить короткое время; то не
„ безъ крайней глупости толь дорого красоту
„ оцѣняете. Понеже весьма чуждо всякаго разу-
„ ма, что жизнь насъ токмо на колѣни пове-
„ ргаетъ, а безуміе (такъ сказать) по землѣ во-
„ лочитъ.

„ Ежели вы, юноши, пріитти до старости
„ помышляете, то должны помнить и ни ког-
„ да не забывать, что въ палатѣ, употребля-

„ емомъ повседневно, безъ всякаго чаянія, сталь
„ мало помалу вырубается. По истиннѣ, юноша
„ ни чемъ отъ новаго палаша не разнствуетъ,
„ въ которомъ по теченію времени однимъ днемъ
„ притупляется острота чувствъ; на другой
„ лишается онъ остроконечія разума; нынѣ те-
„ ряетъ сталь крѣпости силъ; завтра изъѣдаетъ
„ его ржавчина болѣзней; то терзаютъ его не-
„ счастія; то благополучіе наводитъ скуку; сего
„ дня чрезвычайно острой богатства ради; а по
„ утру вовсе убожествомъ вызубясь, ни чего не
„ рубитъ. На послѣдокъ, ежечасто бываетъ, что
„ чѣмъ больше онъ роскошей вытачивается ост-
„ рота, тѣмъ извѣстнѣйшая угрожаетъ опас-
„ ность жизни.

„ Желающему взойтить на юношескія суеты,
„ надобно опираться ногами и руками; но неоспо-
„ римо, что какъ только мало оступимся ногою,
„ тотъ часъ стремглавъ низпадаемъ и низходимъ
„ въ бѣдствія старости. Ибо самая вещь гла-
„ ситъ, что коего знали мы вчера молодаго и
„ пригожаго; того, противъ чаянія, когда по-
„ смотримъ, анъ уже видимъ стараго, и сухости
„ его удивляемся. Коликократно разсуждаю я въ
„ моихъ мысляхъ, взирая на многихъ друговъ и
„ непріятелей, коихъ не за много предъ тѣмъ
„ лѣтъ знавалъ полнотѣлыми и пригожими, и
„ нынѣ вижу ихъ старыми, весьма сухими, не-
„ мощными и безобразными; то думаю, что или
„ они уже не тѣ самые, или мнѣ тогда во снѣ
„ грезились.

„ По истиннѣ, чудно, и ежелибъ такъ сдѣ-
„ лалось только надъ однимъ, какъ дѣлается
„ надъ многими, было бы почти не вѣроятно;
„ сирѣчь, что у бѣднаго человѣка, въ разстояніи

„ малаго

„ малаго времени перемѣняется видъ лица, ис-
„ чезаетъ красота, желтая борода сѣдѣетъ, чер-
„ ная голова плешивѣетъ, щоки и лобъ мор-
„ щатся, глаза темнотою какъ будто занавѣ-
„ сою ослѣпляются, зубы прежде какъ слоновая
„ кость бѣлые шероховатѣютъ и чернѣютъ, на
„ быстротечныя ноги подагра кандалы накла-
„ даетъ, на сильныя рамена паралич нечувствіе
„ возлагаетъ, мягкое и гладкое горло въ мозоли
„ и морщины сѣдается; и тѣло, которое было
„ прямое, кривится, горбатѣетъ, и какъ будто
„ само собой чуждается.

„ Но сверхъ сказаннаго выше, Епезиппъ гор-
„ дящійся красотою, говорю тебѣ еще и то,
„ что который человѣкъ для красоты, пока
„ былъ молодъ, казался всѣмъ какъ чистое зер-
„ кало, въ старости на конецъ такимъ себѣ
„ показывается, что не доумѣваетъ, онъ ли есть
„ или иной кто; такъ самъ себѣ дѣлается не
„ знакомымъ. Безспорно, дѣлай ты, что тебѣ
„ угодно; любуйся и чванься красотою, сколько
„ хочешъ; однакожъ въ младолѣтныхъ красота
„ ни что иное есть, какъ точію завѣса глазъ,
„ пута ногъ, петли рукъ, смола крыльевъ, му-
„ ченіе спокойства, тать времени, причина бѣд-
„ ствій, предмѣтъ зависти, верьхъ невоздержа-
„ нія, и бездна всего зла; словомъ: приманка
„ народа, и ревнивыхъ лютая мука.

„ Когда ты ученія оставилъ, то я не обя-
„ занъ болѣе снабдѣвать тебя деньгами, тѣмъ
„ наипаче, что ты въ самой вещи на дѣтскія без-
„ дѣлицы ихъ расточаешъ. Однакожъ съ Авломъ
„ Вегеномъ посылаю тебѣ на покупку платья двѣ
„ тысячи червонныхъ. И по истиннѣ, будешъ ты
„ весьма нечувствительной, ежели за толикое

 благо-

„ благодѣяніе не окажешь мнѣ благодаренія. Ибо „ пріятнѣйшимъ должно быть учиненное благо„ дѣяніе изъ доброй воли, нежели то, которое „ дѣлается по нуждѣ.

„ Новостей писать къ тебѣ нѣтъ ни какихъ, „ кромѣ; сестра твоя Аннія Саларія вышла за„ мужь, и хвалится, что по мыслямъ супруга „ получила; которой союзъ не разрывнымъ да „ учинятъ боги! Ибо на женидьбу человѣки день„ гами снабдить могутъ; но чтобъ оная уда„ лась по желанію сердца, ни кто, кромѣ боговъ, „ учинить не силенъ. Есть ли желаешъ вѣдать, „ что дѣлаетъ двоюродная твоя сестра Торин„ га; то знай, что она сѣвши на корабль, уѣхала „ съ флотомъ въ Ишпанію; да по истиннѣ я ни „ когда лучше объ ней и недумалъ съ самихъ „ тѣхъ поръ, какъ она три дни на Саларійскомъ „ пути укрывалась. Ибо ежели дѣвица очень „ рано обираетъ (такъ сказать) виноградныя „ кисти, великой есть знакъ, что такая попа„ дется на конецъ и въ солдатскія руки. Анній „ Руфъ другъ и сверстникъ твой уѣхалъ въ „ Понтъ, будучи по Сенатскому указу опредѣ„ ленъ для правленія тамошнимъ островомъ. „ Онъ хотя еще молодъ, однакожъ человѣкъ ра„ зумной; и для того уповаю, что возложенную „ на него должность будетъ отправлять по„ хвально. Понеже есть ли бы между ослабѣваю„ щими стариками и мудрыми юношами поз„ воленъ былъ выборъ; то я лучше юноше„ скую мудрость, нежели старческую сѣдину „ избралъ бы.

„ Кланяется тебѣ супруга моя Фавстина, „ которая чрезвычайно о пользѣ твоей у меня „ ходатайствуетъ, и повседневно уговариваетъ,

„ чтобъ

„ чтобъ я на тебя не сердился; сказывая, что
„ разумнымъ людямъ на юношескія легкомыслія
„ взирать не должно: и что нѣтъ ни одного
„ мудраго старика, который бы не хорошо пред-
„ ставлялъ лице юноши въ своемъ младолѣт-
„ ствѣ.

„ Болѣе ни чего не пишу, токмо, ежели ты
„ будешъ добродѣтеленъ, я ни когда не отре-
„ кусь, что ты племянникъ, старой питомецъ
„ и ученикъ мой; и когда увижу твое исправ-
„ леніе, то отложу и гнѣвъ вовсе: Ибо между
„ тѣми, кои взаимно другъ друга любятъ,
„ нѣтъ инаго средства, котороебъ истребило
„ изъ сердца заслуженное негодованіе, какъ то-
„ чію развратнаго и беззаконнаго житія исправ-
„ леніе. Сіе писать къ тебѣ преклоненъ я прозь-
„ бами Фавстины. Теперь остается одно то,
„ чтобъ отъ нее и отъ меня засвидѣтельство-
„ валъ ты академическимъ учителямъ почтеніе
„ наше. Въ прочемъ, препоручаю тебя въ сохра-
„ неніе боговъ, дабы помощію ихъ ты житіе свое
„ исправилъ. Маркъ Императоръ римскій Аннію
„ Епезиппу писалъ собственною рукою.

ГЛАВА ТРЕТЬЯНАДЕСЯТЬ.

Въ древнія времена великіе Государи и Князи мудрыхъ людей съ крайнимъ тщаніемъ сыскивали, и содержали въ любви и милости.

Между тѣми вещми, коими древнія времена прославились, и правители оныхъ пріобрѣли безсмертное имя, было какъ тщаніе Государей въ сыскиваніи и присоединеніи къ себѣ мудрыхъ людей, такъ и послушаніе подданныхъ въ исполненіи ихъ

совѣтовъ. Ибо мало пользы, естьли царь ведетъ полкъ мудрецовъ къ правленію самаго себя и царства; но подданные вооружены злобою непослушанія. Государи, совѣты мудрыхъ людей маловажными почитающіе, пусть будутъ увѣрены, что и самихъ ихъ повелѣнія презирать стануть. Ибо закону, паче на насиліи, нежели на справедливости основанному, ни какого повиновенія отдавать не должно.

Мы разгибая и проходя древнія исторіи, хотя не въ состояніи воспротиворѣчить, что Римляне были гордые отъ природы; но того оспорить не можемъ, что они сколь въ военныхъ дѣйствіяхъ свирѣпо, столь въ государственномъ правленіи кротко и умѣренно поступали: въ чемъ, по истиннѣ, Римъ изъявилъ свое могущество и мудрость. Ибо какъ храбрые и мужественные полководцы непріятелей истребляютъ во время войны, такъ мудрые и разумные мужи управляютъ подданными во время мира.

Часто я самъ въ себѣ разсуждаю, откуда между подданными и правительствами, Государями и вельможами, толикое несогласіе происходитъ: и уважа съ обѣихъ сторонъ, нахожу, что и тѣ и другіе на справедливости утверждаются. Ибо подданные вопіютъ на Государей за малое къ нимъ благопризрѣніе; а Государи жалуются о премногомъ непослушаніи, которое они обрѣтаютъ въ подвластномъ народѣ. Понеже неповиновеніе спутешествуетъ злобѣ, а повелѣніемъ предводительствуетъ жадность. Толико возрасла въ послушаніи сопротивность, толь необузданная и стремительная учинилась въ повелѣніяхъ суровость, что подчиненнымъ иго подданства свинцовое, а Государямъ и правите-

лямъ взаимно и противъ лѣтающаго комара обнаженной мечь потребенъ кажется. Сей общей зловредности единственнымъ источникомъ есть то, что Государи не имѣютъ при себѣ мудрыхъ людей, отъ которыхъ бы могли тайно получать совѣты. Ибо ни одинъ Государь добродѣтельнымъ не былъ, злыхъ совѣтниковъ употребляя; не былъ ни одинъ Государь злонравнымъ, который употреблялъ и слушался совѣтниковъ добрыхъ.

Въ Государяхъ и верховныхъ священнаго сана людяхъ, несущихъ на себѣ опеку душъ, двѣ обрѣтаются вещи: достоинство званія и качество лица. Слѣдовательно; статься можетъ, что иной будетъ самолично доброй, но въ правленіи худой; и во преки, доброй въ правленіи, и худой самолично. И для того говаривалъ Туллій: „ни когда не было и не будетъ или равнаго Іулію цесарю, что принадлежитъ до собственнаго его лица, или толь худаго правителя, какъ онъ былъ, что касалось до Государства. По истиннѣ, великое добро, Государю быть добродѣтельнымъ мужемъ. На противъ того великое зло, быть худымъ человѣкомъ; но гораздо вреднѣе, быть худымъ Государемъ. Ибо злой человѣкъ себѣ только золъ; но худой Государь, и себѣ и прочимъ золъ бываетъ. Чѣмъ ширѣ ядъ по тѣлу разливается, тѣмъ скоряе жизнь прерываетъ: равнымъ образомъ, чѣмъ сильняе кто въ государствѣ бываетъ, тѣмъ вящшей беззаконною жизнію вредъ наноситъ.

Я незнаю, для чего великіе Государи и Князи не прилагаютъ усерднаго попеченія о снисканіи мудрыхъ людей къ правленію царствъ и областей, естьли безконечно тяжчайшій вредъ отъ

отъ худаго правленія, нежели отъ болѣзни самаго царя или правителя въ государствѣ происходитъ. Доселѣ, истинно ни читали, ниже видѣли мы, чтобъ за недостаткомъ врачей или самъ царь, или царство его погибло; но за скудостію мудрыхъ совѣтниковъ бесчисленные цари пришли въ упадокъ, и премногія царства опустѣли, и вконецъ разорились. За неимѣніемъ врача одинъ токмо человѣкъ будетъ въ опасности находиться; но за лишеніемъ разумнаго мужа великое въ народѣ можетъ произойти несогласіе. Ибо въ то время, когда посреди гражданства нѣкоторое вскипаетъ смятеніе, больше воспользуетъ одинъ здравой и благовременной совѣтъ, нежели сто чистительныхъ ревеня пріемовъ.

Исидоръ въ четвертой книгѣ Этимологій или начальныхъ произхожденій утверждаетъ, что римляне четыресто лѣтъ безъ врачей жили. Понеже Ескулапій, Аполлоновъ сынъ, послѣдній врачь былъ въ Греціи, и Архагату преславному медику во храмѣ Ескулапіевомъ поставлена статуя. Ибо римляне къ оказавшимъ услуги толь благодарны были, что превосходному въ какомъ либо знаменитомъ дѣлѣ мужу или давали награжденіе деньгами, или сооружали въ память статую, или жаловали право дворянства. А какъ состарѣвшись Архагатъ, и собравши великія богатства, по причинѣ неисцѣльныхъ язвъ и поврежденій, болящимъ отрѣзалъ руки и ноги, и сіе чрезвычайнымъ мучительствомъ показалось римлянамъ; то безъ милосердія, вытащивъ его изъ дому, каменьемъ на Марсовомъ полѣ убили: чему ни кто дивиться не долженъ. Ибо легшая иногда бываетъ мука, въ болѣзни припадки терпѣть;

тѣть; нежели употребляемыхъ лѣкарями лютыхъ средствъ отвѣдать. Но пусть, кто хочетъ, говоритъ, что въ тѣ поры, когда Римъ не имѣлъ врачей, Римляне были бѣдные и отчаянные; а я подтверждаю, что ни когда не было толь благополучныхъ временъ, какъ тѣ четыреста лѣтъ, въ кои безъ врачей они жили. Ибо тогда Римъ погибъ, какъ по принятіи врачей, изгнали и уничтожили философовъ.

Я говорю сіе не съ тѣмъ, аки бы ругалъ врачей, или думалъ удалить ихъ отъ Государей; поелику слабость плоти нашея требуетъ вседневнаго подкрѣпленія и помощи; да и въ самомъ дѣлѣ мудрые и разумные врачи ни что иное суть, какъ добрые совѣтники. Ибо они несовѣтуютъ намъ ни чего инаго, кромѣ точію, дабы мы въ пищѣ, питіи, снѣ, хожденіи и прочихъ дѣйствіяхъ были трезвы и наблюдали умѣренность.

Говорится же сіе на тотъ конецъ, дабы настоящими разсужденіями склонясь высокіе Монархи, и Князи, нѣкоторую частицу величайшаго своего старанія, каково къ сниканію врачей прилагаютъ; и премногихъ денегъ, кои на жалованье и содержаніе ихъ истощаютъ, употребляли на исканіе мудрыхъ людей, для совѣта и помѣщенія ихъ въ придворное правительство. Понеже естьли бы разумѣли смертные, коль полезно имѣть разумнаго домостроителя; то на покупку единаго точію мудраго человѣка, всѣхъ богатствъ своихъ не пожалѣли бы. Весьма достойны сожалѣнія великіе Государи и Князи, кои многіе въ мѣсяцѣ дни, и многіе во днѣ часы теряютъ, бесѣдуя о войнахъ, строеніяхъ, оружіяхъ, пированіяхъ, звѣряхъ, охотахъ, медицинѣ, и временемъ о чужихъ похожденіяхъ,

деніяхъ, съ людьми мудростію и добродѣтелію неодаренными, кои ни въ тонкость разсуждать, ни разумно ограничивать не умѣютъ.

Не рѣдко случается, что Государь предлагаетъ нѣкоторую вещь на разсужденіе въ присутствіи такихъ людей, кои о томъ не токмо ни гдѣ не читали, но ниже слышали; однакожъ предпринимаютъ не меньшую смѣлость, или, справедливѣе сказать, упорство, ограничивать ту задачу такъ, будто бы они цѣлую жизнь въ ученіи иждили: чему бываетъ причиною грубость и безстыдство. Понеже ближайшимъ другамъ передъ Государями съ позволенія говорить можно; но хотя они други, и дано ли или не дано позволеніе, упрямо однакожъ защищать имъ свое мнѣніе не вольно. Елій Спарціанъ въ житіи Александра Севера повѣствуетъ, что оной Императоръ нѣкогда Греческому посланнику на вопросъ: какая вещь найбольшую въ Римѣ причиняетъ ему досаду? отвѣтствовалъ: „ меня ни „ что не оскорбляетъ вящше, какъ ежели мнѣ„ нію моему упорно противорѣчатъ мои вель„ можи. Я не досадую и не гнѣваюсь за слово„ преніе, коимъ вещь дѣлается явственнѣе; но „ что иной, хотя нимало не основательно его „ разсужденіе, крайнѣ однакожъ упрямствуетъ „ въ ономъ. Ибо кто говоритъ съ доказатель„ ствомъ, того упорнымъ назвать не можно.

Ѳеодосій Великій Императоръ будучи нѣкогда вопрошенъ: „ какъ надлежитъ поступать „ Государю, чтобъ былъ добрымъ? отвѣтствовалъ: „ украшенному добродѣтелію и мудро„ стію Государю, когда идетъ, спутешество„ вать должны мудрые люди, бесѣдуя съ нимъ „ и разсуждая; когда кушаетъ, у стола пред-

„ стоять

„ стоять должны мудрые люди, производя сло-
„ вопрѣнїе, когда отходитъ на уединенїе, при-
„ сутствовать должны мудрые люди, съ коимибъ
„ могъ онъ читать нѣчто; словомъ: сколько ни
„ остается празднаго времени, въ совѣтахъ съ
„ мудрыми людьми препровождать должно. Ибо
„ не столько безразсудное дѣло, выттти безъ
„ оружїя на брань солдату, сколько безъ совѣта
„ мудрыхъ людей управлять обществомъ Госу-
„ дарю.

Лампридїй въ книгѣ о дѣлахъ Римскихъ повѣствуетъ, что Маркъ Аврелїй Императоръ, когда кушалъ или ложился спать, или вставалъ съ постѣли, или путешествовалъ, какъ публично, такъ и приватно, не шутовъ; но всегда ученыхъ и отмѣнно добродѣтельныхъ мужей при себѣ имѣть желалъ: дѣлая сїе, по истиннѣ, разумно. Ибо ничего или шутя, или въ правду желать и дѣлать въ свѣтѣ семъ не возможно: чтобъ не лучше оное совершилъ человѣкъ разумной, нежели глупой. Въ несчастїи, не лучше ли возможетъ утѣшить Государя человѣкъ мудрой священнаго писанїя словами, нежели муракъ смѣхотворными рѣчами? въ благополучїи, не полезнѣель будетъ, сохраненїя ради онаго, имѣть обращенїе съ мудрымъ человѣкомъ, нежели ввѣриться коварному шуту? въ недостаткѣ казны, не лучшели мудрой человѣкъ ко отвращенїю онаго способы покажетъ; нежели дуракъ, который самъ къ испрашиванїю ея отверстой зѣвъ имѣетъ? естьли пожелаетъ Государь нѣкоего увеселенїя, не лутчели всю печаль разобьетъ рѣчьми своими человѣкъ ученой, расказывая изъ древности прїятнѣйшїя исторїи; нежели шутъ болтая срамныя слова, или еще

 произнося

произнося и досадительныя настоящихъ временъ насмѣшки?

Что сказалъ я о врачахъ, то самое говорю о шутахъ и смѣхотворцахъ. Я не запрещаю употреблять ихъ препровожденія ради времени; хотя справедливѣе можетъ сказать, что они къ погубленію паче, нежели къ препровожденію служатъ. Ибо по достоинству то время потеряннымъ именуется, которое ни на богослуженіе, ни къ пользѣ ближняго иждивается. Истинно я удивляюсь, или лучше сказать, досадую, несколько на то, что у знаменитыхъ особъ въ толикой милости находятся дураки и шуты; сколько о томъ, что толь мало благопризрѣнія и чести имѣютъ мудрые и разумные люди. Ибо крайнѣ не справедливо, что въ царскихъ дворахъ дураковъ даже и въ самую спальню, а мудраго человѣка едва и на крыльцо допускаютъ; такъ что передъ тѣмъ всѣ отверсты двери, а другому и ни однѣ не отпираются.

Мы живущіе нынѣ, по достоинству хвалимъ тѣхъ, кои прежде насъ были; не иной ради причины, какъ что въ мимошедшихъ вѣкахъ, когда превеликой имѣлся недостатокъ людей мудрыхъ, и повсемѣстно довольное число находилось варваровъ; самые тѣ варвары весьма дорого цѣнили, и въ крайнемъ почтеніи содержали людей ученыхъ. Ибо въ Греціи чрезъ многое время продолжался такой обычай, что предъ мимоидущимъ философомъ Грекъ приставалъ, и бесѣдуя съ онымъ несадился. Напротивъ того, сколько ни будетъ послѣ людей въ свѣтѣ, насъ живущихъ нынѣ, ругать станутъ, потому что хотя теперь толикое множество мудрыхъ людей обрѣтается, и не между варварами; но между хри-

стіянами

стїянами жизнь провождаютъ; досадно смотрѣть, и срамно сказать, въ коликомъ презрѣнїи ихъ содержатъ. Ибо нынѣ, грѣховъ ради нашихъ, не тѣ, кои просвѣщены знанїемъ наукъ; но кои снабдѣны изобилїемъ богатствъ, по большой части царствуютъ въ обществѣ. И я незнаю, мудрость ли ихъ уже повредила, или свѣтъ потерялъ весь вкусъ оныя: понеже едвали сыщешъ нынѣ ученаго человѣка, комубъ довольно было одной мудрости къ препровожденїю житїя честнo, такъ чтобъ для пропитанїя своего здѣлаться удальцомъ принужденъ не былъ. О свѣтъ! свѣтъ! я невижу, коимъ бы образомъ вырваться изъ твоихъ рукъ, или избѣгнуть бѣдствїй могъ человѣкъ простой и неученой; естьли ученымъ и разумнымъ людямъ чуть достаетъ во всей премудрости ихъ обороны къ достиженїю спокойнаго пристанища. Ибо мудрецы свѣта сего, сколько ни учены, лишаются однакожъ того способа, чтобъ быть безопасными отъ твоей злости.

Коликократно я читаю, что въ древнихъ вѣкахъ дѣлалось; и вижу что въ нынѣшнїя времена дѣлается; то весьма сомнѣваюсь, съ вящшимъ ли попеченїемъ прежнїе цари сыскивали людей мудрыхъ, употребленїя ради ихъ совѣтовъ; или съ большею жадностью настоящїе Государи роютъ подземные проходы и открываютъ рудныя жилы, умноженїя ради сребра и злата: но да скажу, какого я о семъ мнѣнїя; пусть повѣрятъ мнѣ всѣ правители обществъ. Государь ли онъ, или намѣстникъ, или ближайшїй другъ Царскїй, что будетъ нѣкогда время, въ которое они лучше пожелаютъ имѣть при себѣ одного совершенно мудраго человѣка, неже-

ли всѣ накопленныя ими сокровища. Понеже здравой совѣтъ никогда безъ пользы; а великое сокровище никогда безъ страха погибели не бываетъ.

Въ древнія времена, умирая знаменитые Государи, ежели царства въ наслѣдіе оставляли сыновьямъ своимъ, коихъ за младолѣтствомъ видѣли еще неспособныхъ къ правленію государства; то больше пеклись о томъ, какихъ приставить къ нимъ учителей для наставленія ихъ правиламъ добродѣтелей, нежели какихъ учредить намѣстниковъ, умноженія ради богатствъ и доходовъ. Ибо государство златомъ и сребромъ какъ ни будь защитить можно, управлять однакожъ онымъ не льзя безъ помощи добрыхъ совѣтовъ. Младые Государи обыкновенно во многихъ погружаются порокахъ, къ которымъ отъ части склоняютъ лѣта, а отъ части недопускаетъ честность; но пороки ихъ тѣмъ наипаче бываютъ вредительны, ежели не имѣютъ при себѣ мудрыхъ людей, коихъ бы пользуясь здравыми совѣтами, могли остерегаться оныхъ. Ибо они по причинѣ младолѣтства, науки; а неограниченной ради вольности, наказанія не пріемлютъ.

Имѣть при себѣ мудрыхъ людей, для употребленія ихъ совѣтовъ, бесконечно нужнѣе Государямъ; нежели кому либо изъ всѣхъ подданныхъ. Ибо они на открытомъ мѣстѣ и предъ глазами всѣхъ обращаясь, меньшую имѣютъ вольность къ погрѣшенію, нежели каждой изъ подданныхъ: потому что естьли они каждаго смотрятъ, и всѣхъ судить власть имѣютъ; то и самихъ ихъ всѣ безъ позволенія нетокмо смотрятъ, но еще и осуждаютъ. Хотя Государи со вниманіемъ разсуждать должны, кому ввѣ-

рить

рить правленіе царствъ, кому поручить войско, кого отправить къ иностраннымъ въ посольство, кому отдать исправленіе и наблюденіе доходовъ; гораздо однакожъ тщательнѣе надлежитъ имъ разсматривать и уважать, кого должно избирать себѣ въ други и совѣтники. Ибо какое въ домѣ и совѣтѣ царскомъ собраніе, такое у иностранныхъ и подданныхъ будетъ о немъ мнѣніе.

Ежели Государи повседневно и противъ желанія слушаютъ и увѣдомляются о житіи всѣхъ подданныхъ своея области; то для чего изъ доброй воли не разсматриваютъ и не поправляютъ собственнаго дому? пускай же вѣдаютъ буде не знаютъ, что отъ непорочности вельможъ, прозорливости совѣтниковъ, собственной ихъ мудрости, и добраго расположенія двора, всеобщее благоденствіе зависитъ. Ибо статься не возможно, чтобъ на вѣтвяхъ были зеленые листы, ежели коренье дерева усохло.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯНАДЕСЯТЪ.

Ѳеодосій Императоръ умирая, завѣщалъ Аркадія и Онорія сыновей своихъ воспитывать и учить между людьми мудрыми. Нѣкотораго опекуна и философа разговоръ. Десять родовъ порочныхъ людей, коихъ къ царскому двору не допускать, и отъ онаго отрѣшать должно.

Игнатій историкъ въ книгѣ написанной имъ о двухъ Ѳеодосіяхъ, трехъ Аркадіяхъ, и четырехъ Онорiяхъ, повѣствуетъ, что великій Ѳеодосій на пятидесятомъ житія, и первомъ надесятъ году царствованія своего, когда приблизился

жился къ смерти. которою вскорѣ по томъ и скончался, призвавъ къ себѣ Аркадія и Онорія сыновей своихъ, далъ имъ наставниковъ и правителей государственныхъ Стиликона и Руфина. Ибо хотя давно уже, еще прежде смерти, назначилъ сыновей кесарями, гораздо младолѣтныхъ, изъ коихъ ни одинъ не имѣлъ болѣе семнатцати лѣтъ возраста; но понеже старику, смотря по лѣтамъ, казались они къ правленію толь многихъ и толикихъ областей не способны, то приставилъ къ нимъ опекуновъ и воспитателей.

Ето не всегда бываетъ, чтобъ дватцатипятилѣтный былъ разумнѣе и къ правленію царствъ способнѣе другаго, имѣющаго токмо семнатцать лѣтъ отъ рожденія. Ибо повседневное изскуство увѣряетъ, что нѣкоторыхъ десяти лѣтъ почитаютъ и хвалятъ; а другихъ и сороколѣтныхъ ругаютъ и хулятъ. Многихъ сыщешъ Государей, въ коихъ съ цвѣтущею юностію сопрягается купно зрѣлость ума: на противъ же того, нѣкоторые Государи, подлинно, лѣтами стары; но разумомъ маленькіе отроки. По смерти Веспасіана Императора, добродѣтельнѣйшаго Государя, старались о полученіи Императорскаго престола сынъ его Титъ, и другой старой сенаторъ. И понеже въ Титѣ ни какого не обрѣталось недостатка, кромѣ что весьма былъ молодъ; то когда съѣхались въ Сенатъ для подаванія голосовъ, нѣкоторый сенаторъ Рогерій Патроклъ сказалъ: „ Истинно; я лучше желаю Государя „ младолѣтнаго и разумнаго, нежели стараго, „ да глупаго. „ Но да возвращусь къ сынамъ Өеодосія; нѣкоторымъ днемъ Стиликонъ Аркадіевъ попечитель съ премудрѣйшимъ Греческимъ философомъ,

ѳомъ, по имени Епимундомъ, разговаривая сказалъ: „ Ты извѣстенъ Епимундъ, что не съ нынѣшняго времени между собою другъ другу мы „ знакомы, и оба служимъ при дворѣ Государя „ моего Императора Ѳеодосія, по смерти коего „ мы еще въ живыхъ остаемся. Но сколько было „ бы лучше, естьлибы онъ жилъ, а мы умерли „ прежде! ибо могущихъ быть министрами у „ Государей, много; но такихъ, чтобъ добродѣ„ тельными Государями были, весьма мало. Ис„ тинно, ни что мнѣ въ жизни огорчительнѣе „ быть не можетъ, какъ частыя премѣненія Го„ сударей. Понеже видѣвшій въ жизни своей мно„ гихъ Государей, многія видалъ при томъ пере„ мѣны и бѣды въ государствѣ. Ты вѣдаешь, „ что Государь мой Ѳеодосій уже почти умирая, „ слѣдующія ко мнѣ слова, слова, говорю, части„ ми вздохами прерываемыя, съ пролитіемъ изо„бильнѣйшихъ слезъ промолвилъ: видишъ, Сти„ликонъ, я уже умираю, и готовъ преселить„ся въ другой свѣтъ, гдѣ надобно будетъ мнѣ „ воздать совершенной отвѣтъ о всѣхъ, коими „ господствовалъ, царствахъ. Чего ради когда „ о грѣхахъ моихъ разсуждаю, то великимъ „ ужасаюсь страхомъ; но когда помышляю о „ милосердіи Божіемъ, то гораздо вящшимъ обо„ дряюсь упованіемъ. Хотя же праведно есть, „ полагать надежду на милосердіе Божіе; стра„ шнаго однакожъ правосудія его боятся должно. „ Ибо христіанское благочестіе такъ, какъ мы „ Государи дѣлаемъ, жить въ свѣтѣ семъ рос„ кошно, и надѣятся по томъ, не принесши „ найстрожайшаго удовлетворенія, прямо и без„ препятственно вселиться въ рай, вовсе не „ дозволяетъ.

„ Когда прилѣжно разсуждаю премногія, отъ
„ Бога полученныя благодѣянія: когда простру
„ вниманіе о премногихъ, содѣланныхъ мною
„ грѣхахъ; когда помышляю о премногихъ лѣ-
„ тахъ, которыя на свѣтѣ прожилъ; когда поду-
„ маю, коль мало сотворилъ добрыхъ дѣлъ и
„ принесъ пользы; когда оглянусь, коль бесплод-
„ но иждилъ прошедшее время; то отъ части
„ не хотѣлъ бы умирать, понеже боюсь явится
„ предъ судомъ Христовымъ; а отъ части не
„ желалъ бы болѣе жить, поелику нѣтъ уже
„ во мнѣ ни какой надобности. Для чего жъ без-
„ законнующій человѣкъ долѣе жить на свѣтѣ
„ желаетъ? теперь уже конецъ и предѣлъ
„ моея жизни, и къ исправленію оной кратчай-
„ шее остается время. Но понеже Богъ ничего
„ не требуетъ, кромѣ сокрушенія сердечнаго; то
„ я всѣмъ сердцемъ покаяніе приношу, и молю
„ его о премѣненіи правосудія на милость. Ибо
„ за множествомъ грѣховъ нашихъ, да даруетъ
„ намъ вѣчную свою славу, необходимо надобно
„ Богу превеликой недостатокъ человѣческой
„ наполнять отъ собственныя своея благости.

„ Я свидѣтельствуюсь, что умираю въ свя-
„ той православной вѣрѣ, и душу мою Богу,
„ тѣло землѣ; а вамъ, Стиликонъ и Руфинъ,
„ вамъ говорю, вѣрнымъ министрамъ, любезнѣй-
„ шихъ сыновей моихъ вручаю. Ибо горячнѣйшей
„ къ чадамъ отеческой любви великое есть до-
„ казательство, что онъ и посреди болѣзней
„ смертныхъ забыть ихъ не можетъ. Въ прочемъ,
„ объ одномъ васъ молю, одного отъ васъ требую,
„ одного прошу, и одно вамъ завѣщаваю, сирѣчь:
„ не замышлять о распространеніи сынамъ моимъ
„ царствъ и областей; но все тщаніе прила-

„ гать точію о присоединеніи къ нимъ добрыхъ министровъ. Ибо я не инымъ способомъ толь многія и толикія пріобрѣлъ и сохранилъ царства; какъ тѣмъ, что имѣлъ въ кругъ себя мужей, разумомъ и добродѣтелію сіяющихъ. Великая польза, Государю имѣть храбрыхъ на брани полководцовъ; но гораздо полезнѣе имѣть въ домѣ своемъ людей мудрыхъ. Ибо на сраженіи побѣда заключается въ крѣпости силъ многаго народа; но правленіе государства иногда препоручается мудрости и произволенію единаго человѣка.

„ Сіи толь важныя и подобострастій наполненныя слова произнесъ ко мнѣ Государь мой Θеодосій. Чтожъ теперь, думаешъ, Епимундъ, надлежитъ мнѣ дѣлать, дабы исполнить его завѣщаніе? Ибо онъ ничего болѣе не помышлялъ въ своемъ сердцѣ, кромѣ точію, разорятъ ли, или распространятъ Государство сыны его. Ты Епимундъ, природою Грекъ, философъ, человѣкъ разумной, старой придворной министръ, и мнѣ вѣрной другъ. Итакъ изъ сихъ причинъ каждая тебя обязуетъ, помогать мнѣ добрымъ и полезнымъ совѣтомъ. Ибо я часто слышалъ отъ Государя моего Θеодосія, что не того мудрымъ называть должно, кто многія или имѣетъ, или прочелъ книги; но кто искусенъ въ благовременномъ подаваніи здравыхъ совѣтовъ.

Тогда отвѣтствовалъ Епимундъ слѣдующимъ образомъ: „ Не безъизвѣстно тебѣ, Стиликонъ, что древніе и знаменитые философы оставили намъ такое правило, по которому истиннымъ философамъ въ словахъ скупыми, а въ дѣлахъ щедрыми быть надлежитъ; А

„ инако, много говорить, и мало дѣлать, при-
„ личнѣе неистовому тиранну, нежели Гречес-
„ кому философу. Θеодосїй ИмператорЪ былЪ
„ твой Государь, а мой другЪ. Я называю дру-
„ гомЪ вЪ разсужденїи вольности Греческаго фи-
„ лософа, который не раболѣбствуетЪ ни какому
„ властителю. Ибо не можетЪ тотЪ назваться
„ философомЪ, который уста ко обличенїю по-
„ роковЪ заключенныя имѣетЪ.

„ ВЪ одномЪ понравился мнѣ Θеодосїй паче
„ всѣхЪ прежде бывшихЪ вЪ Римской Имперїи Го-
„ сударей, сирѣчь, что о всѣхЪ дѣлахЪ весьма
„ хорошо разсуждалЪ, говорилЪ, и вЪ исполне-
„ нїи оныхЪ крайнѣ былЪ усерденЪ. Ибо вЪ томЪ
„ найбольше Государей винить должно, что они
„ сЪ крайнею горячностїю на словахЪ пороки и до-
„ бродѣтели выражаютЪ; но сЪ превеликою хо-
„ лодностїю оныя наказываютЪ и исполняютЪ.
„ Понеже такого сложенїя Государи ни постоянно
„ пребывать вЪ добродѣтели, которую они хва-
„ лили; ни воспротивиться порокамЪ, кои охуж-
„ дали, ни какЪ не могутЪ. По истиннѣ, я при-
„ знаваю, что Θеодосїй былЪ Государь весьма
„ правосудной, милосердной, великодушной,
„ строгой, благодарной, и на конецЪ во всѣхЪ
„ случаяхЪ и временахЪ пресчастливой. Понеже
„ добродѣтельнымЪ и счастливымЪ ГосударямЪ
„ не токмо по желанїю сѣрдца многїя случаются
„ удачи; но еще временемЪ и паче надежды сча-
„ стїе служитЪ.

„ Но хотя то справедливо, какЪ и самая
„ вещЪ гласитЪ, что во всѣ времена счастїе Θео-
„ досїю служило; весьма однакожЪ я сомните-
„ ленЪ, прострется ли оное по порядку и на дѣ-
„ тей его. Ибо счастїе смертныхЪ на толь ко-

„ловратномЪ

„ловратномъ шаръ кружится, что въ сожитіи „и одного человѣка тысячу кратъ перемѣняется „на каждую минуту; и кто поручится, что „съ другимъ наслѣдникомъ постоянно и непоколебимо пребудетъ? Отъ кроткихъ и смирныхъ „коней обыкновенно плодятся сердитыя и лягливыя лошадки; равнымъ образомъ и отъ добротельныхъ отцовъ раждаются злонравныя и „своеобычливыя дѣти. Ибо не сообразныя родителямъ чада то только, что подлѣ, сирѣчь, богатства въ наслѣдіе пріемлютъ; а самаго лучшаго, „то есть, благородства духа лишаются.

„Истинно, какъ о умершемъ отцѣ, такъ и „объ оставшихъ сынахъ я такого мнѣнія; что „Ѳеодосій былъ весьма добродѣтеленъ, а сыны „и къ добру, и къ злу склонны: чего для время уже тебѣ нынѣ наставлять ихъ на путь, „дабы и они добродѣтельными были. Ибо младолѣтный Государь въ превеликой опасности „находится, ежели отъ отрочества идетъ по „пути заблудительномъ. Не для чего мнѣ, „Стиликонъ, подробнѣе говорить о Аркадіи и „Оноріи; и ты не думай, чтобъ я въ семъ случаѣ „распространялся въ даль съ моими разсужденіями. Понеже о Государяхъ говорить весьма „опасно; коихъ какъ добрыя дѣла похвалять „намъ вольно, такъ напротивъ того погрѣшности скрывать необходимо нужно.

„Ѳеодосій, какъ мудрой отецъ, просилъ тебя, дабы ты воспитавъ сыновей его въ найлучшемъ ученіи, присоединилъ къ нимъ друзей „добронравныхъ; а я, какъ пріятель, совѣтую „остерегать отъ злонравныхъ: потому что хотя равное есть зло, пристать въ шайку беззаконныхъ и удалить отъ себя добродѣтель-

„ныхъ;

„ ныхъ; больше однакожъ вреда присутствіе
„ злыхъ, нежели отсутствіе добрыхъ причи-
„ няетъ. И можетъ статься, что иной живу-
„ чи безъ сообщенія съ добрыми, самъ доброде-
„ телень будетъ; но обращаясь съ непотребными,
„ чтобъ былъ самъ кто добрымъ, я очень сомнѣ-
„ ваюсь. Ибо въ тотъ день, когда принимаетъ
„ кто къ себѣ людей порочныхъ, обязуется и
„ самъ быть соучастникомъ пороковъ.

„ Чего ради, ежели ты, Стиликонъ, испол-
„ нить завѣщаніе Государя твоего Ѳеодосія то-
„ лико желаешъ, и буде паче чаянія того сдѣ-
„ лать не возможешъ, чтобъ Аркадій и Онорій,
„ младолѣтные Государи, жили и обращались съ
„ добродѣтельными; то покрайней мѣрѣ удаляй
„ отъ нихъ злонравное сообщество. Ибо въ до-
„ махъ царскихъ злонравные люди ни что иное
„ суть, какъ попечители, коихъ тамъ содер-
„ житъ свѣтъ, дабы они вмѣсто лавочныхъ
„ сидѣльцовъ служили порокамъ. Поелику оба
„ мы видали въ Римѣ изъ разныхъ націй (такъ
„ называемыхъ) практиковъ, кои забывъ дѣла
„ своихъ Государей, въ роскошахъ токмо и без-
„ чиніяхъ упражнялись непрерывно; то не ста-
„ ну я говорить, какіе въ древнія времена были
„ царскіе министры: ибо какими быть имъ
„ должно, всякой удобно разсудить можетъ: а
„ токмо предложу не о томъ, какіе съ Госуда-
„ рями дружески обращаться должны; но ка-
„ кихъ въ царскомъ домѣ и терпѣть не надле-
„ житъ. Ибо министры и други царскіе толь
„ совершенными быть должны, чтобъ ни ножни-
„ цами (такъ сказать) нѣчего было отрѣзать
„ отъ ихъ жизни, ни въ наперсткѣ и иглѣ къ
„ зашиванію и починкѣ славы ихъ не имѣлось

„ нужды,

„ нужды. Естьлиже, Стиликонъ, выслушалъ ты
„ все сказанное мною; то послушай теперь, что
„ я далѣе говорить буду, и затверди въ памя-
„ ти; может быть оно со временемъ тебя вос-
„ пользуетъ:

„ Въ домахъ царскихъ не токмо пользоваться
„ Государевою дружбою; но и обращатся не дол-
„ жны люди ГОРДЫЕ И СПЕСИВЫЕ. Ибо весьма не
„ пристойно, ближайшими другами царскими быть
„ тѣмъ, кои ни ласковыхъ и прïятныхъ словъ,
„ чтобъ хорошо повелѣвать; ни кроткихъ и поко-
„ ривыхъ сердецъ, чтобъ повелѣнïя исполнять,
„ не имѣютъ.

„ При царскихъ домахъ не токмо быть въ чис-
„ лѣ искреннихъ друговъ; но и жить не должны
„ люди ЗАВИСТЛИВЫЕ. Ибо ежели посреди вель-
„ можъ царствуетъ зависть; непрестанныя какъ
„ во дворѣ, такъ и въ государствѣ будутъ несо-
„ гласïя и вражды.

„ При царскомъ дворѣ не точïю имѣть въ чис-
„ лѣ первыхъ друговъ, но и терпѣть не должно
„ людей СЕРДИТЫХЪ. Ибо не рѣдко бываетъ, что,
„ по причинѣ жестокости ближайшихъ минист-
„ ровъ, подданные царя ненавидятъ.

„ Въ царскомъ домѣ не токмо особливыми дру-
„ гами; но и вовсе не должно быть людямъ СРЕ-
„ БРОЛЮБИВЫМЪ И НЕНАСЫТНЫМЪ. Ибо непо-
„ средственною бываетъ причиною подданнымъ
„ нелюбить своихъ Государей; ежели видятъ,
„ что министры ихъ къ воспрïятïю щедротъ
„ всегда простертыя имѣютъ руки.

„ При дворѣ ни находиться, ни заступать пер-
„ вое мѣсто царской милости не должны ПРЕЛЮ-
„ БОДѢИ. Ибо толь не надежно уповать исправле-
„ нïя похоти, что министръ, который съ безславï-

„ емъ

„ емъ всецѣло во оную погрузился, всегда бываетъ,
„ или по крайней мѣрѣ долженъ быть подозри-
„ тельнымъ Государю.

„ Не токмо въ ближайшее мѣсто царской дру-
„ жбы допускать ; но и въ числѣ придворныхъ
„ имѣть не должно ПРОЖОРЪ и ПЬЯНИЦЪ. Ибо,
„ поелику окружающихъ Государя главная дол-
„ жность состоитъ въ томъ, чтобъ помогать ему
„ здравыми совѣтами; истинно по моему разсуж-
„ денію, отъ человѣка , который чрезмѣрно на-
„ ѣстся инапьется , скоряе желудочнаго (прошу
„ извинить) треску, нежели зрѣлаго и полезнаго
„ совѣта ожидать можно.

„ Въ царскихъ домахъ ни жить, ни ближайшею
„ дружбою пользоваться не должны БОГОХУЛЬ-
„ НЫЕ. Ибо министръ , который имя создателя
„ своего явно бесчестить дерзаетъ, гораздо удоб-
„ нѣе Государя тайно поносить и ругать бу-
„ детъ.

„ При царскихъ домахъ ни въ министры , ни
„ въ число первыхъ друговъ не должно прини-
„ мать безъ мѣры ЛѢНИВЫХЪ и НѢЖНЫХЪ. Ибо
„ по промыслѣ Божіемъ ни что такъ не помо-
„ гаетъ къ распространенію царской державы ,
„ какъ вѣрность и раченіе министровъ и дру-
„ говъ ближнихъ.

„ Въ царскомъ домѣ ни имѣть , ни въ первые
„ министры принимать не должно людей БЕС-
„ ЧЕСТНЫХЪ. Ибо неможетъ избѣгнуть Государь
„ всякаго порока и нарѣканія , естьли въ чер-
„ тогахъ своихъ между вельможами содержитъ
„ опороченнаго публичнымъ безславіемъ.

„ Царскими министрами и другами не долж-
„ ны быть НЕСМЫСЛЕННЫЕ ПРОСТАКИ и НЕВѢ-
„ ЖИ. Ибо не отъ того разоряются царства, что

или

„ или младолѣтные, или не обузданные, или бес-
„ чинные Государи; но что не смысленные, лукавые,
„ и злонравные во всѣхъ словахъ и дѣлахъ совѣт-
„ ники ихъ бываютъ. Горе, горе, горе землѣ той,
„ гдѣ Государь злонравной, рабъ мятежной, ми-
„ нистръ сребролюбивой, и совѣтникъ несмыс-
„ ленной и лукавой обрѣтаются. Ибо въ тѣ по-
„ ры погибло уже государство, когда въ прави-
„ телѣ его царствуетъ невѣжество и злоба.

Такимъ образомъ Стиликонъ преславный мужъ, и Епимундъ философъ о воспитанiи и наставленiи князей Аркадiя и Онорiя между собою бесѣдовали и разсуждали. А дабы показать предержащимъ Монархамъ и Великимъ Государямъ, уже сидящимъ на престолѣ правленiя, сколь дорого дружбу и сообщенiе съ мудрыми людьми древнiе цѣнили; то кромѣ вышесказаннаго мною, въ доказательство приведу нѣкоторые знаменитые примѣры изъ древности.

ГЛАВА ПЯТАЯНАДЕСЯТЬ.

Крезъ Лидiйскiй Царь весьма любилъ ученыхъ. Письмо его къ философу Анахарсису, и на оное Анахарсисовъ отвѣтъ. Также семь родовъ порочныхъ людей при царскихъ дворахъ, съ коими мудрымъ мужамъ дружбу имѣть не пристойно, и отъ сообщенiя ихъ убѣгать должно.

Отъ созданiя мира въ третьемъ вселенныя вѣкѣ, когда царствовалъ у Ассирiанъ Сарданапалъ, у Евреянъ Iосiя, великимъ первосвященникомъ во Iерусалимѣ былъ Елкiй, за жизни Реи, Ромуловой матери, и на второмъ году первой Олим-

Олимпіады, воспріяло начатокъ свой великое и преславное Лидійское царство. По повѣствованію Плинія пятой книги въ 29 главѣ естественной исторіи, Лидія есть страна меньшей Азіи, которая издревле Меоніею, а потомъ Лидіею называлась, нынѣ же именуется Морея. Въ семъ царствѣ знаменитѣйшіе города, Ефесъ, Колофонъ, Клазомена и Фокея были. Первый Лидійскій царь былъ Ардизъ, мужъ благороднаго духа, природою Грекъ, и царствовалъ притцать шесть лѣтъ; второй Аліактъ, четырнатцать лѣтъ; третій Мелисъ, двенатцать лѣтъ; четвертый Кандавлъ, четыре года; пятый Гигъ, десять лѣтъ; шестой Ардизъ, шесть лѣтъ; седьмой Садіаттъ, пятдесятъ семь лѣтъ; девятой Крезъ, который правилъ царствомъ четырнатцать лѣтъ.

О семъ Крезѣ Ксенофонтъ въ седьмой книгѣ ученія Кирова повѣствуетъ, что оной одаренъ былъ паче храбростію военныхъ дѣлъ, нежели дородствомъ и красотою тѣла. Хотя же Крезъ былъ на одну ногу хромой, однимъ глазомъ кривой, головою лысой, и толь малорослой, что не много отличался отъ карла; при всемъ однакожъ томъ былъ мужъ весьма правосудной, справедливой, великодушной, кроткой, мужественной, и паче всего врагъ несмысленнымъ, и крайній пріятель ученымъ. Сенека въ книгѣ о милосердіи повѣствуетъ, что Крезъ толико доброхотствовалъ людямъ ученымъ; что Греки, у коихъ обрѣтался тогда источникъ витійства, не другомъ; но любителемъ мудрецовъ его называли. Понеже ни одинъ любовникъ ни когда столько нестарался, чтобъ достать любовницу; сколько онъ прилагалъ попеченія, чтобъ привлечь къ себѣ одного мудраго человѣка.

А поелику Крезъ многими обладалъ варварскими народами, кои вящшую имѣли охоту, проливать неповинную кровь, нежели почерпать наставленія людей мудрыхъ; то онъ, какъ благоразумной Государь, и для собственнаго увеселенія, и поправленія ради царства, вознамѣрился искать премудрѣйшихъ мужей въ Греціи. Въ то время процвѣталъ славнѣйшій философъ Анахарсисъ, который будучи родомъ и воспитаніемъ изъ Скиѳіи, жилъ въ Аѳинахъ. Ибо въ Аттическую школу не тѣхъ, кои варварской природы были; но точію злонравныхъ не допускали. И такъ отправилъ Крезъ къ Анахарсису посланника съ грамотою и пребогатыми подарками, повелѣвая оному звать, просить, и поднесши дары увѣщавать его всячески, дабы посѣщенія ради къ нему пріѣхать, и способы къ поправленію государства предписать не отрекся. Не довольно же казалось царю, что отправилъ и поднесъ чрезъ посланника премногіе и богатѣйшіе дары; но сверхъ того, дабы изъяснить ему причину сего дѣла, не возгнушался и собственною рукою написать къ нему слѣдующее письмо:

ПИСЬМО КРЕЗОВО КЪ АНАХАРСИСУ.

Крезъ царь Лидійскій, Анахарсису великому философу, житущему въ Аѳинахъ, здравія, и приращенія добродѣтелей желаетъ.

„ Примѣть, сколь велика моя къ тебѣ лю-
„ бовь, что пишу, не видавъ и не зная тебя
„ прежде. Ибо мы чего глазами ни когда не вида-
„ ли, рѣдко сердечно и въ правду оное любимъ.
„ Ежели посланные тебѣ дары маловажными
„ ставишъ, чего оные и въ самомъ дѣлѣ достой-

К „ ны;

„ ны; то прошу почесть за велико намѣренїе и „ волю, съ какими посылаются. Понеже благо„ родныя сердца не на то, что дано; но что „ дать кто намѣренъ, взираютъ. Я хочу испра„ вить обычаи варварскаго народа, и видѣть „ просвѣщеннымъ царство; такожъ для соб„ ственной пользы честнаго упражненїя, и ина„ го двору моему домостроительства требую; „ на послѣдокъ и о нѣкоторыхъ обстоятель„ ствахъ, касающихся до моей жизни, посовѣто„ ваться съ мудрымъ человѣкомъ желаю; изъ „ коихъ вещей ни одна безъ твоего присутствїя „ сдѣлаться не можетъ. Ибо ни какое похваль„ ное дѣло ни когда безъ посредства мудрости „ не совершается.

„ Я косоглазой, хромоногой, лысой, искри„ вленой, карликъ, черной, горбатой; и словомъ: „ чудовище между человѣками. Но всѣхъ сихъ „ наружныхъ пороковъ со внутреннимъ безобразї„ емъ сравнить не должно; сирѣчь, я такъ не„ счастливъ, что ни одного философа у себя не „ имѣю. Ибо нѣтъ ни чего въ свѣтѣ срамнѣе и „ скареднѣе, какъ вовсе ни съ однимъ мудрымъ „ человѣкомъ не имѣть обращенїя или дружбы. „ Истинно, я кажусь себѣ мертвъ, хотя нес„ мысленные живымъ меня почитаютъ; коея „ смерти причина та, что нѣтъ у меня ни одно„ го мудраго человѣка. Ибо тотъ токмо, кто „ окруженъ мудрыми людьми, подлинную жизнь „ провождаетъ.

„ Прилѣжно прошу тебя, ко мнѣ прїѣхать; „ и безсмертными богами заклинаю, въ томъ не „ отречься! Когда же не хочешъ прозьбамъ мо„ имъ дать мѣста, то по крайней мѣрѣ званїю „ твоему внемли. Ибо люди часто къ дѣланїю

„ того,

„ того, что и слушать было противно, не от-
„ рекаются являть снисхожденіе, не такъ удо-
„ вольствія ради чужихъ желаній, какъ для
„ того, дабы исполнить званіе благороднаго
„ духа. Что посланникъ по повелѣнію моему
„ тебѣ поднесетъ или скажетъ, можешъ при-
„ нять и повѣрить; а я симъ писаніемъ неложно
„ обѣщаю и увѣряю, что по пріѣздѣ твоемъ
„ сюда, имѣешъ быть обладателемъ моихъ со-
„ кровищъ, первымъ совѣтникомъ въ моихъ дѣ-
„ лахъ и предпріятіяхъ, участникомъ таинъ,
„ отцемъ сыновъ, наставникомъ царствъ, учите-
„ лемъ моимъ, Княземъ и главою моего государ-
„ ства. Напослѣдокъ, Анахарсисъ будетъ Кре-
„ зомъ, чтобъ Крезъ былъ Анахарсисомъ. Въ
„ прочемъ, молю боговъ, да сохранятъ тебя, и
„ пришествіе твое учинятъ благополучнымъ.
„ прости!

Такимъ образомъ отъѣхалъ посланникъ въ Аѳины, везя съ собою грамоту, и великое множество злата и драгихъ бисеровъ. Когда же по случаю засталъ Анахарсиса, преподающаго ученіе въ школѣ; то публично выговоря рѣчь посольства, поднесъ дары. и вручилъ грамоту, къ немалому всего училища удивленію. Ибо варварскіе Государи не для управленія царствъ; но лишенія ради жизни, философовъ искали.

Въ прочемъ Анахарсисъ выслушавъ посольство, разсмотрѣвъ подарки, и принявъ грамоту, не измѣнился въ лицѣ, ни возгордился сердцемъ, ни помѣшался въ языкѣ, ни распалился желаніемъ богатствъ; но въ тужъ минуту предъ всѣми философами далъ отвѣтъ, и собственною рукою написалъ письмо слѣдующаго содержанія:

АНАХАРСИСОВО ПИСЬМО КЪ КРЕЗУ.

Анахарсисъ послѣднѣйшїй Философъ, величайшему и державнѣйшему Лидїйскому царю Крезу приращенїя здравїя и добродѣтели желаетъ.

„ Много здѣсь какъ о царствѣ твоемъ, такъ „ и о самомъ тебѣ возвѣщаютъ; а туда взаимно „ какъ о нашемъ училищѣ, такъ и обо мнѣ „ много вѣстей переносятъ. Ибо человѣческое „ сердце крайнѣ утѣшается познанїемъ свойства „ ва и житїя всѣхъ людей въ свѣтѣ. Желать и „ стараться о совершенномъ познанїи житїя без„ законныхъ, для исправленїя собственной на„ шей жизни, есть преславное дѣло. Желать „ такожъ и стараться о познанїи житїя добро„ дѣтельныхъ, подражанїя ради оному, не мень„ ше похвально. Но чтожъ намъ дѣлать? Безза„ конные не желаютъ нынѣ освѣдомляться инако „ о житїи подобныхъ себѣ злодѣевъ, кромѣ точїю „ защищенїя ради и прикрытїя ихъ пороковъ; „ и не хотятъ познавать житїя добродѣтельныхъ, „ какъ токмо утѣсненїя ради оныхъ. Будь увѣ„ ренъ Крезъ, что Греческїе философы не столь„ ко пекутся о превышенїи добродѣтельныхъ, „ сколько стараются о цѣлости отъ беззакон„ ныхъ. Понеже добродѣтельной, когда глазомъ „ только на него посмотришъ, тотъ часъ дается „ въ руки; а беззаконнаго, какїя ни оказывай „ ему благодѣянїя, смягчить не можно. Ис„ тинно, я легко вѣрю, что ты не такъ, „ какъ здѣсь говорятъ, тирански обладаешъ; „ почему и тебѣ не должно вѣрить, что я „ толь многими, какъ другїе тебя увѣдомляютъ, „ добродѣтельми изобилую. Ибо тѣ, кои но-

„ вости

„ вости раскaзываютъ объ отдаленныхъ царствахъ, кажутся мнѣ похожи на нищихъ, имѣющихъ на себѣ изъ премногихъ лоскутковъ платье, въ которомъ гораздо больше кусочковъ сукна́ настегано, нежели изъ сколькихъ сперва оное было сшито. Опасайся, Крезъ, подражать ва́рварскихъ Государей, коихъ слова́ добрыя, но дѣла́ худыя. Ибо они стараются ласковою и прїятною рѣчью укрывать мерзость своихъ дѣйствїй. Не дивись, что мы философы убѣгаемъ сообщенїя царствами обладающихъ Государей. Ибо злонравные Государи не на иной конецъ мудрыхъ людей при себѣ имѣть желаютъ, какъ токмо чтобъ было чемъ въ погрѣшностяхъ своихъ извиняться. Понеже вы дѣлая много безъзаконїй и неправды, хотите оправдиться, якобы оное по совѣту мудрыхъ людей учинили. Вѣдай же, о Царь Крезъ! что Государю, желающему съ похвалою управлять подданными своими, не довольно содержать при домѣ своемъ одного токмо философа. Ибо нѣтъ ни чего несправедливѣе, какъ управленїе многихъ ввѣрить произволенїю и разсудку одного токмо человѣка.

„ Что на словахъ сказалъ твой посланникъ, то самое нахожу я и въ грамотѣ; сирѣчь, якобы ты извѣстился, что вся Грецїя почитаетъ меня мудрымъ человѣкомъ: А поелику оно и въ самой вещи такъ есть, то просишъ, дабы не отрекся я поѣхать для управленїя твоимъ государствомъ. Однакожъ слова́ твои съ дѣлами не согласны, которыя явственно доказываютъ, что ты меня весьма безразумнымъ ставишъ; Ибо, поелику думалось тебѣ, якобы я прїиму твое золото; что иное значило, кромѣ одну точїю надъ моимъ невѣжествомъ и

„ глупостїю издѣвку? Ето то Лидїйской камень, „ которымъ пробуютъ истиннаго философа: сирѣчь, въ правду ли онъ тлѣнныя презираетъ „ вещи? Ибо ни когда согласны не бываютъ, и не „ живутъ въ одномъ мѣстѣ, вольность духа и „ попеченїе о благихъ сея жизни. Повѣрь мнѣ, „ Крезъ, не того мудрымъ человѣкомъ называть „ должно, который весьма хорошо знаетъ небесные бѣги; но который найменьше разумѣетъ „ земныя вещи. Ибо истинный философъ вящшую пользу отъ невѣдѣнїя зла, нежели отъ „ познанїя добра почерпаетъ. Будь извѣстенъ, „ что я уже отъ роду шездесятъ семь лѣтъ „ имѣю, и во всю жизнь не почувствовалъ такого „ оскорбленїя; какъ въ то время, когда по окончанїи посланникомъ твоимъ рѣчи, увидѣлъ „ положенныя предъ стопами моими толикїя „ богатства. Ибо сей поступокъ, или въ тебѣ „ скудость разума, или во мнѣ изобилїе сребролюбїя обличать былъ долженъ. И такъ, присланное отъ тебя золото, назадъ посылаю. „ Посланникъ же твой возвѣститъ тебѣ, колико „ всю Грецїю твое золото раздражило. Ибо ни „ слыхано, нижѐ видано, чтобъ когда золото въ „ Аттическую школу вносили. Ибо Греческимъ „ философамъ не точїю вмѣнилосябъ въ порокъ, „ имѣть богатства; но сочтенобъ было за бесчестїе и желать оныхъ. Естьли не вѣдаешъ, „ Крезъ; то надлежитъ быть свѣдому, что мы „ въ Греческихъ училищахъ, не повелѣвать, но „ повиноваться; не говорить, но молчать; не „ противиться, но смиряться; не многаго желать, но малымъ довольствоваться; не мстить „ за оскорбленїе, но прощать обиды; не чужое „ похищать, но собственное давать; не за сла-

„ вой

„ вой гоняться, но за добродѣтелью слѣдовать
„ привыкаемъ. На конецъ, знай, что мы лю-
„ бимую отъ прочихъ вещь, то есть богатства,
„ ненавидимъ; и то, что другіе ненавидятъ,
„ сирѣчь, нищету любимъ.

„ Ты думалъ, что я золото твое или пріиму
„ или онаго возгнушаюсь. Ежели помышлялъ,
„ что возьму; то было бы справедливо не-
„ допустить меня по томъ въ твои чертоги.
„ Ибо крайнѣ неблагопристойно Государю при-
„ нимать и жаловать сребролюбиваго человѣка.
„ Буде же мыслилъ, что не пріиму; то не
„ разумно сдѣлалъ, посылку его ко мнѣ за-
„ тѣявъ напрасно. Ибо ни когда не прилично Го-
„ сударямъ вчинать того, что по разсужденію
„ ихъ, умалитъ должное подвластнаго народа
„ къ нимъ почтеніе. Подумай, Крезъ, что ма-
„ ло пользы, требовать отъ врачей прилѣжнаго
„ наблюденія; ежели предписанія ихъ исполнять
„ нѣтъ охоты: равнымъ образомъ не токмо ни-
„ чего не воспользуетъ, но еще и повредитъ тво-
„ ему государству приходъ мой, ежели настав-
„ леній моихъ ни кто слушать не будетъ. Ибо
„ крайнѣ бываетъ вредительно, естьли питья-
„ ми приведя въ движеніе соки, для испражне-
„ нія оныхъ, ни какихъ по томъ проносныхъ лѣ-
„ карствъ употреблять не станутъ.

„ Правда, я готовъ исправленія ради вар-
„ варскаго царства, и во удовольствіе благоче-
„ стнѣйшаго твоего намѣренія, прозьбамъ тво-
„ имъ дать мѣсто, и повелѣнія исполнить; то-
„ чію съ тѣмъ условіемъ, ежели ты обѣщаешъ мнѣ,
„ остерегаться слѣдующихъ обстоятельствъ.
„ Ибо земледѣлецъ, не вспахавъ и не переораливъ
„ своей нивы, засѣвать ее не долженъ.

„ ВО ПЕРВЫХЪ, надобно тебѣ искоренить
„ худую привычку, съ которою обыкновенно вар-
„ варскіе цари собираютъ токмо, а не употреб-
„ ляютъ богатства. Ибо статься не возможно,
„ чтобъ Государь, сердце коего стеснено безмѣр-
„ ною жадностію къ сребру и злату, способенъ
„ былъ къ вомѣщенію добрыхъ совѣтовъ.

„ ВО ВТОРЫХЪ, не точію отъ сообщенія тво-
„ его; но и отъ двора отрѣши всѣхъ ласкате-
„ лей. Ибо Государь слушающій и любящій ласка-
„ тельства, другомъ истинны быть не можетъ.

„ ПРИ ТОМЪ, успокойся отъ не законной вой-
„ ны, производимой тобою съ Коринѳянами. Ибо
„ всякой Государь, которому пріятна съ ино-
„ странными внѣшняя брань, необходимо дол-
„ женъ ненавидѣть внутреннюю тишину и по-
„ кой своего царства.

„ СВЕРХЪ ТОГО, не допускай въ домъ твой,
„ и не принимай въ дружбу, комедіантовъ, насмѣ-
„ шниковъ и шутовъ. Ибо Государь, который
„ слушаніемъ смѣхотворныхъ и бесплодныхъ дѣлъ
„ забавляется; къ исправленію по томъ, во вре-
„ мя нужды, важныхъ, добрыхъ и полезныхъ бу-
„ детъ не способенъ.

„ КРОМѢ ТОГО, потщись возбранить сообще-
„ ніе съ тобою, и заключить домъ твой празд-
„ нымъ и тунеядцамъ. Ибо лѣность и нерадѣніе,
„ суть смертельные непріятели мудрости.

„ Удали ТАКОЖЪ и сошли со двора и жили-
„ ща твоего всѣхъ ябедниковъ и лживыхъ. Ибо въ
„ царскомъ домѣ свободно обитающая ложь,
„ предзнаменуетъ имѣющую воспослѣдовать па-
„ губу и разореніе царю и царству.

„ НА ПОСЛѢДОКЪ, обѣщай, что по жизнь
„ твою ни когда не оскорбишъ меня принужде-
„ ніемъ

„ ніемъ взимать отъ тебя какія либо вещи. Ибо „ въ самой тотъ день, когда ты прельстишъ ме- „ ня подарками, необходимо надобно будетъ и „ мнѣ тебя худыми обольстить совѣтами: по- „ елику здраваго и мудраго совѣта не отъ „ инаго, кромѣ отъ незараженнаго сребролюбі- „ емъ человѣка ожидать можно.

„ На сихъ основаніяхъ ежели Крезъ требуетъ „ Анахарсиса: то Анахарсисъ дружбу съ Крезомъ „ имѣть согласенъ. Въ противномъ же случаѣ, „ я лучше желаю быть ученикомъ мудрыхъ фи- „ лософовъ, нежели царемъ несмысленныхъ вар- „ варовъ. Прости и благоденствуй царь!

Сколь человѣколюбной и добросердечной былъ Крезъ, который будучи толикимъ Государемъ, къ подлому философу писать не возгнушался: и сколь великодушной былъ философъ; такожъ сколь важны суть выше изображенныя его слова; о томъ изъяснять нѣтъ нужды: поелику оное изъ самаго письма довольно явствуетъ. Пускай же съ одной стороны примѣчаютъ Государи, каковы должны быть тѣ мудрые люди, коихъ они избирать желаютъ; а съ другой и самые философы со вниманіемъ затвердятъ въ памяти, на какомъ основаніи надлежитъ имъ вступать въ царскіе домы. Ибо сіе взаимство такія вкругъ себя околичности имѣетъ, что рѣдко случается, дабы который ни есть изъ сихъ условщиковъ обманутъ не былъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯНАДЕСЯТЬ.

О Фаларидѣ тираннѣ, премудромъ мужѣ, который умертвилъ художника, изобрѣтшаго новой родъ мученія: витіеватыя его мнѣнія, взятыя изъ писемъ: такожъ отмѣнная любовь къ ученымъ, и письмо къ философу, отъ коего обличенъ былъ въ тиранской власти.

Въ послѣднемъ году Латинскаго, и первомъ Римскаго царствѣ, когда царствовалъ у Евреянъ Езекія, великимъ первосвященникомъ былъ Азарія, въ Іудеѣ обрѣтался пророкъ Аввакумъ, въ Вавилонѣ обладалъ Меродахъ, и въ то время, какъ Лакедемоняне создали городъ Византію, называемую нынѣ Константинополь; жилъ славнѣйшій тираннъ Фаларидъ. О семъ Фаларидѣ повѣствуетъ Овидій, что онъ былъ лицемъ крайнѣ безобразной, глазами косой, и къ собиранію богатства весьма жадной: сверхъ того въ обѣщаніяхъ вѣроломной, къ другамъ неблагодарной, и къ непріятелямъ безмѣрно свирѣпой; словомъ: всѣ пороки, какіе въ каждомъ тираннѣ порознь находилися, въ немъ единомъ совокуплены были вмѣстѣ. Но хотя премного выдумалъ онъ непотребствъ, и премного надѣлалъ мучительствъ; при всемъ однакожъ томъ единою добродѣтелію преимуществовалъ тираннъ сей; сирѣчь, что какъ между всѣми тираннами отмѣннымъ бесчеловѣчіемъ, такъ напротивъ того къ философамъ и мудрымъ людямъ отличнымъ почтеніемъ и любовію прославился.

Цѣлыя тритцать шесть лѣтъ, въ кои царствовалъ; ни кому не вѣрилъ брить бороду; ни кого

кого не точїю въ спальню, но и въ домъ свой не допускалъ съ собою кушать или бесѣдовать; и ни на кого, какъ повѣствуютъ, не посмотрѣлъ ни когда лицемъ веселымъ, кромѣ однихъ философовъ и людей весьма ученыхъ, которымъ какъ имѣнїя, такъ и самую жизнь свою вверялъ смѣло. При томъ часто говаривалъ Фаларидъ: „ что Государь, который удаляя отъ себя лю„ дей мудрыхъ, съ несмысленными дружитъ и „ обращается; гражданамъ Государь, а самому „ себѣ лютой мучитель бываетъ: ибо тягост„ нѣе, жить посреди невѣжъ, нежели умереть „ между людьми мудрыми.

Публїй въ шестой книгѣ о дѣлахъ Римскихъ повѣствуетъ, что нѣкоторый живописецъ Октавїю цесарю преславную поднесъ картину, на которой въ верху всѣ добродѣтельные Государи, и въ первомъ посреди ихъ мѣстѣ самъ Октавїй; а въ низу картины всѣ мучители, и первой между ими Фаларидъ, изображены были. Октавїй посмотря картину, хотя искусство живописи похвалилъ; но выдумку похулилъ; и для того сказалъ: „ мнѣ кажется несправедливо, чтобъ „ пока я въ живыхъ обрѣтаюсь, сочли меня гла„ вою добродѣтельныхъ Государей, уже умер„ шихъ. Ибо доколѣ продолжаетъ теченїе бѣд„ ственная сїя жизнь, всѣ мы подвержены стра„ стямъ слабыя плоти. Кромѣ того кажется „ мнѣ неправильно, что Фаларидъ поставленъ „ главою и начальникомъ всѣхъ тиранновъ: ежели „ онъ свирѣпствовалъ и враждовалъ токмо на „ неученыхъ и несмысленныхъ; а философовъ и „ людей мудрыхъ въ толикой содержалъ любви „ и милости.

Какъ

Какъ разошелся по всей Греціи слухъ о Фалаидовомъ бесчеловѣчіи; то Аѳинской гражданинъ Периллъ, въ рѣзбѣ и литьѣ мѣди преискусной художникъ, пришедъ къ Фалариду, обѣщалъ состроить ему особливой родъ мучительнаго орудія, къ наказанію преступниковъ, и къ удовольствію мщенія весьма способной. И такъ ремесленникъ оный сдѣлалъ мѣднаго быка, на боку коего хитрымъ мастерствомъ устроилъ двери, куда заключенные преступники, отъ раскладеннаго подъ исподомъ огня внутри жарясь, испущали ревъ быка живаго: такъ что не токмо долговременымъ и тайнымъ мученіемъ осужденные терзались, но и самая лютость мукъ зрителей устрашала: чему дивиться не должно. Ибо милосердное, и не вконецъ бесчеловѣчіемъ разсвирѣпѣвшее сердце не меньше, зря чужую болѣзнь, какъ и собственную чувствуя муку и терзанія, страждетъ.

Усмотря же Фаларидъ вылумку муки, за которую изобрѣтатель пребогатаго уповалъ награжденія; повелѣлъ самаго затѣйщика такой новости заперетъ въ быка, дабы первой онъ отвѣдалъ сквернѣйшей художества своего работы; который поступокъ не свирѣпому тиранну, но милосерднѣйшему Государю и премудрому философу былъ приличенъ. Ибо какая лютость можетъ быть справедливѣе, какъ та, чтобъ бесчеловѣчнаго изобрѣтенія своего самъ изобрѣтатель вкусилъ прежде? Когда же разнесся слухъ о благосклонности, какову оказывалъ Фаларидъ къ людямъ мудрымъ; то пришли къ нему посѣщенія ради Греческіе философы, коихъ онъ принялъ весьма честно; хотя вящшую они отъ

богат-

богатствѣ его, нежели самъ Фаларидъ отъ ученія ихъ, пользу получили.

Въ прочемъ Фаларидъ не токмо въ особливой любви содержалъ людей мудрыхъ и ученыхъ; но и самъ былъ весьма ученой, и наипаче въ моральной Философіи крайнѣ знающъ. Сіе явствуетъ изъ собственноручныхъ его писемъ; а не изъ житія, которое велъ, какъ тираннъ, вовсе противнымъ образомъ; такъ что я не знаю, вящшее ли онъ въ витійствахъ изображенныхъ перомъ, или въ бесчеловѣчіи и убивствахъ учиненныхъ мечемъ, имѣлъ первенство. Ахъ! сколь много въ семъ обстоятельствѣ мимошедшими вѣками у Фаларида было подобныхъ ему товарищей! даруй Богъ! чтобъ не имѣлъ онъ уже ни одного въ настоящее время! кои въ сладкорѣчіи, кажется, Нерона подражаютъ. Я не читалъ ни чего инаго о прешедшихъ, ни видалъ между настоящими, кромѣ что многіе велерѣчатъ добродѣтели, и бесчисленные стремятся за пороками. Ибо мы весьма тверды языкомъ; но крайнѣ слабы плотію.

Хотя же Фаларидовы письма всѣмъ знающимъ Греческой и Латинской языкъ довольно извѣстны; однако для неучившихся тѣмъ языкамъ разсудилось, выбравъ изъ оныхъ мнѣнія, предложить на природномъ языкѣ, съ двоякимъ намѣреніемъ: во первыхъ, дабы усмотрѣли Государи, сколь полезно, процвѣтать мудростію; поелику и тиранны за похвалу себѣ вмѣняли, что и сами были премудры, и другихъ могли научить презящнымъ правиламъ. Во вторыхъ, чтобъ увидѣли простолюдины, сколь легко, хорошо говорить; и сколь трудно, хорошо дѣлать. Ибо ни чего дешевлѣ не достанешъ въ свѣтѣ, кромѣ

одного

одного точію совѣта. И такъ мнѣнія изъ Фаларидовыхъ писемъ, сколько возможно было короче и лучше выбрать, предлагаются ниже сего.

„ Благосклонность, которою Государи другихъ отмѣнно передъ прочими снабдѣваютъ; „ часто подаетъ причину къ великимъ движені„ямъ въ царствахъ. „ Понеже отъ любви къ одному, и изъ отвращенія и презрѣнія къ другому, раждается ненависть; отъ ненависти произрастаютъ худыя мысли; отъ худыхъ мыслей происходитъ злоба; отъ злобы заимствуютъ начало поносительныя рѣчи; а отъ поносительныхъ рѣчей доходитъ и до самихъ злодѣйствъ; словомъ: Государь, равныхъ въ неравенствѣ содержащій, не иное что либо дѣлаетъ, какъ точію разжигаетъ огонь въ государствѣ.

„ Государи возбранять, и мудрые люди всячески не допускать должны, чтобъ мятежники „ возмущали подданныхъ, и обеспокоивали миролюбивыхъ. „ Ибо во время народнаго бунта, тотъ часъ пробуждается похоть, возрастаетъ сребролюбіе, упадаетъ правосудіе, господствуетъ насиліе, царствуютъ хищенія, свободно распространяется невоздержаніе, преодолѣваютъ беззаконные, утѣсняются добродѣтельные: наконецъ, всякъ съ чужимъ вредомъ промышляетъ о собственной пользѣ.

„ Многіе легкомысленные человѣки возбуж„ даютъ въ подданныхъ мятежи, чрезъ един„ ственное замѣшательство народа, приращенія „ богатствъ и чести себѣ уповая: однакожъ въ „ краткомъ времени не токмо искомаго отчая„ ваются; но купно лишаются и того, чемъ „ прежде владѣли. „ Ибо не одинождды, но сто кратъ справедливо, чтобъ такіе опытомъ

научи-

научилися тому , чего слѣпая злоба ихъ знать не допускаетъ.

„ Весьма полезно подданнымъ , имѣть прави-„ телей не безсчастныхъ; но отъ природы сча-„ стіемъ одаренныхъ. „ Ибо снисхожденіемъ фортуны многія счастливымъ Государямъ по желанію сердца ; а временемъ еще и множайшія и лучшія , нежели чаяли , удачи бываютъ.

„ Великодушные и сильные Государи при „ свиданіи съ другими Государями , или въ „ знатномъ собраніи вельможъ , вольностью ду-„ ха, широтою царства , достоинствомъ своего „ лица, любовію общества , пачеже всего благо-„ чиніемъ двора , такожъ преимуществомъ и „ важностью фамиліи и совѣта хвалиться дол-„ жны. „ Ибо мудрымъ и остроумнымъ людямъ, не на одежды , коими Государь облеченъ ; но на употребляемыхъ имъ совѣтниковъ взирать надлежитъ.

„ Разумные и незараженные сребролюбіемъ „ мужи постарався , елико возможно, о собраніи „ богатства, къ расточенію и иждивенію онаго „ съ пользою все вниманіе свое по томъ про-„ стирать должны. „ Ибо нѣтъ ни кого безсчастнѣе , какъ тотъ человѣкъ , который въ употребленіи съ пользою богатства , самимъ собою обладать не можетъ.

„ Поелику фортуна всѣми вещьми господ-„ ствуетъ, и всѣ добрыя и худыя слѣдствія отъ „ нее зависятъ ; то одинъ токмо тотъ геро-„ емъ назваться достоинъ , который во всѣхъ, „ какіябъ ни случились , перемѣнахъ счастія „ оказываетъ себя непобѣдимымъ. „ Ибо, по сущей справедливости, тотъ человѣкъ благород-

нѣйтимъ

шимъ одаренъ духомъ, коего сердечной крѣпости сила несчастія преодолѣть не можетъ.

„ Ежели хвалимъ кого за искусное бросаніе „ копьемъ , не слѣдуетъ по той причинѣ хва- „ лить, что онъ хорошо дѣйствуетъ и перомъ; „ и кто хорошо дѣйствуетъ перомъ, не бываетъ „ однакожъ для того краснорѣчивъ языкомъ ; и „ кто краснорѣчивъ языкомъ, не всегда имѣетъ „ здравое ученіе; и кто снабдѣнъ здравымъ уче- „ ніемъ , не пользуется для того доброю сла- „ вою; и ежели кто находится въ доброй сла- „ вѣ, не провождаетъ по тому жизнь свою не- „ порочно.„ Ибо многихъ писателей токмо нравоученія принимать ; а не житіе , каково они провождали , подражать надлежитъ.

„ Изъ всѣхъ званій нѣтъ ни одного тягостнѣе, какъ отправлять долгъ наказанія чужихъ „ погрѣшностей :„ по чему сего не инако, какъ смертоносной язвы, всѣмъ мудрымъ людямъ убѣгать надлежитъ. Ибо за наказаніемъ извѣстнѣе слѣдуетъ на наказывающаго ненависть и вражда, нежели наказываемаго исправленіе.

„ Тотъ много добра имѣетъ , кто имѣетъ „ вѣрныхъ и искренниxъ друговъ.„ Ибо многіе, когда только льзя было, другамъ своимъ пособили; а еще и больше пособилибы, естьлибъ возможность ихъ къ тому допустила. По елику истинная любовь ни перестаетъ любить , ни изнемогаетъ подавая руку помощи.

„ Разумнымъ людямъ , хотя бы они и много „ потеряли , о возвращеніи въ нѣкоторое время „ отчаяватся не должно.„ Ибо ни времена обыкновенныхъ перемѣнъ дѣлать не престаютъ , ни други званія своего отправлять не упускаютъ.

„ Гордымъ

„ Гордымъ и высокопарнымъ по большой части „ печальныя бываютъ слѣдствія : Къ поправленію чего весьма дѣйствительное и надежное „ средство, ежели временемъ въ несчастіи пострраждутъ. „ Понеже бѣдствія разумному человѣку умножаютъ спокойство, и умаляютъ опасность.

„ Какъ бы мы ни оправдали преступника, „ нѣтъ однакожъ ни одного виноватаго, и нѣтъ „ ни одной такой вины, чтобъ не заслуживали „ наказанія. „ Ибо побужденіемъ вспыльчивости учинившій преступленіе, сдѣлалъ худо; но тотъ, который оное учинилъ умышленно и нарочно, сдѣлалъ гораздо хуже.

„ Все съ разсужденіемъ дѣлать хорошо; но и „ совершить оное порядочнымъ образомъ, не ху„ до : однакъ весьма трудно. „ Ибо осторожныя люди съ крайнимъ вниманіемъ дѣла свои по всѣмъ обстоятельствамъ разсматриваютъ, и толикія въ нихъ трудности и препятствія находятъ, что не приступаютъ ни когда къ рѣшительному предпріятію.

„ Правящему царствомъ сихъ двухъ претыканій, то есть, излишняго въ дѣлахъ поспѣ„ шенія и продолженія убѣгать должно; но изъ „ оныхъ безмѣрная скоропостижность вреднѣе.„ Ибо ежели по причинѣ медлительнаго разбирательства, того, что могли получить, не достигаемъ ; то чрезъ скорое предпріятіе и пріобрѣтеннаго лишаемся.

„ За излишнею торопливостію повседневно „ многія слѣдуютъ вредности. „ Ибо нетерпѣливаго, скоропостижнаго, и пышностью надменнаго сердца суть неразлучные спутники : замѣшательство, тоска, безпокойство, различныя

перемѣны и тщетность, съ коими богатствѣ потеряніе и собственноличная его пагуба сопрягаются вмѣстѣ.

,, Поелику всѣ естественно желаютъ быть ,, счастливыми; то одного токмо того изъ ,, всѣхъ счастливыхъ счастливѣйшимъ назвать ,, должно, о которомъ совершенно можемъ дока- ,, зать, что онъ и къ добродѣтельному житію ,, правила предписалъ, и къ честной смерти ,, собою примѣръ другимъ оставилъ.

Сіи и другія множайшія витійства и нравоученія изобразилъ Фаларидъ въ своихъ письмахъ, кои въ пользу свою Цицеронъ во многихъ сочиненіяхъ, такожъ Сенека въ посланіяхъ, и иные многіе въ книгахъ своихъ употребили. Ибо тираннъ сей хотя въ словахъ былъ краткорѣчивъ; но въ мнѣніяхъ остроуменъ. А какъ жилъ Фаларидъ въ Агригентѣ; то нѣкто изъ Греческихъ философовъ написалъ къ нему письмо, тиранствомъ его укоряя, которому Фаларидъ отвѣтствовалъ слѣдующимъ образомъ:

ФАЛАРИДОВО ПИСЬМО КЪ ФИЛОСОФУ ПОФАРКУ.

Фаларидъ Агригентскій, Пофарку философу, здравія и веселія отъ боговъ утѣшителей желаетъ.

,, Письмо твое получилъ я въ Агригентѣ, ,, которое хотя заключаетъ въ себѣ нѣчто ,, укорительное, ни мало однакожъ меня не ,, оскорбило. Ибо на произносимыя отъ мудрыхъ, ,, каковъ ты, философовъ жестокія слова гнѣваться, не прилично; но о намѣреніи ихъ, съ ка- ,, кимъ говорятъ, разсуждать должно. Вспыльчи-

„ вые и злобные люди слова токмо вѣсятъ и
„ мѣряютъ, а добродѣтельные и смиренные му-
„ жи, кромѣ напряженія мыслей, ни на что не
„ взираютъ. Понеже естьли бы мы каждое про-
„ износимое къ намъ слово уважать старались;
„ то и самимъ себѣ причинялибъ тоску и до-
„ саду, и въ обществѣ непрестанныя продолжа-
„ либъ вражды.

„ Я тираннъ и тирански обладаю; но кле-
„ нусь богами, что ни одно, доброе ли, или
„ худое слово, ни когда меня не поколебало.
„ Ибо ежели говоритъ человѣкъ добродѣтель-
„ ный, вѣдаю, что онъ говоритъ то въ мое на-
„ казаніе и исправленіе: а когда болтаетъ не
„ смысленной, то слова его пріемлю за смѣхъ и
„ утѣху. Что же пишешъ, яко бы всю Грецію
„ оскорбляетъ молва, какая тамъ обо мнѣ но-
„ сится; я взаимно тебѣ объявляю, что весь го-
„ родъ Агригентской слухомъ, о тебѣ здѣсь раз-
„ сѣваемымъ, крайнѣ утѣшается: которой по-
„ хвалы и славы не малую часть ты мнѣ дол-
„ женствуешъ. Понеже естьли бы не находились
„ въ толикой ненависти тиранны; не былибъ
„ толь любезны и философы. Ты и названіемъ,
„ и самымъ дѣломъ добродѣтеленъ; а я и счи-
„ таюсь, и самою вещію есмь злонравенъ. Но
„ мнѣ кажется по той причинѣ ни тебѣ прево-
„ зноситься, ни мнѣ отчаяваться не должно.
„ Ибо теченіе жизни долголѣтно, и различныя
„ чрезъ короткое время бываютъ въ немъ пере-
„ мѣны счастія; слѣдовательно, легко статься
„ можетъ, что я изъ тиранна буду философомъ,
„ а ты изъ философа сдѣлаешся тиранномъ.

„ Разсуди, другъ мой, что долготою времени
„ земля превращается въ сребро; и на противъ

„ того сребро и злато премѣняется въ пригаръ; „ сирѣчь не имѣлось еще ни когда въ Сицилiи „ или Агригентѣ тиранна, который бы не пре- „ жде въ Греческихъ училищахъ былъ воспитанъ. „ Я неспорю, что всѣ знатные тиранны воскор- „ млены въ Сицилiи ; но и самъ ты не воспро- „ тиворѣчишъ , что оные рождены въ Грецiи. „ Посмотрижъ теперь , которая сторона изъ „ нихъ виноватѣе? мать ли, которая ихъ роди- „ ла; или кормилица , которая воспитала ? Я „ не утверждаю, что сдѣлается; но токмо го- „ ворю, статься можетъ, что естьли бы я на- „ ходился въ Грецiи, былъ бы лучшимъ, нежели „ ты философомъ ; и напротивъ того, ежелибъ „ ты обрѣтался владѣтелемъ въ Агригентѣ ; „ то былъ бы хуждшимъ, нежели я, тиранномъ.

„ Прилѣжно прошу разсудить, что ты обра- „ щаешся въ Грецiи, гдѣ можешъ быть еще луч- „ шимъ; а я живу въ Агригентѣ, гдѣ могу быть „ еще хуждшимъ. Ибо ни ты столько добра , „ сколько долженъ; ни я столько зла , сколько „ могу, не дѣлаемъ.

„ Пришелъ ко мнѣ Периллъ, знатный худож- „ никъ , и выливъ изъ мѣди быка , изобрѣлъ въ „ немъ родъ мученiя , всѣхъ , какiя видѣла под- „ солнечная, лютѣйшiй; почему я не безъ спра- „ ведливости принудилъ , чтобъ изобрѣтатель „ на самомъ себѣ испыталъ своего непотребст- „ ва. Ибо нѣтъ справедливѣйшаго закона , какъ „ художниковъ, кои на умерщвленiе другихъ но- „ вую вымыслили хитрость, принуждать, дабы „ сами прежде плодовъ своего ремесла вкусили. „ Усердно прошу , прiѣхать ко мнѣ посѣщенiя „ ради , и увѣряю, что хотя тиранская власть „ очень сильна удержать меня въ злонравiи ;

„ однакожъ

„ однакожъ твоя философія вящшую имѣетъ силу
„ сдѣлать меня добродѣтельнымъ. Ибо врачу за
„ хорошій знакъ считать должно, ежели страж-
„ дущій человѣкъ, болѣзнь открываетъ. Въ за-
„ ключеніе паки прилѣжно прошу, не оставить
„ меня посѣщеніемъ. Ибо, ежели ты мнѣ поле-
„ зенъ не будешъ; вѣдай, что самъ отъ меня
„ всеконечно пользу пріобрящешъ, а прибыль твоя
„ мнѣ убытка ни когда не сдѣлаетъ. Прости и
„ благоденствуй.

ГЛАВА СЕДЬМАЯНАДЕСЯТЬ.

Объ отличномъ Филиппа Македонскаго царя, великаго Александра, Птоломея, Антигона, Архелая, и Епирскаго царя Пирра благоволеніи къ мудрымъ и ученымъ людямъ, коихъ дружбою и совѣтами пользовались. Пять вещей Государямъ оплакивать должно. Пирръ благодарилъ Богу за троякое благодѣяніе.

Естьли Квинту Курцію вѣримъ; то Александръ, Филиппа Македонскаго царя сынъ, пріобрѣлъ названіе великаго, не столько по той причинѣ, что въ войскѣ его многія тысячи полковъ находилися; сколько по тому, что бо́льшее число, нежели другіе Государи, въ совѣтѣ имѣлъ философовъ. Сей великій Государь ни когда не всчиналъ войну, пока мудрецы и философы въ присутствіи его не изслѣдовали способовъ и порядка ко отправленію оныя; что по истиннѣ дѣлалъ весьма разумно. Ибо въ тѣхъ токмо дѣлахъ счастливаго успѣха надѣяться можно, кои долговременное и зрѣлое разсужденіе предварило.

И по истиннѣ какъ Греческіе, такъ и Латинскіе историки, кои писали о великомъ Александрѣ, не ограничиваютъ, съ вящшимъ ли свирѣпствомъ онъ поражалъ непріятелей, или съ бо́льшимъ снисхожденіемъ принималъ совѣты. Хотя же въ свитѣ Александровой многочисленные мудрецы и философы находилися; однакожъ, паче другихъ, въ отмѣннѣйшемъ почтеніи и довѣренности содержалъ Аристотеля, Анаксарха и Онесикрита; чемъ доказалъ онъ великой свой разумъ. Ибо мудрымъ Государямъ совѣты слушать многихъ; но въ рѣшительномъ опредѣленіи на мнѣніяхъ токмо малаго числа́ совѣтниковъ утверждаться надлежитъ. Не довольно же казалось Александру, многихъ при себѣ имѣть мудрецовъ, и къ тѣмъ, кои не его были, посылать посѣщенія ради; но сверхъ того весьма часто и самъ для свиданія, посѣщенія и совѣтованія приходилъ ко онымъ, сказывая, что Государи служа и раболѣпствуя мудрымъ людямъ, сами на послѣдокъ учителями и обладателями всѣхъ бываютъ.

Въ вѣкѣ сего великаго Александра жилъ Діогенъ, котораго ни прозьбами, ни обѣщаніями, не токмо къ житью съ Александромъ; но ниже́ къ единственному посѣщенію не могли склонить ни въ какое время: чего ради Александръ желая видѣть его, самъ къ нему поѣхалъ, и когда поприлѣжнѣе просилъ, дабы онъ причтеннымъ быть въ свиту его согласился; то Діогенъ сказалъ ему во отвѣтъ: „ ежели ты, о Александръ! „ въ дружбу свою меня пріемля, стараешся „ чрезъ то получить славу; то не согласно съ „ правдой, чтобъ я потерялъ оную, оставя „ школу и науки. Ибо когда я тебѣ послѣдую;

„ то

„ то уже слѣдовать мнѣ за самимъ собою пере„ стать необходимо надлежитъ. И естьли я „ буду твоимъ; то надобно уже тогда пере„ стать мнѣ быть своимъ собственнымъ. Ты „ покоряя свѣтъ, прїобрѣлъ названїе великаго; „ а я убѣгая отъ свѣта, получилъ имя добраго „ философа. Естьлижъ мнится тебѣ, что ты „ попалъ въ цѣль, и удовольствовалъ желанїя; „ то и я, думаю, не ошибся. И понеже непрїятно тебѣ быть меньшимъ Александра; то не„ думай, чтобъ и я, восхотѣлъ потерять до„ стоинство философа. Ибо нѣтъ ни одной утра„ ты важнѣе въ свѣтѣ, какъ потерянїе вольности.

Выслушавъ сїе Александръ, и обратясь къ предстоящимъ, сказалъ громкимъ голосомъ: „ кленусь милостїю боговъ, и управляющимъ „ десницу мою на брани великимъ Марсомъ! что „ естьлибъ не былъ я Александромъ; желалъ бы „ быть Дїогеномъ. „ Потомъ примолвилъ: „ по мо„ ему мнѣнїю, не возможно вздумать бо́льшаго „ счастїя въ свѣтѣ, какъ ежелибъ былъ кто „ или Александръ, который всѣми обладаетъ; „ или Дїогенъ, чтобъ обладая Александромъ, „ обладалъ всѣми.

А какъ изъ философовъ, такъ и изъ книгъ однѣ другихъ Александру любезнѣе были. И во первыхъ, повѣствуютъ, что онъ повседневно упражнялся въ чтенїи Омировой Илїады, содержащей въ себѣ разоренїе Трои, которую книгу вмѣстѣ съ копьемъ и мечемъ, когда ни ложился спать, клалъ подъ периной.

Филиппъ Македонскїй царь, въ то время, когда родился у него сынъ Александръ, двѣ преудивительныя учинилъ вещи: во первыхъ, въ Дельфы, гдѣ Аполлонъ давалъ отвѣты,

многіе и драгоцѣннѣйшіе послалъ дары, для положенія во храмѣ; съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ Аполлонъ хранилъ здравіе его сына: а во вторыхъ, немедлѣнно написалъ къ Аристотелю письмо слѣдующаго содержанія:

Филиппъ Македонскій царь, Аристотелю философу, преподающему науки въ славнѣйшемъ Греческомъ училищѣ, здравія и мира желаетъ.

„Увѣдомляю тебя, что супруга моя Олим„піада родила сына, рожденіе коего ей, мнѣ, и „всей Македоніи принесло несказанную радость. „Ибо великая утѣха царямъ и подданнымъ, „когда наслѣдные раждаются князи. Истинно, „я величайшее богамъ приношу благодареніе, „и богатѣйшіе повелѣлъ принесть дары во хра„махъ, не для того, что сынъ родился; но по„елику во времена жизни твоей, при тебѣ, „говорю, толь мудромъ и знаменитомъ фило„софѣ случилось его рожденіе. Ибо я уповаю, „что онъ будучи отъ тебя воспитанъ и обу„ченъ, не токмо Македонію, яко отческое на„слѣдіе воспріиметъ; но сверхъ того и всея „Азіи монархомъ быть удостоится, Такимъ „образомъ и онъ наречется моимъ сыномъ, и „ты будешъ именоваться его отцемъ Прости: „и паки прости и благоденствуй!

Птоломей Сотеръ осьмый Египетскій царь, какъ Халдейскихъ мудрецовъ, такъ и Греческихъ философовъ любилъ крайнѣ: что особливо его прославило. Ибо между Греческими философами и Египетскими мудрецами, такіяжъ какъ между Римскими и Карѳагенскими полководцами смертельныя вражды происходили. Былъ же Птоломей

мей мужъ весьма ученой, и что къ наивящшей славѣ его послужило, всегда имѣлъ при себѣ великое собранїе философовъ; коимъ способомъ обучился онъ Греческому, Латинскому, Халдейскому и Еврейскому языкамъ, Почему хотя одиннатцать весьма храбрыхъ Птоломеевъ имѣлось; сего однакожъ всѣмъ предпочитаютъ, не за полученныя оружїемъ побѣды, но за прїобрѣтенное трудомъ знанїе въ наукахъ.

Онъ въ крайней прїязни и довѣренности содержалъ философа Стильпона Мегарскаго, который толь любезенъ былъ сему Государю, что не упоминая прочихъ любви и благоволенїя доказательствъ, не точїю повседневно съ царемъ кушалъ и обращался; но ежечасто и то, что оставалось въ чашѣ, допивать царь ему приказывалъ. Въ прочемъ поелику милость Государей къ министрамъ ни что иное есть, какъ жало къ раздраженїю недоброхотовъ; то когда царь при столѣ оставшее въ чашѣ подалъ выпить философу; нѣкоторый Египетскїй вельможа отъ негодованїя, оборотясь къ царю, сказалъ: „ я вижу, что ни Ваше „ Величество не напиваетесь до сыта, дабы „ и Стильпону нѣсколько оставить въ чашѣ; „ ниже самъ онъ когда либо утоляетъ жажду, „ ожидая, пока вы ему поднесть соизволите: „ которому Птоломей отвѣтствовалъ: „ правда, „ Стильпонъ тѣмъ, что я даю, не насыщается; „ ибо не столько полезно ему пить остатки „ отъ моей чаши, сколькобъ воспользовало тебя, „ ежели бы ты избытки его философїи выпилъ.

Антигонъ былъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ друговъ Великаго Александра, немалую часть государства по кончинѣ его получившїй. Ибо

Великій Александръ сколько счастливъ былъ въ жизни, столько безсчастенъ по смерти; понеже не имѣлъ сыновей, наслѣдниковъ царствамъ, кромѣ вельможъ и намѣстниковъ, кои славу его уничтожили. Хотя же Антигонъ былъ человѣкъ злонравной, и всѣмъ порокамъ вконецъ порабощенной; однакожъ не смотря на то, крайнѣ любилъ философовъ: что осталось отъ добраго ученія Великаго Александра, коего домъ, гдѣ онъ воспитанъ, былъ какъ гимназія или соборъ всѣхъ знаменитыхъ философовъ въ свѣтѣ. Изъ сего примѣра заключить можно, сколь разумно дѣлаютъ Государи, старающіеся имѣть министровъ, отъ младенчества въ ученіи воспитанныхъ. Ибо нѣтъ толь злонравнаго, и толь развратнаго человѣка, чтобъ не оставалось въ немъ нѣсколько добраго изъ тѣхъ вещей, коимъ онъ въ отроческихъ лѣтахъ научился.

Содержалъ же Антигонъ въ особливѣйшей любви двухъ философовъ, кои процвѣтали въ томъ вѣкѣ, сирѣчь Менедема и Біона, изъ коихъ послѣдній сколько преученой, столько напротивъ того былъ весьма убогой. Ибо въ древнія времена ни кому изъ философовъ публично преподавать ученіе философіи не дозволялось, ежели имѣлъ хотя одну въ кошелькѣ своемъ златницу. Лаерцій повѣствуетъ, да тожъ самое и Публій еще пространнѣе въ пятой книгѣ о Греческихъ Догматахъ или правилахъ пишетъ, что въ тѣ времена Аттическія школы толикую хранили святость, что сколько который философъ былъ ученѣе, столько меньше имѣлъ богатства; и колико былъ убоже, толико въ вящшемъ содержался почтеніи; и ни чемъ болѣе

не хвалился, кромѣ недостаткомъ богатствъ, и изобилїемъ учености.

Когда же Вїонъ лежалъ въ жесточайшей болѣзни. которая такъ его высушила и истощила, что весь казался одни только кости и кожа; то Антигонъ послалъ къ нему съ великимъ множествомъ денегъ сына своего посѣщенїя ради. Житїе же его съ ученїемъ было согласно. Ибо онъ жилъ въ крайней нищетѣ, какъ то дѣлать философамъ было прилично. Хотя же Вїонъ былъ старъ лѣтами, очень слабъ здоровьемъ, и по причинѣ тяжкой болѣзни уже приближился къ смерти; и хотя сало (такъ сказать) слабыя плоти исчезло, свѣча однакожъ честнаго житїя его горѣла; сирѣчь, не меньшее въ презрѣнїи подарковъ оказалъ великодушїе, какъ и Антигонъ въ посылкѣ оныхъ изъявилъ свои щедроты. Не точїю же все презрѣлъ; но еще Антигонову сыну, который привезъ къ нему деньги, сказалъ слѣдующимъ образомъ:

„ Возвѣсти отъ меня Антигону, что я и „ благодарю, и вѣчною благодарностїю предъ „ нимъ обязанъ, какъ за оказанную мнѣ отъ „ него въ жизни моей любовь, такъ и за подар„ ки присланные умирающему нынѣ. Ибо другъ „ ни чемъ больше не долженъ служить другу, „ кромѣ благопрїятною дружбою, и щедрымъ бо„ гатствъ сообщенїемъ. При томъ скажи и сїе „ царю, отцу твоему, что ежели я семдесятъ „ пять лѣтъ въ наготѣ продолжалъ путь сея „ жизни; то для чего онъ теперь обременяетъ „ меня одеждами и златомъ, когда надобно уже „ мнѣ переходить тѣсной заливъ, и надлежитъ „ переселиться изъ сего свѣта? Египтяне, на„ мѣревая ѣхать чрезъ Аравїйскїя пустыни, обык-

„ новенно

„ новенно умаляютъ, а неприбавляютъ вьюковъ
„ на своихъ верблюдахъ; равнымъ образомъ и я
„ думаю, что одному точію тому не тягостно,
„ терпѣть бѣды сея жизни, кто отвергаетъ пе-
„ чаль о богатствахъ. Сверхъ того, скажи царю,
„ отцу твоему, дабы онъ впредь умирающему
„ человѣку помогалъ не сребромъ и златомъ;
„ но благовременнымъ и здравымъ совѣтомъ.
„ Ибо по причинѣ золота человѣкъ съ жизнію
„ разставаться будетъ не безъ досады; а доб-
„ рой совѣтъ сдѣлаетъ то, что онъ смерть во-
„ спріиметъ терпѣливно.

Архелай пятый царь Македонскій, дѣдъ, какъ повѣствуютъ, Филипповъ, и прадѣдъ Великаго Александра, хвалился произшествіемъ своимъ отъ поколѣнія древняго Греческаго царя Менелая, который предводительствовалъ на войнѣ и разореніи Троянскомъ. Любилъ и сей царь ученыхъ, и между прочими держалъ при себѣ Еврипида Трагика, который въ томъ вѣкѣ не меньше по своему званію, яко стихотворецъ, сколько и самъ Архелай, яко царь Македонскій, былъ славенъ. Ибо и нынѣ многіе мудрецы вящшее, за написанныя ими книги, нежели Государи, за широту царствъ, коими обладали, или за побѣды, кои пріобрѣли оружіемъ, почтеніе имѣютъ.

Въ прочемъ, Архелай толь горячо любилъ, и въ толикой довѣренности содержалъ Еврипида, что ни одно дѣло въ Македоніи безъ стихотворцева совѣта и попеченія не совершалось. А поелику невѣжи естественно мудрымъ людямъ не хотятъ повиноваться: то когда по случаю нѣкоторою ночью безсчастный стихотворецъ Еврипидъ много съ царемъ о древнихъ исторіяхъ бесѣдуя, поздно домой возвращался; злобя-

щіеся

щїеся соперники провѣдавъ о томъ, пустили на него голодныхъ псовъ, отъ которыхъ онъ растерзанъ и пожренъ такъ, что все тѣло погребено въ песьей утробѣ, и къ положенїю во гробъ, кромѣ однихъ оглоданныхъ костей, ни чего не осталось. О семъ печальнѣйшемъ приключенїи извѣстясь отъ своихъ Архелай, толикою вдругъ болѣзнїю и неистовствомъ пораженъ былъ, что едва живъ казался: чему ни кто удивляться не долженъ. Ибо отъ несчастливыхъ и незапныхъ случаевъ мысли человѣческїя въ крайнее замѣшательство приходятъ. Сколь же великую любовь оказывалъ царь къ Еврипиду живущему, столь несказанно плакалъ и рыдалъ надъ умершимъ. Ибо пролилъ изъ глазъ премногїя слезы, остригъ голову, обрилъ бороду, перемѣнилъ драгоцѣнныя одежды царей Македонскихъ, и паче всего съ не меньшимъ великолѣпїемъ похоронилъ Еврипида, какъ и славнаго Греческаго погребли Улисса. Симъ еще не удовольствуясь, до тѣхъ поръ не пришелъ въ прежнюю веселость, пока убїйцъ не растерзалъ жесточайшими казньми. Понеже обида, и смерть сама собою воспослѣдовавшая, или отъ другихъ причиненная тому, кого мы любимъ, есть не иное что ли бо, какъ горнило, въ которомъ искренность любви искушается.

По учиненїи же убїйцамъ казни, и по погребенїи оглоданныхъ костей стихотворцовыхъ, нѣкоторый Греческїй вельможа сказалъ Архелаю: „ изволите, пресвѣтлѣйшїй царь, быть извѣстны; вся негодуетъ Македонїя, что Ваше Величество безмѣрно печалитесь о толь маловажной вещи :„ которому царь отвѣтствовалъ слѣдующимъ образомъ : „ я знаю правило лю-

„ дей

„ дей мудрыхъ, что благородныя сердца и въ
„ самыхъ несчастнѣйшихъ и незапныхъ приклю-
„ ченіяхъ крушиться не должны. Ибо, когда
„ плачетъ царь, не могутъ, или хотя бы и
„ могли, не должны веселиться подданные; одна-
„ кожъ слышалъ я нѣкогда отъ отца моего,
„ что Государямъ ни въ какое время, и ни
„ очемъ плакать не пристойно, кромѣ точію о
„ которой нибудь изъ сихъ пяти вещей:

„ ВО ПЕРВЫХЪ, доброму Государю надлежитъ
„ оплакивать упадокъ и вредъ своего государ-
„ ства. Понеже добродѣтельный Государь каса-
„ ющіяся до собственнаго лица его обиды про-
„ щать; а во отмщеніи за самомалѣйшую,
„ учиненную государству, и жизни своей ща-
„ дить не долженъ.

„ ВО ВТОРЫХЪ, доброму Государю надле-
„ житъ плакать, ежели честь его поносятъ.
„ Ибо Государь, не оплакивающій кровавыми сле-
„ зами потерянія чести, живой погребеннымъ
„ быть достоинъ.

„ ТРЕТЬЕ, добродѣтельному Государю опла-
„ кивать должно тѣхъ, кои по малосилію пре-
„ терпѣваютъ многія бѣдства. Ибо Государь, ко-
„ торый не оплакиваетъ несчастія людей бѣд-
„ ныхъ, напрасно и бесплодно живетъ въ свѣтѣ.

„ СВЕРХЪ ТОГО доброму Государю надле-
„ житъ оплакивать счастіе и славу тиранновъ.
„ Ибо Государь, коему злонравныхъ лютость
„ пріятна, добродѣтельныхъ любви и послуша-
„ нія не достоинъ.

„ НА ПОСЛѢДОКЪ, добродѣтельному Госуда-
„ рю надлежитъ оплакивать смерть людей
„ мудрыхъ и разумныхъ. Ибо не можетъ воспо-
„ слѣдовать Государю вящшая утрата въ жиз-

„ ни,

„ ни, какъ ежели умретъ мудрый человѣкъ,
„ коего онъ употреблялъ къ правленію государ-
„ ства. „ Такимъ образомъ отвѣтствовалъ Ар-
хелай Греческому кавалеру, который упрекнулъ
его тѣмъ, что онъ оплакивалъ Еврипида.

Хотя же повсемѣстно древніе писатели упоминаютъ, въ коликой чести и любви философы и мудрые люди, какъ у Римлянъ, такъ и у Грековъ находилися; однако представлю я токмо одно достойнѣйшее примѣчанія. Всякому извѣстно, кто былъ Сципіонъ Африканскій, и колико прославилъ Римлянъ, пріобрѣтши и себѣ и городу безсмертную во всѣхъ вѣкахъ память, не потому только, что покорилъ Африку; но и потой причинѣ, что былъ мужъ весьма добродѣтельный. И по истиннѣ, не маловажнымъ почитать должно; ежели совокупятся въ одномъ человѣкѣ оба сіи качества, сирѣчь: счастіе и добродѣтель. Ибо многіе изъ древнихъ великую себѣ оружіемъ славу пріобрѣли, которую по томъ мерзостію житія погубили. По повѣствованію историковъ Римскихъ Енній Стихотворецъ первый былъ писатель Героическихъ стиховъ на Латинскомъ языкѣ, сочиненія коего толико почиталъ Сципіонъ Африканскій, что умирая сей пресчастливый Римлянинъ, положить во гробъ свой статую К. Еннія, предписалъ въ послѣднемъ завѣщаніи. Изъ сего Сципіонова поступка заключить можно, сколь любезны были ему въ жизни мудрые люди; поелику онъ разсудилъ, что вящшую принесетъ ему славу статуя убогаго стихотворца, нежели трофея покоренныя Африки.

Подъ державою Пирра Епирскаго царя, великаго непріятеля Римскаго, процвѣталъ въ Греціи

ціи Циней, родомъ Фессалянинъ, и какъ повѣствуютъ, Демосѳеновъ ученикъ. Древніе историки толико уважаютъ Цинея, что признаютъ его за образецъ и мѣрило человѣческаго витійства. Ибо онъ въ рѣчахъ былъ весьма пріятенъ, и въ мнѣніяхъ крайнѣ остроуменъ. Сей Циней троякую при дворѣ Пирровомъ отправлялъ должность. ВО ПЕРВЫХЪ, увеселялъ его во время стола забавными рѣчьми. Понеже въ шуточныхъ словахъ имѣлъ великую пріятность. ВО ВТОРЫХЪ записывалъ его дѣла; по тому что былъ велерѣчивый, и ко описанію истинны очевидный свидѣтель. НА ПОСЛѢДОКЪ, въ важныхъ дѣлахъ отправлялъ званіе посольства; поелику одаренъ былъ проницательнымъ разумомъ, и въ исправленіи дѣлъ особливымъ искусствомъ. Ибо онъ толь остроумно различные предлагалъ въ сношеніяхъ договоры, и такъ къ склоненію на свою сторону говорилъ искусно, что гдѣ только ни случалось ему отправлять ораторскую должность по дѣламъ военнымъ; тамъ или очень долговременное перемиріе, или вѣчной миръ исходатайствовать ему всегда удавалось.

Сему Цинею Пирръ нѣкогда сказалъ: „ я за „ три вещи, Циней, безсмертнымъ богамъ ве„ личайшее приношу благодареніе. ВО ПЕРВЫХЪ „ что они создали меня царемъ, а не рабомъ. „ Ибо найвящшее счастіе смертныхъ состоитъ „ въ томъ, чтобъ имѣть власть, многими по„ велѣвать; и не быть обязаннымъ, ни кому по„ виноваться. ВО ВТОРЫХЪ, благодарю боговъ, „ что даровали мнѣ отъ природы великодуш„ ное сердце. Ибо тому, кто во всякихъ труд„ ностяхъ ослабѣваетъ, заранѣе умереть, бы„ лобъ гораздо лучше. НА ПОСЛѢДОКЪ, благо-

„ дарю

„ дарю боговъ, что какъ въ правленіи государ-
„ ства, такъ и въ войнахъ другомъ мнѣ тебя
„ присоединили. Ибо признаюсь не лицемѣрно,
„ что ты больше городовъ покорилъ языкомъ,
„ нежели я оружіемъ. Такъ сказалъ Пирръ другу своему Цинею стихотворцу. Пусть же посмотрятъ нынѣшніе державные Монархи и Князи, коль искренніе доброхоты были мудрымъ людямъ древніе Государи: въ доказательство чего я привелъ не многіе примѣры, хотя гораздо множайшіе могъ представить.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

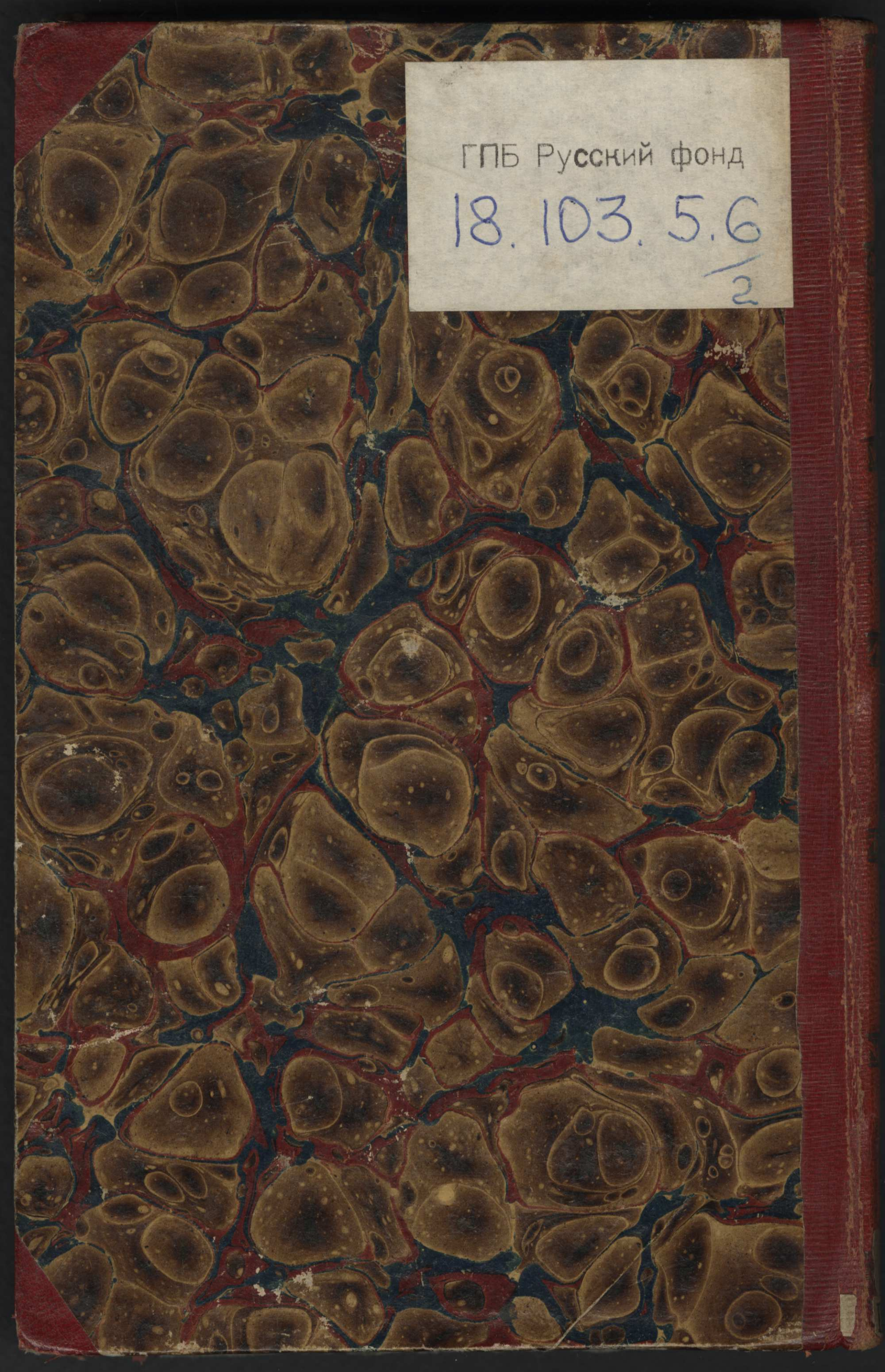

ПОГРѢШНОСТИ.

стра.	стро.	напечатано	читай
4	26	нелицемерно у суду	нелицемѣрному суду
—	29	при всемъ томъ о душахъ вашихъ	при всемъ томъ великолѣпіи о порабощенныхъ грѣху душахъ вашихъ
5	31	и унольненія	и увольненія
8	32	І. Боскъ	Л. Боскъ
9	18	празныхъ	праздныхъ
22	31	насъ горъ	сихъ горъ
23	34	однинакимъ	одинакимъ
26	33	во все	вовсе
29	4	снабденное	снабдѣнное
29	28	семи мудрецовъ,	семь мудрецовъ,
31	24	и проницательнѣйтую	и проницательнѣйшую
39	24	счедроты	щедроты
43	9	безз4конныхъ;	беззаконныхъ ;
44	14	Имнератора	Императора
47	15	по достойнству	по достоинству
—	—	награджать	награждать
48	13	свѣденія	свѣдѣнія
50	4	окончивался.	оканчивался.
—	8	жертвы ему,	ему жертвы,
58	11	заключатся	заключается
—	14	ежечасно	ежечасто
63	33	отчуждаешъ	отчуждаетъ
64	11	не ослабѣваетъ;	ослабѣваетъ ;
—	20	уравленіемъ	уравненіемъ
71	25	по томъ довольна	по томъ будетъ довольна

стра.	стро.	напечатано	читай]
—	23	свѣденія	свѣдѣнія
—	27	прочаго мало,	прочаго, мало
76	13	ни хоронить,	ни сохранять
—	25	Не розали	Не роза ли
79	30	Кондавлъ	Кандавлъ
88	5	похотили	похитили
100	2	снабденъ ;	снабдѣнной ;
101	15	I. Пій	Л. Пій
—	28	I. Пій	Л. Пій
103	9	не удостостоилъ;	не удосто-илъ;
109	18	въ 4, Иліады,	въ 4 Иліадѣ,
111	4	откоровъ	отроковъ
113	1	тля,	тля ;
—	—	танѣ	тонѣе
120	22	историкъ повѣст-вуетъ	историкъ повѣ-ствуетъ.
124	27	провождуетъ	провождаетъ
127	19	подтвержать	подтверждать
133	11	проходитъ,	приходитъ ,
134	24	отрасли знакъ есть.	отрасли, знакъ есть,
—	25	разнымъ	равнымъ
146	30	приставалъ,	привставалъ,
147	9	комубъ	коемубъ
150	17	изскусство	искусство
151	32	и надѣятся	и надѣяться
152	9	явится	явиться

X o X

ГПБ Русский фонд
18.103.5.6
1/2